

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

С. В. Корнакова

**ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2009

УДК 343.14(075.8)

ББК 67.99(2)8я7

К 67

Печатается по решению редакционно-издательского отдела
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты: д-р юрид. наук, проф. В.С. Балакшин
канд. юрид. наук, доц. И.Ю. Таричко

Корнакова С.В.

К 67 Логические основы уголовно-процессуального доказывания /
С.В. Корнакова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 188 с.

ISBN 978-5-7253-1924-8

Рассматривается содержание познания в процессе доказывания по уголовному делу, соотношение познания и доказывания в уголовном процессе, выявляются специфические особенности познавательной деятельности в процессе расследования уголовного дела. Анализируется дискуссионный вопрос об истине как цели уголовного судопроизводства, соотношение и динамика взаимодействия вероятного и достоверного знания. Особое внимание уделяется логике доказывания в уголовном процессе, логическому аспекту трансформации вероятного знания в достоверное. Анализируются условия формирования внутреннего судебного убеждения.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов вузов, а также сотрудников правоохранительных органов.

ББК 67.99(2)8я7

ISBN 978-5-7253-1924-8

Издательство БГУЭП, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Содержание и цель познания в процессе доказывания	
по уголовному делу	6
1.1. Доказывание как познавательная деятельность	
по уголовному делу	6
1.2. Проблема истины в современном уголовно-процессуальном праве	22
1.3. Цель уголовно-процессуального доказывания	49
Глава 2. Роль логики в процессе доказывания	
по уголовному делу	65
2.1. Логическое доказательство и уголовно-процессуальное	
доказывание	65
2.2. Значение законов логики в процессе доказывания	
по уголовному делу	79
Глава 3. Логика доказывания	105
3.1. Логическая и правовая природа и значение презумпций,	
используемых в уголовно-процессуальном доказывании	105
3.2. Достоверность и вероятность в уголовном процессе	122
3.3 Логический аспект трансформации вероятного знания в достоверное	
в процессе доказывания по уголовному делу	137
3.4. Условия формирования внутреннего судейского убеждения.....	161
Заключение	181

ВВЕДЕНИЕ

Существенные изменения уголовного судопроизводства на современном этапе предполагают необходимость не только совершенствования законодательства, но и значительного повышения качества и эффективности уголовно-процессуальной деятельности, что, в свою очередь, требует от каждого работника правоохранительных органов и суда всестороннего знания тех теоретических вопросов, от разрешения которых непосредственно зависит повышение эффективности следственной и судебной деятельности. К этим вопросам, в первую очередь, следует отнести вопросы, связанные с уголовно-процессуальным доказыванием, которые в теории уголовно-процессуального права обоснованно относят к числу концептуальных.

Поскольку методологической основой юридической науки является теория познания, исследование обстоятельств уголовного дела, постижение юридически значимых признаков совершения преступления, как и любое познание, протекает с соблюдением закономерностей познания вообще, подчиняется общеметодологическим принципам отражения и причинности с соблюдением логических правил и способов постижения истины.

Для решения задач, возникающих в процессе уголовно-процессуального доказывания, недостаточно даже безупречного знания закона, кроме этого, необходимо уяснение и методологических основ данного процесса, в частности, методологических средств (законов, правил, приемов) формальной логики.

Логическая правильность мышления является необходимым условием гарантированного получения истинных результатов в решении задач, возникающих в процессе уголовно-процессуального доказывания. По справедливому мнению С. С. Алексеева, в практической юриспруденции «абсолютное господство, царство формальной логики»¹, поэтому необходимость уяснения роли и

¹ Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: НОРМА, 2001. – С. 358.

значения формально-логических законов и правил в процессе доказывания по уголовному делу является очевидной.

По верному утверждению В. Н. Кудрявцева, «нет никакой другой области общественной жизни, где нарушение законов логики, построение неправильных умозаключений, приведение ложных аргументов могут причинить столь существенный вред, как в области права»¹, слишком высока цена логической ошибки у тех, от кого в той или иной степени зависят судьбы людей. Невнимание к методологическим вопросам в уголовном судопроизводстве или их игнорирование, как и в любой области теории и практики, негативно сказывается на решении проблем, возникающих в процессе доказывания, поэтому проблема выполнения требований формальной логики, предъявляемых к мыслительной деятельности субъектов доказывания в процессе познания по уголовному делу, – это не только методологический аспект, но и практический, от которого зависит качество работы органов предварительного расследования и суда.

Учитывая, что следственная и судебная деятельность основывается на соблюдении логических правил и законов, следует признать, что логике, как науке, имеющей важное юридическое значение, уделялось внимание лишь в рамках общих проблем уголовно-процессуального доказывания. Научная разработка избранной темы важна не только в теоретическом плане, но и для повышения эффективности деятельности правоприменителя.

¹ Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 48–49.

ГЛАВА 1. СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛЬ ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

1.1. Доказывание как познавательная деятельность по уголовному делу

Процесс расследования преступления осуществляется путем собирания, проверки и оценки доказательств и обоснования этими доказательствами выводов и решений по делу. Эта деятельность в уголовно-процессуальном законе охватывается понятием доказывания (ст. 85 УПК РФ). Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой познание событий прошлого, осуществляемое, в основном, не непосредственно, потому что познаваемая реальность (событие преступления) к моменту расследования уже не существует, а опосредованно, то есть по отображениям, которое она оставила на материальных объектах, в явлениях, процессах, в сознании людей¹. Таким образом, единственным способом раскрытия преступного деяния может быть только тщательное исследование связанных с ним сведений, и познание по этим известным сведениям неизвестных обстоятельств преступления.

Уголовно-процессуальное доказывание определяют как разновидность процесса познания². Данный тезис обосновывается тем, что познание в уголовном судопроизводстве, как и любая область познавательной деятельности, подчинено общим гносеологическим закономерностям (gnosis – знание и logos – понятие, учение; гносеология - «понятие о знании», «учение о знании»), опирающимся на тезис о принципиальной познаваемости мира, с соблюдением логических правил и способов получения верного представления об имевшем место событии прошлого³.

¹ Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России: Учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2004. – С. 119.

² Белкин, А. Р. Теория доказывания: Научно-метод. пособ. / А. Р. Белкин. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – С. 1; Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. - М.: «Проспект», 2000. – С. 5; Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании / А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 107.

³ Алексеев, П. В. Философия: Учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 207.

Каково же соотношение познания и доказывания в уголовном процессе? Нередко в юридической литературе познание в уголовном процессе и судебное доказывание характеризуются как взаимозаменяющие понятия и употребляются в качестве синонимов¹. Так, например, М. М. Михеенко считает, что, когда речь идет о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, необходимо ставить знак равенства, идентичности между доказыванием и познанием². Однако, хотя деятельность субъектов доказывания носит познавательный, исследовательский характер, рассматривать понятия «познание» и «доказывание» как тождественные нельзя, так как их совпадение не полное. Различие этих понятий особенно очевидно в условиях перехода современной системы уголовного судопроизводства от обвинительного к охранительному типу, основанному на принципе состязательности сторон, когда в число субъектов доказывания включены две стороны – обвинения и защиты, для которых познание и доказывание, хотя и тесно связаны друг с другом, но, вместе с тем, являются разными видами деятельности.

Познание вообще – это взаимодействие субъекта и объекта, результатом которого является проверенное практикой и удостоверенное логикой новое знание о мире³. Если познание представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях действительности, то доказывание заключается в обосновании полученного знания соответствующими средствами для предоставления возможности познания тех же обстоятельств другими лицами и проверки полученного знания на достоверность. Познание выступает гносеологи-

¹ Каз, Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. – С. 16; Уголовный процесс: Учеб. для студентов юрид. вузов и фак-тов / Под ред. К. Ф. Гуценко. – Изд. 2-е перераб. и. доп.; – М.: Зерцало, 1997. – С.129 – 130; Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер.- М.: Норма, 2008. – С. 16 – 24.

² Михеенко, М. М. Доказывание в советском уголовном процессе / М. М. Михеенко. – Киев: Высш. шк., 1984. – С. 8.

³ Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. – М.: Проспект, 1999. – С. 235 – 236.

ческой основой доказывания, так как доказывается, обосновывается всегда познание.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе (ст. 73 УПК РФ), установление этих обстоятельств является обязательным условием для разрешения уголовного дела по существу. Содержание предмета познания и предмета доказывания в уголовном судопроизводстве различно. Предметом познания в процессе расследования по уголовному делу являются конкретные сведения о событиях прошлого и настоящего, но лишь имеющие правовое значение сведения становятся предметом доказывания. В связи с этим, вызывает возражение мнение некоторых ученых, считающих, что «лишено всякого основания утверждение, будто надо различать предмет познания и предмет доказывания по делу, якобы первое из этих понятий шире второго»¹. Представляется, что критикуемое утверждение является верным, поскольку в процессе познания обстоятельств совершенного преступления далеко не все, познанное лицом, производящим расследование, включено законом в предмет доказывания.

В процессе собирания, проверки и оценки доказательств познание не отождествляется с доказыванием, не сливается с ним полностью. Познание иногда ограничивается выяснением какого-либо обстоятельства только самим следователем (например, уяснение им обстановки на месте происшествия), доказывание же предполагает не только уяснение факта следователем, но и превращение его из «факта для себя» в доказательственный факт. Первоначальные сведения обнаруживаются в процессе производства осмотров, обысков, при допросах свидетелей, подозреваемых, при ознакомлении с документами и т. д. Так, например, при производстве осмотра не должны оставаться без внимания предметы, которые на первый взгляд могут казаться не связанными с расследуемым событием, но которые впоследствии могут помочь восполнить картину

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С. 48; Дулов, А. В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А. В. Дулов, А. С. Рубис. – Минск: БГУ, 2004. – С. 43.

преступления¹ (оброненная квитанция, обрывок газеты с разгаданным кроссвордом², пятно на скатерти и т. д.). Когда собираются первоначальные данные, часто неизвестно, какие из них и в какой связи будут находиться с устанавливаемым событием преступления, лишь при последующем анализе исходных сведений лицо, ведущее производство по делу, выявляет наличие общего – их связи с преступлением. Этот процесс обобщения решает важную задачу относимости доказательственного материала. Объекты, относимость которых к делу не является очевидной, но возможна, должны изыматься для последующего их изучения и решения вопроса об их значимости для расследования. Относимость к делу некоторых сведений может выясниться в результате сопоставления их с уже полученными доказательствами, в результате специального исследования экспертом и т. д. Те же сведения, связь с расследуемым событием которых не установлена, будучи познанными и оставаясь в материалах дела, не будут входить в содержание предмета доказывания. Всякое обстоятельство, относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке, но сначала это обстоятельство познается, а уже затем решается вопрос об относимости этого обстоятельства (сведений о нем) к предмету процессуального доказывания. Значит, предмет познания и предмет доказывания по делу находятся в отношении субординации и объем первого понятия включает в себя объем второго. Такому выводу не противоречит и то, что «с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредованного познания и не может иметь

¹ И. Я. Фойницкий в этой связи писал: «Судебная практика богата примерами раскрытия виновников по оставленному ими отпечатку руки, по свойству узла на оставленной веревке, по пыли от ног, по клочку волос и т.п.». (Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х т. Т. 2 / И. Я. Фойницкий: печ. по 3-му изданию Спб., 1910. – СПб.: Изд-во АЛЬФА, 1996. – С. 303.)

² Так, например, Р. С. Белкин описал случай, когда по заполненному печатными буквами месту, где редакция предлагала проставить фамилию лица, отгадавшего кроссворд, для отсылки решения в газету, несмотря на то, что на обнаруженном обрывке были только две буквы, удалось установить женщину, совершившую детоубийство. (Белкин, Р. С. Ведется расследование.../ Р. С. Белкин – М.: Советская Россия, 1976. – С. 124.).

предмет, отличный от предмета познания»¹, поскольку по правилам формальной логики признаки, присущие роду, с необходимостью принадлежат и виду.

Статья 85 УПК РФ определяет, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при производстве по уголовному делу. Значит, прежде чем стать доказательствами, информация о расследуемом событии должна быть познана, осмыслена, проверена и оценена. Познание возможно без доказывания, но не наоборот.

Лицо, производящее предварительное расследование, может получить относящиеся к делу сведения и непроцессуальным путем, например, в результате оперативно-розыскной деятельности органов дознания. Так, из оперативных источников стало известно, что подозреваемый, находясь в следственном изоляторе, рассказал о своем участии в преступлении и об обстоятельствах преступления. Это только ориентирующая информация. Но следователь по договоренности с оперативным работником решает допросить лицо, которое сообщило о состоявшемся в камере разговоре, в качестве свидетеля (соответственно, обеспечив безопасность этого лица), чтобы получить доказательство по делу². В результате проведения соответствующих следственных действий ориентирующая информация приобретает процессуальный характер³.

Таким образом, познание по уголовному делу не исчерпывается только процессом доказывания, оно включает в себя также познание событий, указывающих путь к получению доказательств, раскрывающих доказательственное значение фактов, документов, следов.

¹ Фаткуллин, Ф.Н. Указ. соч. – С. 48 – 49.

² Степура, Ю. И. Собираение информации и доказывание в ходе работы следователя по уголовному делу / Ю. И. Степура, А. Г. Филиппов // Вестник криминалистики. – 2004. – № 1. – С. 42.

³ По справедливому мнению В. А. Лазаревой, возможность использования сведений, полученных непроцессуальным путем, определяется принципиальной возможностью проверки их достоверности. (Лазарева, В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие / В. А. Лазарева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 169).

Следует различать также и субъектов уголовно-процессуального познания и доказывания. Уголовно-процессуальным доказыванием занимается не любой человек, желающий получить знания по уголовному делу, а исключительно органы и лица, наделенные правомочиями по участию в деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств, при этом стороны защиты и обвинения преследуют разные процессуальные цели. Субъектами же познавательной деятельности могут быть и другие лица, так или иначе связанные с событием преступления (свидетели, эксперты, специалисты и т.д.), вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства и имеющие отличную от доказывания познавательную цель.

В каких формах происходит познание и доказывание в уголовном процессе? Источников человеческого познания только два: опыт и разум, иными словами, прямое наблюдение познаваемого и умозаключение¹. Поэтому всякое познание происходит в неразрывном единстве непосредственного (эмпирического) и опосредованного (логического). Непосредственное наблюдение – метод, опирающийся на чувственные познавательные способности человека, но в наблюдении постоянно проявляется и рациональная способность в форме установок. Именно мысль придает особую остроту органам чувств человека. Как верно отмечал А. Тренделенбург, «наблюдение только потому является источником знаний, что забегающая вперед мысль руководит в нем нашим вниманием»². Большинство элементов, содержащихся в познании наблюдаемого предмета, познается нами не непосредственно, с помощью органов чувств, а опосредованно, с помощью мгновенного умозаключения³. «Положим, – писал Дж. Ст. Милль, – я утверждаю, что слышу человеческий голос. В обыкновенном разговоре это было бы признано за прямое восприятие. Однако действительное восприятие состоит лишь в том, что я слышу звук. Что звук есть голос и что го-

¹ Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 6.

² Тренделенбург, А. Логические исследования / А. Тренделенбург; пер. Е. Корша. – М.: Тип. Грачева И. К., 1868. – С. 300.

³ Рутковский, Л. В. Основные типы умозаключений / Л. В. Рутковский // Избранные труды русских логиков XIX века: Отв. ред. П. В. Таванец. – М.: АН СССР, 1956. – С. 325.

лос этот есть голос человека, не восприятие, а выводы»¹. Отсюда и часто встречаемые ошибки при восприятии – ошибки, заключающиеся в неправильном истолковании полученных ощущений².

Взаимопроникновение разума и чувств, – верно отмечает А. Р. Ратинов, – состоит в том, что даже самые элементарные познавательные акты практически невозможны без мышления, а самые абстрактные мыслительные процессы насыщены чувственными элементами, исходят из них³. Поясним эту мысль. Психика человека, как известно, проявляется в его возможности отражать окружающую действительность и строить ее образ (функция отражения), выражать к отраженному субъективное отношение (функция отношения) и регулировать взаимодействие со средой (функция регуляции). Эти три указанные функции обеспечиваются тремя сферами психики: познавательной, эмоциональной и мотивационной. Функция отражения обеспечивает человеку ориентировку в действительности, получение или создание информации о ней. Функция отношения проявляется в субъективной оценке происходящего, на основании которой проявляется инициация активности человека, причем психическая регуляция невозможна без предварительной оценки происходящего (проявления субъективного отношения), вследствие чего возникает побуждение к активности или отказ от нее. Субъект познания, отражая в сознании происходящее, одновременно оценивает, выражает к нему свое отношение, и в соответствии с этой оценкой принимает решение действовать определенным образом («Я вижу (слышу, чувствую и т. д.) что-либо, значит...»). При принятии решения когнитивный компонент в психике должен преобладать, – считает Л. В.

¹ Милль, Дж. Ст. Система логики / Дж. Ст. Милль: пер. с англ. под. Ред. П.Л. Лаврова, Ф. Резнером с 5-го Лондонского изд. – СПб: Изд-во М.О. Вольфа, 1865. – С. 139.

² О неправильном истолковании полученных ощущений см., например: Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 23 – 24; Ароцкер, Л. Е. Тактика и этика судебного допроса / Л. Е. Ароцкер. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 82 – 85; Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – Минск: Харвест, 2002. – С. 271 – 272.

³ Ратинов А. Р. Указ. соч. – С. 108.

Алексеева, – лишь в этом случае, оправдывая свое предназначение, человек будет «человеком разумным»¹.

Следовательно, процесс познания постоянно сопровождается актами оценок, т. е. мыслительной деятельностью, что означает решение по выбору, а выбор, в свою очередь, ведет к действию (или отказу от действия). Оценка, таким образом, организует практическую деятельность субъекта познания.

Соответственно двум формам познания (эмпирическое и логическое) известно непосредственное и логическое доказывание². Непосредственное доказывание имеет место в том случае, когда для удостоверения отдельного положения достаточно непосредственно воспринять тот или иной предмет и предъявить его другим лицам, тем самым, подтвердив справедливость доказываемой мысли. Так, можно доказать наличие или отсутствие дефектов в одежде, осмотрев и предъявив эту одежду. Рациональное логическое доказывание имеет место тогда, когда объект мысли недоступен восприятию, когда получение знаний и их удостоверение происходит при посредстве других предметов и сведений о них. Тот же факт может быть установлен и удостоверен документом мастерской о приеме одежды в ремонт, показаниями мастера и т. п.³.

Поскольку, как уже было отмечено, между моментом расследования уголовного дела и событием преступления существует определенный «разрыв» во времени, область применения эмпирического доказывания значительно меньше логического, но все же не исключается. Поэтому не совсем верным представляется утверждение Л. Е. Владимирова, что «все, что совершается вне нас и в наше отсутствие, может быть познано только посредственно, если, конечно, познание в данном случае вообще возможно»⁴. Познание обстоятельств преступного события происходит преимущественно, но не исключительно опосредо-

¹ Алексеева, Л. В. Юридическая психология: Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения / Л. В. Алексеева. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 3–4, 44, 52.

² Асмус, В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении / В. Ф. Асмус. – М.: Госполитиздат, 1954. – С. 13.

³ Ратинов, А. Р. Указ. соч. – С.109.

⁴ Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – С. 38.

ванным путем. Конечно, ни один очевидец не может наблюдать¹ всех обстоятельств преступления, подлежащих доказыванию в совокупности (приготовительных действий, сговора участников, субъективной стороны, причинной связи между действием и результатом, и т. д.). Все это устанавливается, доказывается при посредстве других фактов, а последние через информацию о них. В указанном смысле доказывание в уголовном процессе есть опосредованный процесс². Но путь непосредственного наблюдения в уголовно-процессуальном доказывании не исключен³ в отношении отдельных фрагментов преступления, которые сохранились к моменту расследования и могут быть доступны для непосредственного восприятия. Например, в тех случаях, когда следователь воспринимает факты, входящие в круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу, – материальные последствия совершенного преступления (обгоревший дом, сломанная машина, обезображенное лицо потерпевшего и т. п.)⁴. По справедливому, на мой взгляд, мнению С. В. Курылева, использование непосредственного восприятия фактов, имеющих юридическое значение и являющихся доказательствами, имеет место, например, в результате проведения таких следственных действий, как опознание, следственный или судебный эксперимент. Так же, по его мнению, непосредственно воспринимаются факты, относящиеся к поведению в суде участников дела и др.⁵ В этой связи вызывает возражение позиция некоторых ученых, утверждавших, что процессуальное до-

¹ А. Л. Репецкая и В. Я. Рыбальская считают, что «преступление, в принципе, можно наблюдать (свидетели, жертвы)». Репецкая, А. Л. Криминология: Общая часть: Учеб. пособие / А. Л. Репецкая, В. Я. Рыбальская. – Иркутск: Изд. ИГЭА, 1999. – С. 42.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин, – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Юрид.лит., 1973. – С. 288 – 289.

³ М. М. Гродзинский в свое время утверждал противоположное - «способ непосредственного наблюдения в уголовном процессе исключен», с чем трудно согласиться. (Гродзинский, М. М. Улики в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – Ученые труды ВИЮН, Вып. VII. – М.: Юрид. изд-во ВИЮН СССР, 1945. – С. 3.).

⁴ Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе / П. А. Лупинская. – М.: ВЮЗИ, 1966. – С. 54.

⁵ Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. – С. 17.

казывание есть полностью опосредованный путь познания, и вне предусмотренных законом средств нет процессуального доказывания¹.

Хотя собирание сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, и является обязательным элементом процессуального доказывания, некоторые обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, как «подлежащие доказыванию», могут быть выявлены не путем доказывания в процессуальном смысле, а иным. Речь идет, прежде всего, об обстоятельствах, форма выявления которых может быть связана с констатацией их общеизвестности или очевидности. Общеизвестные факты освобождены от доказывания в силу того, что их истинность очевидна, а доказывание является излишним. В любой отрасли знаний существуют положения, принимаемые без доказательств, благодаря этому достигается экономия интеллектуальных усилий, ибо отпадает необходимость доказывать каждое утверждение самостоятельно². Общеизвестны, например, определенные физические, химические, технологические свойства и признаки вещей: стекло не трудно разбить камнем, стиральный порошок токсичен и т.п. Поэтому, когда в одном из судебных заседаний ответчики по делу возражали, что их сын, учащийся младших классов, не мог перебить стекла в десятках окон школы, что они не знали о ядовитости стирального порошка и потому насильно напоили ребенка истца, судьи справедливо отклонили их доводы, указав на общеизвестность данных фактов³. Естественный ход развития событий, естественный порядок вещей лежит в основе фактических презумпций – положений, принимаемых временно за истинные, т. е. до возникновения сомнения.

Как верно отмечал А. Шопенгауэр, «в каждом единичном явлении есть существенное и потому общее целому классу, от этого всякая вещь выступает представительницей своего рода»⁴ (например, способность взрослого человека

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 16.; Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович; АН СССР Ин-т права. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С.230 – 236.

² Рузавин, Г. И. Логика и основы аргументации: Учебник для вузов / Г. И. Рузавин. – М.: Проект, 2003. – С. 143.

³ Зайцев, И. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах / И. Зайцев, С. Афанасьев // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 26.

⁴ Шопенгауэр, А. Новый паралипоминон / А. Шопенгауэр. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – С. 319.

различать в дневное время цвет сигнала, показания прибора; наличие кого-либо на линии движения транспортного средства или линии прицеливания). В таких случаях выявление некоторых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, возможно не через собирание органом расследования сведений, на основе которых затем делаются ретроспективные выводы об этих обстоятельствах, а путем получения этих выводов в «готовом виде».

Следует оговориться, что речь в данном случае идет, во-первых, лишь о некоторых обстоятельствах, а не о системе в целом (виновность лица, в частности, должна быть доказана в процессуальном порядке); во-вторых, в каждом конкретном случае общеизвестность наличия признака, свойства, присущего классу объектов в целом, может быть оспорена, например, может иметь место расстройство психики, нарушение органов зрения и т. д. С логической точки зрения, общее положение считается опровергнутым, как только обнаруживается хотя бы одно ошибочное следствие, т. е. несостоятельность любого следствия некоторого положения автоматически означает ложность этого положения. Так, существует фактическая презумпция вменяемости, в силу которой каждое лицо считается вменяемым, пока не будет доказано противоположное. Вменяемость лица специально по каждому уголовному делу не доказывается. Лишь в случае, когда имеются данные о неспособности лица понимать значение своих действий и руководить ими, вменяемость лица опровергается этими данными. В этом случае «готовый» вывод обязательно проверяется путем доказывания в процессуальном смысле.

Так же не подлежащими доказыванию являются обстоятельства, установленные ранее вступившим в законную силу приговором (ст. 90 УПК РФ), т. е. преюдициальные. Как справедливо указывал В. Д. Арсеньев, «презумпция истинности судебного решения лежит в основе признания его таковым законодателем, само же законодательное признание решения истинным делает указанную презумпцию преюдицией»¹. В таких случаях речь идет о недопустимости

¹ Арсеньев, В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию в процессе уголовного судопроизводства // В. Д. Арсеньев. – Изв. вузов: Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 10.

повторного установления фактов, уже доказанных компетентными органами. Но и здесь преюдициальные обстоятельства, согласно ст. 90 УПК РФ, не подлежат доказыванию только в том случае, «если эти обстоятельства не вызывают сомнения суда».

В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Р. С. Белкин и А. И. Винберг определяли доказывание как «выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями»¹. Данное определение вызвало дискуссию, так, например, Ф. Н. Фаткуллин, считая это мнение односторонним, утверждал, что в уголовном процессе не может быть ни априори данных фактов, ни заранее известных явлений, обосновывающих эти факты². Это утверждение вряд ли можно считать состоятельным, поскольку, во-первых, наличие хотя бы минимального запаса знаний о предмете является необходимой предпосылкой успешных действий с ним³. Во-вторых, большая часть знания приобретается человеком не непосредственно из практики, опыта (апостериорно – «после опыта»), а априорно («до опыта», «вне опыта»)⁴, поскольку отдельный человек не в состоянии получить все знания через личный опыт, свою практическую деятельность. Значительная часть информации приобретается, конечно, непосредственно из внешнего мира. Личностная практика субъекта (практическое взаимодействие с объектами) создает базу для наращивания информации, для ее оценки и переработки. Тем не менее, большинство обобщений, имеющих у индивидов, приобретает опосредованно. Истинность законов, аксиом подтверждается практикой человечества и не нуждается поэтому в новом подтверждении.

¹ Белкин, Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – М., 1969. – С. 6–7; Белкин, А. Р. Теория доказывания. – С.9. Эту же мысль высказывал Н. С. Алексеев. Алексеев, Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе / Н. С. Алексеев // Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1967. – С. 429.

² Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 16.

³ Ратинов, А. Р. Указ. соч. – С. 107.

⁴ Алексеев, П. В. Философия. – С. 362.

Например, несовпадение папиллярных узоров у разных людей не доказывается всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Это было известно и до нас (до нашего личного опыта – априори), мы используем это готовое знание в своих целях. По большей части «обосновывающие другие факты, явления» – это и есть общественно полезный результат человеческой практики, который используется при доказывании. В уголовном процессе не может быть априори данных фактов, все факты по каждому конкретному делу должны выявляться в полном объеме, но для обоснования выводов неизбежно используются знания, полученные в готовом виде из обобщенной практики предшествующих поколений, в этом и проявляется преемственность знания.

Уголовно-процессуальное доказывание выступает в качестве способа познания только фактических обстоятельств дела, имеющих значение меньшей посылки для логических выводов. Большой посылкой таких выводов являются установленные положения (обобщенное знание, презумпции¹, нормы права, правовые аксиомы² и т.д.), не нуждающиеся в доказательстве. Благодаря науке, которая в своих законах и принципах закрепляет общественно-историческую практику человечества, суждение может быть обосновано логически, путем выведения из уже установленных положений¹.

Доказывание всегда осуществляется в строгих рамках процессуальной формы, чего нельзя сказать о познании. Процесс познания может быть основан на любых данных, доказывание же – только на данных, полученных из процессуальных источников. Процессуальное доказывание как любой процесс познания подчиняется законам мышления и, если эти законы заранее не ставят никаких пределов в использовании доказательств в процессе познания явлений дей-

¹ По мнению С. В. Курылева, в основе любой из установленных законом презумпций лежит найденная путем многочисленных наблюдений большая вероятность наличия одних обстоятельств при достоверном установлении других. (Курылев, С.В. О достоверности и вероятности в правосудии / С. В. Курылев // Изв. вузов: Правоведение, – 1968. – № 1. – С. 7).

² А. А. Ференс-Сороцкий определяет правовые аксиомы как правовые нормы, которые в результате многовековой практики их применения стали привычными и самоочевидными. (Ференс-Сороцкий, А. А. Аксиомы в праве / А. А. Ференс-Сороцкий // Изв. вузов: Правоведение. – 1988. – № 5. – С. 27).

ствительности, то выводы по уголовному делу должны быть обоснованы только допустимыми доказательствами. С точки зрения логики, в сочетании слов «допустимость доказательств» содержится противоречие – в познании не могут быть недопустимыми имеющиеся доказательства², но в процессуальном доказывании закон запрещает делать выводы на основании доказательств, признанных недопустимыми, даже если нет сомнения в их достоверности (например, из процесса доказывания исключается информация, зафиксированная в протоколе допроса свидетеля, подозреваемого, если ему не разъяснено положение ст. 51 Конституции РФ). Достоверные доказательства могут признаваться недопустимыми и исключаться из разбирательства по делу³.

В доказывании органически сочетаются две равноценные стороны – мыслительная и практическая. Мыслительная (логическая) сторона доказывания подчинена законам логического мышления, практическая (процессуальная) деятельность подчинена предписаниям правовых норм и основана на них. По верному мнению М. К. Треушникова, нормы права предписывают совершение таких процессуальных действий, которые создают наилучшие условия для того, чтобы процесс мышления был логичным и приводил к адекватным действительности знаниям людей, применяющим нормы права⁴.

Процессуальное доказывание нельзя трактовать в качестве либо только мыслительной, либо только практической деятельности по доказыванию. «Противопоставление и отделение практического от логического, – верно отмечал П. В. Копнин, – лишено смысла. Несомненно, проверка истинности суждений обязательно принимает логическую форму и без логики не может быть осуществ-

¹ Кириллов В. И. Логика: Учебник для юридических вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – Изд. 5-е перераб. и доп. – М.: Юрист, 1998. – С. 17.

² Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М.: Городец, 2005. – С. 133.

³ По мнению С. В. Некрасова, проблема утраты доказательств по причине получения их с нарушением закона является выражено злободневной. Судебное рассмотрение дел приобрело ориентацию на жесткость в оценке законности получения доказательств. (Некрасов С. В. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве. / С. В. Некрасов // Особенности доказывания в судопроизводстве: Под ред. А.А. Власова. – М.: Экзамен, 2004. – С. 283.)

⁴ Треушников, М. К. Указ. соч. – С. 55.

лена. Как таковое, практическое действие не может войти в доказательство, оно должно быть осмыслено человеком и включено в логический процесс. Результаты практического акта осознаются в форме суждений, объективная истинность которых становится непосредственно достоверной в силу чувственно-материального характера практики. Эти суждения включаются в логический процесс рассуждения, протекающего по определенным законам и формам»¹. В связи с этим, вызывает возражение мнение В. С. Джатиева, который, отмечая соотношение познания и доказывания в уголовном процессе, полагает, что познание в уголовном процессе носит комплексный логико-практический характер, доказывание же – только логический¹. На мой взгляд, процесс собирания, проверки и оценки доказательств, по определению, не может быть только логической деятельностью, поскольку один из элементов процесса уголовно-процессуального доказывания – собирание доказательств, предполагает активную практическую деятельность, непосредственный контакт субъекта доказывания с источником доказательственной информации, в ходе которого происходит обнаружение, получение и закрепление доказательств. В процессе процессуального доказывания практическая и мыслительная деятельность субъектов доказывания неразрывно связаны.

Уголовно-процессуальное доказывание можно определить как логико-практическую деятельность, протекающую в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, заключающуюся в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Выводы:

1. Особенности уголовно-процессуального доказывания являются:
 - 1) Специфичный предмет познания уголовно-процессуального доказывания – совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом

¹ Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки... – С.165.

обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела.

2) Необходимость принятия решения по делу. Чем бы ни завершилась доказательственная деятельность, по делу обязательно должно быть принято решение. Познание обстоятельств совершенного преступления – не самоцель уголовного судопроизводства, а основа для правильного разрешения дела.

3) Ограниченность познания в процессе уголовно-процессуального доказывания во времени, которое определяется сроками предварительного расследования и разрешения уголовного дела.

4) Доказывание имеет познавательную и удостоверительную стороны¹. При доказывании, предполагается адресат, к которому обращен этот процесс. Таким адресатом в уголовном судопроизводстве являются и сам субъект познания, и участники уголовного судопроизводства.

5) Строгая регламентация законом. Использование только предусмотренных законом источников знания, обязательная форма получения и закрепления знаний, строго определенный процессуальный порядок.

6) Доказывание по уголовному делу подчиняется одновременно логическим законам мышления и законам как нормативно-правовым актам, устанавливаемым государством.

2. Уголовно-процессуальное доказывание, наряду с общими для всякого познания чертами, обладает своими специфическими особенностями, отличающими его как от научного познания, так и от исследования в других областях практической деятельности. Эти особенности обусловлены специфическим предметом уголовно-процессуального доказывания, его условиями, строго определенными процессуальными методами и т. д.

3. Уголовно-процессуальное доказывание – логико-практическая деятельность, протекающая в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, заключающаяся в обосновании собранными, проверенными и оценен-

¹ Джатиев, В. С. Познание и доказывание в советском уголовном процессе // В. С. Джатиев // Изв. вузов: Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 63.

ными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

1.2. Проблема истины в современном уголовно-процессуальном праве

Учение об истине является одним из древнейших в философии. Принципиальная возможность познания истины утверждалась еще античными философами. Уже в VI веке до н. э. познаваемость природы и существование объективной истины как соответствие мысли независимой от человеческого сознания действительности не подвергалось сомнению, ставился вопрос об условиях истинного знания. Так, Гераклит «настаивает на следовании в мышлении объективному началу. Это объективное начало он называет Логосом, которое характеризует... как мысль, с которой человеческая мысль может совпадать и не совпадать, в зависимости от того, насколько человек прислушивается к голосу природы»².

Возникновение классической концепции истины связано с именем Аристотеля, который, классифицировав и обобщив методы познания в науке, создал учение о формах постигающего истину мышления, т.е. логику. В классическом понимании соответствие мысли реальности трактовалось как то, что утверждаемое мыслью имеет место «на самом деле», при этом для установления истины не менее важно следовать универсальным правилам, логике, поскольку лишь применение законов логики позволяет человеку приблизиться к истине. Если рассуждение по поводу познаваемого объекта, построенное на истинных посылах, осуществлялось в полном соответствии с правилами рассуждения, то и получаемый вывод автоматически получал статус истинного.

В новое время рациональность в понимании истины проявилась в том, что истинным считалось только то знание, которое могло быть проверено на соответствие объекту экспериментальным путем, т.е. практика признается

¹ Впервые на это указал А. Р. Ратинов. Указ. соч. – С.107.

² Ахманов, А. С. Логическое учение Аристотеля / А. С. Ахманов. – М.: Соцэгиз, 1960. – С. 26.

единственным критерием истинности, но основная идея соответствия знания предмету остается неизменной.

Знание лишь тогда будет истинным, когда верно отражает описываемый фрагмент действительности, соответствует ему. Знания об окружающем нас мире имеют характер объективных истин, не зависящих от воли и желания людей в том смысле, что не создаются по их усмотрению, а детерминированы отраженным объектом.

Современные ученые в философских и гуманитарных науках все большее значение придают ценностным основаниям познания, т. е. акцент делается на предпосылках познания. Это является оправданным, поскольку объективные основания познаваемой деятельности немислимы без ценностных факторов, без тех или иных социально-политических, нравственно-этических, мировоззренческих позиций.

На протяжении всей истории отечественного уголовного судопроизводства не подвергалась сомнению его направленность на установления истины. Известные русские процессуалисты истину называли по-разному (объективная, материальная, юридическая, нравственная, практическая), но никто не отрицал ее значения и необходимости установления в уголовном судопроизводстве¹.

Положение о том, что по уголовным делам должна устанавливаться объективная истина, господствовало и в советском уголовном процессе. Это положение предусматривалось в нормах УПК РСФСР 1960 г. (ст. 20; ч. 1 ст. 89; ч. 2 ст. 213; ч. 2 ст. 257; ч. 3 ст. 280). Истина общепризнанно являлась одной из целей уголовного судопроизводства на протяжении нескольких десятилетий, при этом она понималась как точное соответствие выводов органа предварительного расследования, прокурора и суда, изложенных в том или ином процессуальном решении, тому, что было в действительности².

¹ Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 64–67; Розин, Н. Н. Курс уголовного судопроизводства / Н. Н. Розин. – СПб, 1948. – С.380–383; Фойницкий, И. Я. Указ.соч. – С. 164 – 167.

² См.: Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Л. С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – С. 59.

А. А. Старченко отмечал, что проблема истины в теории и истории уголовного процесса всегда была и остается тем узловым пунктом, где наиболее тесно соприкасаются юриспруденция и гносеология¹. Эта проблема в отечественной юриспруденции, обсуждаемая как представителями процессуального² и уголовного права³ в рамках теории доказательств и в контексте проблем квалификации преступлений, так и теоретиками права⁴, исследующими проблему истины в области применения права, остается и в настоящее время предметом спора, остро дискуссионной.

Как, без сомнения, справедливо отмечает Ю. В. Кореневский, «с позиций здравого смысла, проблема истины в правосудии, казалось бы, не дает почвы для споров. Если понимать истину в этой сфере как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать необходимость постановки такой цели»⁵. Тем не менее, вопреки этим простым и убедительным суж-

¹ Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1958. – С. 25.

² Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе; Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968; Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М.: Госюриздат, 1960; Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В. Д. Арсеньев. – М.: Юрид. лит., 1964; Горский, Г. Ф. Указ. соч.; Мухин, И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия / И. И. Мухин. – Изд-во ЛГУ, 1971; Каз, Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960 и др.

³ Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 1999; Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрид. лит., 1978.

⁴ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2-х т. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение) / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1973; Сырых, В. М. Логические основания общей теории права: в 2-х т. – Т. 1: Элементный состав / В. М. Сырых; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000; Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке, практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993; Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие / А. Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

⁵ Кореневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю. В. Кореневский // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность; Под ред. В. А. Власихина. – М.: Юрист, 2000. – С. 143.

дениям, – отмечает В. И. Зажицкий, – истину в уголовном судопроизводстве сделали проблемной¹.

Проблемы в установлении истины в процессе расследования по уголовному делу, содержание этой истины различные ученые рассматривают по-разному.

Так, по мнению И. Г. Субботиной, требование установления материальной истины по каждому уголовному делу (в классическом ее понимании) не соответствует на данном этапе развития общества и государства нравственным критериям, т. к. может привести к применению средств, существенно нарушающих интересы лиц, которые будут принесены в жертву публичным интересам².

Действительно, в ряде случаев закон расценивает права и интересы человека как большее социальное благо, чем достижение истины по уголовному делу (свидетельский иммунитет, дела частного обвинения, возбуждаемые только по заявлению потерпевшего и др.) и процессуальные гарантии затрудняют отыскание истины. Но, как точно указывает И. Л. Петрухин, «если эти гарантии соблюдены, то выводы следствия и суда гораздо более достоверны, чем при произвольном ведении процесса»³, значит, соблюдение правовых гарантий затрудняет, но не исключает установление истины по уголовному делу.

В. И. Басков утверждает, что философское определение объективной истины как содержания знания, независимого от человека, не может распространяться на понятие истины в уголовном судопроизводстве, поскольку познать истину в уголовном процессе независимо от субъектов этого познания (следователя, прокурора, судей) нельзя, ее познание неразрывно связано с восприятием ее указанными субъектами⁴. Такой аргумент является в корне несостоятель-

¹ Зажицкий, В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67.

² Субботина, И. Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. Г. Субботина. – Иркутск, 2002. – С. 66.

³ Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 24.

⁴ Басков, В. И. Истина в уголовном судопроизводстве / В. И. Басков // Вест. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1995. – № 3. – С. 44.

ным, поскольку знания (как истинного, так и ложного) нет вообще без познающего субъекта.

А. Александров утверждает, что стремление к истине отражает идеологию инквизиционного процесса и авторитаризма, что в демократическом государстве должен существовать «режим плюральности истин»¹. И с этим мнением согласиться невозможно, поскольку, во-первых, «плюральных истин»² вообще не существует. Истин, как отражения объективной реальности, не может быть несколько, истина всегда конкретна, соответствовать или не соответствовать объективной реальности могут только наши знания о ней³, человек либо знает истину, либо нет, говоря словами В. М. Сырых, в отличие от Януса истина не может быть многоликой⁴. Истина не может быть двойственной. Двойственную, тройственную и т. д. природу может иметь мнение или заблуждение.

И, во-вторых, как весьма убедительно отмечает И. Л. Петрухин, «демократическое государство заинтересовано в установлении истины, потому что от этого зависит судьба граждан, как обвиняемых в совершении преступления, так и пострадавших от него. Авторитарный режим, наоборот, призывает довольствоваться вероятностью и руководствоваться здравым смыслом (например, «социалистическим правосознанием»)⁵.

А. В. Агутин, анализируя содержание понятия «истина», приходит к неожиданному выводу, что истина в значении «адекватное отражение в сознании воспринимающего того, что существует объективно» является непосредственным атрибутом философской науки и является неприемлемым в сфере уголовного судопроизводства. «Абстрактный смысл слова «истина», – считает

¹ Александров, А. О значении концепции объективной истины / А. Александров // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 24.

² О «режиме плюрализма, открывающего свободу конкуренции истин» пишет и Е. А. Карякин. (Карякин, Е. А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики) / Е. А. Карякин. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2005. – С. 32.).

³ Как указывает В. М. Сырых, «диалектический материализм ориентирует познающего субъекта на поиск и открытие объективных знаний, а не мыслей, оценок и мнений, иных форм выражения субъективного знания об объективном». (Сырых, В. М. Указ. соч. – С. 208.).

⁴ Сырых, В. М. Указ. соч. – С. 139.

⁵ Петрухин, И. Л. Истина, достоверность, вероятность в суде / И. Л. Петрухин // Юридический мир. – 2003. – № 8. – С. 23.

автор, – наполняется дополнительным уголовно-процессуальным содержанием, вследствие чего уголовно-процессуальное явление, охватываемое этим термином, начинает экстраполировать свойственные только уголовно-процессуальной сфере признаки. При этом чем больше уголовно-процессуального содержания в истине, тем меньше в ней остается от философского значения... доказывание имеет дело не с абстрактными категориями, а с конкретными доказательствами, вследствие чего философской истине не остается в этом процессе места»¹.

Такой вывод также невозможно признать правильным, поскольку философская теория познания – наука о закономерностях познания (не только научного, но и профессионального и даже обыденного), и ее положения в полной мере распространяются и на познавательную деятельность следственных и судебных органов. Поэтому нет никаких оснований, отказываться от оценки результатов познания с позиции категории объективной истины.

Далее А. В. Агутин констатирует, что для применения в сфере уголовного судопроизводства наиболее подходящим является слово «истина» в значении «утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом», поскольку, термин «утверждение» означает «положение, мысль, которой утверждают, доказывают что-либо»². При этом автор не принимает во внимание, что и в этом значении понятие «истина», предполагает адекватное отражение объективной реальности, поскольку практикой, опытом положение, мысль проверяется на соответствие ее содержания тому, что существует объективно.

Существуют взгляды и полного отрицания установления истины при производстве по уголовным делам, о невозможности познать истину в принципе в процессе расследования³, категорически отрицается содержательная сто-

¹ Агутин, А. В. О трех моделях истины в уголовно-процессуальном доказывании / А. В. Агутин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2004. – № 3. – С. 287.

² Там же. – С. 287.

³ Речь идет о высказывании Е. Б. Мизулиной о том, что истина известна только Богу, которого, однако, никто не видел. (Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Е. Б. Мизулина. – Ярославль, 1991. – С. 97.) Подобная точка зрения, что правду видит только бог, господствовала в обвинительном

рона уголовного судопроизводства, а смысл его видится в способе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Разделяю мнение В. И. Зажицкого по этому поводу, что такие суждения нельзя признать ни научно обоснованными, ни методологически состоятельными¹.

Ю. К. Орлов, отмечая, что в теории доказательств в большинстве случаев достаточно классического понимания истины, отмечает, что при рассмотрении некоторых аспектов возможно использование других трактовок, в частности, конвенциональной и формальной (логической) концепции истины².

Конвенциональной считается истина, признаваемая таковой по соглашению, конвенции. Суждение является истинным не потому, что соответствует действительности, а потому что люди договорились считать ее таковой. Типичный пример – признание лица невиновным, когда не собрано достаточных доказательств его вины. Ученый правильно подчеркивает, что объективная истина в этом случае считается неустановленной. Лицо оправдывают потому, что так велит постулат – презумпция невиновности и вытекающие из него правила о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности.

Поскольку правовая оценка установленного события соотносит его не с объективной действительностью, а только с нормой права, поэтому, – считает Ю. К. Орлов, – «истина, достигаемая при правовой квалификации носит четко выраженный формальный характер, является разновидностью формальной истины»¹, т. к. соотношение признаков совершенного деяния с нормой права происходит по правилам дедуктивного умозаключения, подчиняющегося правилам формальной логики. Позволю себе не согласиться с уважаемым автором. Формальной в теории доказательств считается истина, которая соответствует не

процессе раннего средневековья, в котором решение суда по делу зависело от исхода поединка, ordeals и т.д. Б. И. Сыромятников в этой связи писал, что «все судебные доказательства носили характер... «жребия», т.е. обращения к «судьбе», воплощавшейся в воле богов». (Цит. по: Каминская. В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 71.). Кроме этого, если речь идет о познании в ходе расследования преступления, то богом следует признать преступника, поскольку ему досконально известно все о происшедшем событии.

¹ Зажицкий, В. И. Истина и средства ее установления... – С. 69.

² Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. – 8.

объективной действительности, а каким-то заранее заданным условиям, правилам, причем имеются в виду правила, установленные людьми, что к законам и правилам логики не относится. Нетрудно заметить, что в приведенном Ю. К. Орловым утверждении признак логики (формальная²) переносится и на получаемое при ее использовании знание. Действительно, когда мы оцениваем некоторое суждение как истинное, мы оцениваем его на соответствие действительности. Такое соответствие следует отличать от логического значения суждения, поскольку логические формы умозаключений служат лишь средством проверки обоснованности сделанных выводов. Но из этого следует лишь то, что при выполнении правил рассуждения и при истинности исходных посылок, получаемый вывод будет проверенным логическими средствами на истинность.

При квалификации преступления (соотнесение деяния и нормы), устанавливается скорее не формальная истина, а конвенциональная, поскольку норма права по своей сути есть номинальное определение, представляющее собой соглашение людей о значении тех или иных понятий – соглашения, которые можно изменять и уточнять. Такие определения следует рассматривать как произвольные установления, к которым понятие истины неприменимо. Именно поэтому и говорят, что об определениях не спорят³. Состав преступления особого рода идеальная конструкция, не имеющая соответствующего объекта в реальности (мыслимый объект), поэтому состав преступления следует рассматривать «как мысленную модель, а не реальное явление и понятие, отражающее это яв-

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 11.

² Логика именуется формальной, т.к. изучает мышление с точки зрения его форм, т.е. строения мысли, способа связи ее составных частей. Определение «формальная» было введено И. Кантом с намерением подчеркнуть ведущую особенность формальной логики в подходе к изучаемым объектам. (Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; Под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – С. 195).

³ Авторы логики Пер-Рояля указывали, что «определения имен не могут оспариваться именно потому, что они произвольны». (Арно, А. Логика как искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь, Т. И. Ойзерман, А. Л. Субботин: РАН, Ин-т философии; отв. ред. А. Л. Субботин; пер. с фр. В. П. Гайдмак. – М.: Наука, 1997. – С. 66).

ление»¹, поэтому понятие истинности или ложности к подобным моделям неприменимо, их истинность постулируется.

С логической точки зрения квалификация преступления, действительно, представляет собой дедуктивное умозаключение, категорический силлогизм. Например,

Тайное хищение чужого имущества является кражей.

Установлено, что N тайно похитил чужое имущество.

N совершил кражу.

Если меньшая посылка в этом силлогизме, чтобы быть истинной, должна соответствовать действительности, то большая является нормой права. Известно, что истина воспроизводит, а ложь искажает действительность, в нашем случае исказить действительность может только меньшая посылка, но не норма права, к ней не применимы, как было отмечено, категории истины и лжи. Но к выводу из такого силлогизма, являющегося оценкой полученных по делу сведений, данные категории применимы. Применением метода дедуктивного умозаключения проверяется правильность вывода², но, при этом, как указывал Дж. Ст. Милль, «наше согласие с заключением основывается всегда на истинности посылок»³.

Так, нельзя назвать формальным вывод, выполненный по тем же правилам формальной логики, из следующего дедуктивного умозаключения:

Каждому человеку свойственно ошибаться.

Я человек.

Я могу ошибаться.

Разница в этих умозаключениях лишь в том, что в последнем примере к обеим посылкам применима категория истины, т. е. их соответствие объективной реальности.

¹ Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве... – С – 141.

² Сам Ю. К. Орлов еще в 1976 году отмечал, что истина объективна, не зависит от сознания человека, и не меняется в зависимости от доказательств. (Орлов, Ю. К. О соотношении и содержании категорий истина и достоверность в судебном доказывании / Ю. К. Орлов // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 25. М.: Юрид. лит., 1976. – С. 128 – 129).

³ Миль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной... – С. 4.

Необходимо согласиться с утверждением П. В. Копнина о том, что «неправомерной является постановка вопроса о существовании так называемой формальной истины, под которой подразумевается логическое соответствие знания знанию. Истина только одна – объективная. Доказательство не создает какой-то своей истины, оно только является средством установления истины для субъекта. При этом логическое следование одного знания из другого окончательно не решает вопроса о достоверности суждения, если не установлена достоверность знания, из которого она выводится»¹.

Думается, что познание объективной истины по уголовному делу происходит в процессе установления обстоятельств дела, а затем при правовой оценке установленного события уступает место не формальной истине, а юридической (соответствию юридического знания правовой действительности). Но и в этом случае наименование истины не имеет значения для степени ее познания. Каждый установленный факт отмечается значением истины, а накопление таких фактов ведет к увеличению числа конкретных истин, при этом для устранения возможных ошибок необходима постоянная сверка исходных знаний с вновь полученными. При объективном установлении обстоятельств уголовного дела их правовая оценка становится обоснованной.

Признак же «формальность», на мой взгляд, относится не к получаемому в процессе познавательной деятельности по уголовному делу знанию, а к самой деятельности субъекта познания. Познание в уголовном процессе обусловлено установленными законом пределами, что объясняется причинами практического свойства, связанными с функциями уголовного судопроизводства. Формально определен и ограничен круг доказательств по уголовным делам, органы расследования и суд познают лишь определенную часть того, что произошло в действительности, всегда только существенные стороны, в том объеме, который необходим для выполнения стоящих перед ними задач. Вся деятельность субъекта познания в уголовном процессе регулируется процессуальными нор-

¹ Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки / П. В. Копнин: АН СССР, Инт-т философии. – М.: Мысль, 1974. – С. 158.

мами, регламентирующими все действия следователя, дознавателя, прокурора, судьи, форму правоприменительных актов, права и обязанности участников процесса, сроки совершения процессуальных действий, последствия несоблюдения процессуальных норм и т. д. По мнению Р. Х. Якупова, процессуальная форма, упорядочивая ход доказывания и делая его проверяемым, обеспечивает и удостоверяет правильность, объективный характер доказывания и его выводов¹. Нарушение процессуальных правил в процессе доказывания по уголовному делу может привести, и часто приводит на практике, к признанию юридической недействительности и полученных доказательств (несмотря на то, что в них может содержаться достоверная информация), и принятых решений (быть может, правильных по существу).

Ю. К. Орлов правомерно ставит вопрос о соотношении истины с задачами уголовного судопроизводства в целом – «является установление истины одной из конечных целей уголовного процесса или образует только промежуточную задачу?»². Это вопрос о содержании истины в уголовно-процессуальном доказывании, по которому можно выделить три основных точки зрения ученых-процессуалистов:

1) Содержание истины входит достоверное установление только фактических обстоятельств по уголовному делу³. М. С. Строгович в этой связи отмечал, что понятие истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела⁴.

2) Помимо установления фактических обстоятельств, в содержание истины входит и ее общественно-политическая и юридическая оценка⁵. Сторонники

¹ Цит. по: Агутин, А. В. Указ. соч. – С. 283.

² Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 9 – 10.

³ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесс: в 2-х т. - Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. М.: Наука, 1968. – С. 324; Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. М.: Юрид. лит., 1964. – С. 36 – 39.

⁴ Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – С. 64 – 65 и др.

⁵ Еникеев, З.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-е Башкир. ун-та, 2002. – С. 72 – 81; Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 48 – 49; Наумов, А. В., Новиченко, А. С. Указ. соч. – С. 25 – 28; Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 10 – 11.

этой концепции считают, что истинной может быть только одна квалификация – та, которая соответствует тому, что произошло в действительности¹.

3) Содержание истины включает в себя событие, юридическую оценку и наказание. Так, Ф. Н. Фаткуллин считал, что «суд в каждом конкретном случае обязан найти такую меру наказания, которая правильно отражает характер содеянного и служит единственно верным средством для исправления и перевоспитания виновного. Если такая мера найдена, она соответствует объективной реальности, и соответствующие выводы суда являются, стало быть, истинными»².

Представляется, что наиболее правильной является позиция, согласно которой в содержание истины должно входить достоверное установление фактических обстоятельств по уголовному делу и решение вопроса о квалификации преступления. Противники этой точки зрения указывают, что «формально-логическое соответствие признаков преступления (меньшая посылка) составу преступления (большая посылка) может быть ложной, исторически преходящей или расплывчатой, что влечет ошибочность вывода в ее социально-правовом значении»¹. Конечно, общественно-политическая оценка может меняться в зависимости от исторической и социальной обстановки, но не случайно ст. 4 УПК РФ закрепляет положение о том, что по уголовному делу применяется тот закон, который действует во время его производства. Правовая оценка деяния осуществляется «здесь и сейчас», а изменчивость мира отмечал еще Гераклит, утверждая, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Истина всегда кон-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. – С. 119. Вопрос о том, входит ли квалификация преступления в содержание устанавливаемой по делу истины, – отмечает Ю. А. Демидов, – интересует главным образом процессуалистов, а не специалистов по уголовному праву, хотя речь идет об уголовно-правовой, а не процессуальной проблеме. Вопрос об истинности юридической квалификации – это вопрос оценки преступления. В уголовно-правовой литературе едва ли не первым на него обратил внимание В. Н. Кудрявцев. (Демидов, Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 150).

² Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 30 – 31; Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 48 – 49; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 134 – 137; Пальчикова, Н. В. Установление истины в уголовном судопроизводстве РФ как способ борьбы с преступностью / Н. В. Пальчикова // Уголовный процесс. – 2007. – № 22. – С. 17 – 18.

кретна. Как верно указывает В. В. Ильин, «природа конкретности истины передается тезисом: абстрактной – неизменной (раз и навсегда данной), всеохватывающей (справедливой для всех возможных ситуаций) – истины нет; истина всегда конкретна, ибо получена субъектом в некоторой наличной обстановке, характеризующейся триединством места, времени, действия... Игнорирование определенности ситуации трансформирует истину в заблуждение»².

К выводу о том, что установление истины распространяется на квалификацию преступления, – как указывает Ю. А. Демидов, – приходят в результате анализа следующей «цепочки» отношений: отношение между установленными фактическими обстоятельствами совершения преступления и оценкой их в законе, между оценкой их в законе и оценкой совершения преступления³. Суд принимает законодательную оценку как истинную и, исходя из нее разрешает дело. «Если все элементы правового запрета или предписания констатированы, как обнаруженные, то приговор является выводом, заключением»⁴.

«Решение же о назначении той или иной меры наказания, – справедливо считает Ю. К. Орлов, – является волевым актом, приказом, а не актом познания»⁵, поскольку наказание не познается, а назначается. В своей деятельности человек переходит от истинности к правильности, что равнозначно переходу от мысли к действию, «всякое же решение о проведении каких-либо практических действий есть деятельность практическая, а не познавательная»⁶. Вывод суда, таким образом, представляет собой решение, т. е. непосредственный результат юридической практики, и как компонент этой практики, может обладать свойствами законности, эффективности, правильности, полезности, справедливости, но не истинности или ложности.

¹ Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 18.

² Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 112.

³ Демидов, Ю. А. Указ. соч. С. – 150.

⁴ Василенко, И. Логическое начало уголовно-процессуальных норм / И. Василенко // Юридический вестник. Журнал Московского юридического общества. – М. – 1878. – июль. – С. 957.

⁵ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 11.

⁶ Там же. – С. 11.

В действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, отсутствует упоминание об истине как цели доказывания, не указано на необходимость установления истины по делу (ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР), исключен принцип, согласно которому обстоятельства уголовного дела должны были исследоваться всесторонне, полно и объективно (ст. 20 УПК РСФСР), введены институты, не требующие исследования доказательств в судебном разбирательстве (гл. 40 ст. 314-317 УПК РФ). В связи с этим некоторые ученые констатируют, что «закон не связывает признание законности с достижением истины по делу»¹.

Между тем, отказ от установления истины может быть воспринят как социальная установка, ориентирующая субъекта доказывания, которая может проявиться в отрицательной «накладке» на процесс познания и без того в немалой степени насыщенный нежелательными (для поиска истины) объективными и субъективными моментами. Если субъект доказывания будет заранее исходить из концепции недостижимости истины в процессе расследования по уголовному делу, если не будет считать ее целью познавательной деятельности, не будет стремиться к максимальному использованию всех возможных средств и способов (предусмотренных законом, конечно), то достижение истины будет невозможным. Как правильно в этой связи отмечает Д. А. Турчин, нельзя отступать от вечных позиций, выверенных самой историей человечества, каковой является истина. Это особенно недопустимо в судопроизводстве и правосудии, которые и возникли для того, чтобы оберегать истину. Малейшее отступление от нее приводит к колоссальным ошибкам не только в правовой сфере, но и в других областях жизни².

А. А. Старченко отмечал, что принципы теории доказательств и само доказательственное право всегда выполняют роль методологической основы лю-

¹ Лупинская, П. А. Доказательственное право в УПК РФ // Мат-лы межд. науч.-практ. конф., посв. принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002. – С. 80.

² Турчин, Д. А. Грешить против истины нельзя / Д. А. Турчин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2003. – № 2. – С. 458.

бого типа классового правосудия, выступая показателем его степени развития, социальной ценности и назначения¹.

Действительно, исходным пунктом, первоосновой любой отрасли права, без которых она не могла бы существовать, являются ее принципы, в соответствии с которыми осуществляется правовое регулирование, действуют механизмы реализации права. Эти принципы фиксируют существующее положение в обществе, ориентацию его развития, отношение государства к лицам, к которым применяются нормы закона. Отказ от принципов, изменение их приоритетов неминуемо оказывает влияние как на практическую деятельность по реализации норм права, так и на правовую систему государства в целом, и, как следствие, влечет за собой изменения во всем обществе².

У субъекта уголовно-процессуального доказывания³, должна быть социальная установка, ориентирующая его на достижение максимальной истинности, достоверности получаемого знания. Истинность знаний, как отмечалось, не сводится к фактичности, помимо этого она зависит и от внеэмпирических факторов – категорий и ценностей, преобладающих в обществе. Имеются в виду, прежде всего, такие ценности, как демократия, права и свободы личности, справедливость и т. п.

Принцип справедливости, являясь общеправовым принципом⁴, принципом общечеловеческого жизнеустройства⁵, будучи по своему происхождению и

¹ Старченко, А. А. Философия права и принципы правосудия США / А. А. Старченко. – М.: Высш. шк., 1969. – С. 31.

² З. З. Зинатуллин справедливо считает, что отказ от установления истины в уголовном процессе влечет за собой «формирование у потерпевших от преступлений лиц, да и в целом у граждан неверие в способность правоохранительных и судебных органов раскрывать преступления, устанавливать виновных в них лиц, обоснованно привлекать их к ответственности и назначать наказание, которое они заслуживают; это путь порождения неверия в торжество юстиции в целом». (<http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>).

³ Речь идет о субъекте доказывания со стороны обвинения, поскольку, например, защитника обвиняемого вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, поскольку недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности. Деятельность защитника всегда направлена на защиту обвиняемого и, с этой точки зрения, является односторонней.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П от 11 мая 2005 г. // Российская газета. - 2005. – 20 июня. – С. 10.

⁵ См.: Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята в г. Нью-Йорке

первоначальному смыслу нравственным, лежит в основе права, т.е. является принципом судопроизводства. Каково содержание этого принципа?

Справедливость – добродетель правильного отношения к другим людям. Справедливость проявляется в отношении к другой личности, в уважении к ней, невмешательстве в сферу ее свободы¹. Принцип справедливости определяет моральное отношение государства к участникам процесса, делает людей равными перед законом и судом вне зависимости от их конкретных характеристик: национальности, пола, образования, материального или социального положения и т.д., является нормой гуманистического отношения к человеку.

Следует особо подчеркнуть, что понятие «справедливость» в аксиологическом² аспекте тесно связано с понятием «истина»³. Другими словами, справедливо только то, что основано на истине. Справедливое должно основываться на истине и продолжать ее, «поскольку справедливое, – отмечает Э. М. Мурадян, – это не просто истинное, но и лучший вариант развития и утверждения истинного»⁴. Именно в этом аспекте (справедливая оценка) необходимо рассматривать установление истины судом.

Согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Как отмечает Л. Д. Гаухман, справедливость воспринимается разными людьми, в том числе потерпевшим и виновным, не-

09.12.1998 Резолюцией 53/144 на 85-ом пленарном заседании 53-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН; Устав Организации Объединенных Наций (Вместе с «Правилами процедуры Генеральной Ассамблеи»). Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 (Правила с изм. и доп. от 31.12.1978). [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Электрон. поисковая прогр. – М.: КонсультантПлюс, 2007. – Систем. требования Р-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsof Windows 2000/ XP. – Загл. с экрана.

¹ Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. гр. «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – С. 435.

² Оценочное понятие (от греч. axios – ценный, logos – понятие). Аксиологические модальности являются необходимыми компонентами оценочных высказываний. Различают группы модальностей: логическая модальность - выражаются понятиями «необходимо», «возможно», «невозможно»; эпистемическая модальность - выражается понятиями «убежден», «сомневается», «отвергает». (Краткий словарь по логике... – С. 9).

³ Краткий философский словарь... – С. 125.

⁴ Цит. по: Аширова, Л. М. Справедливость применения уголовно-процессуальных норм // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современных условиях: Материалы международной научн.-практ. конференции 1-2 июня 2006 г. Часть II. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С.15.

одинаково. Мерилом справедливости является закон¹. Суд не устанавливает истину, а судит об ее установлении или не установлении. Если суд констатирует установление истины по уголовному делу, т. е. достоверность установленных данных о событии преступления и виновности подсудимого, то его вывод будет обоснованным и справедливым. При этом, верно считает В. А. Лазарева, если выражение «установить событие преступления и виновность подсудимого» для следователя и прокурора означает доказать обвинение, то для суда оно означает признать или не признать его доказанным².

Но само установление обстоятельств совершенного преступления не может быть справедливым или несправедливым, знание об этих обстоятельствах может соответствовать действительности, не соответствовать ей или быть не установленным, поскольку, в силу объективных причин, истина, являясь идеальной и нравственной целью уголовного судопроизводства, не является достижимой по каждому уголовному делу. С. В. Курылев, без сомнения справедливо, отмечал в этой связи: «то, что возможно вообще, бывает невозможным в определенных конкретных условиях»³.

Требование установления истины по расследуемому делу большинством процессуалистов не подвергается сомнению⁴. Даже те ученые, которые считают, что закон ориентирует на необходимость установления по делу «лишь юридически значимых обстоятельств, которые предусмотрены в уголовном и

¹ Гаухман, Л. Д. Уголовное право // Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М., 1999. – С. 10.

² Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 43.

³ Курылев, С. В. О достоверности и вероятности в правосудии // С. В. Курылев // Изв. вузов: Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 65.

⁴ Божьев, В. Состязательность на предварительном следствии / В. Божьев // Законность. – 2004. – № 1 – С. 3 – 6; Еникеев, З. Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса / З. Д. Еникеев // Рос. юрид. журнал. – 2003. – № 3. – С. 14 – 17; Жаицкий, В. И. Указ. соч. – С. 70 – 71; Куцова, Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 71 – 79; Петрухин, И. Л. Указ. соч. – С. 17 – 24; Ревенко, Н. А. Обеспечение следователем всесторонности. Полноты и объективности исследования дела при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Н. Ревенко. – Омск, 2006. – С. 123 – 125; Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: Научн.-практ. пособие / А. Б. Соловьев. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – С. 18. Тихонов, А. К. Презумпция ис-

уголовно-процессуальном законе»¹, тем самым признают обязательность установления истины, поскольку, как верно указывает З. З. Зинатуллин, каждое из указанных в данной уголовно-процессуальной норме обстоятельств и есть то, что Н. А. Бердяев называл «самой реальностью». Без точной констатации времени, места, способа совершения преступления нельзя доказать самого факта наличия события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Характер и размер причиненного преступлением вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) есть так же «сама реальность». Их установление и есть ни что иное, как установление истины, того, что приведенные обстоятельства действительно таковы, как они установлены. В совокупности своей названные в ст. 73 УПК РФ подлежащие доказыванию обстоятельства и есть реальная картина преступления, т.е. и есть истина исследуемого. Без ее установления ни одно судебное решение не может быть оценено как законное и обоснованное².

В литературе высказываются также справедливые суждения о том, что «исключение из уголовно-процессуального законодательства упоминания истины и некоторых гарантирующих ее достижение положений не может само по себе «ликвидировать» объективные, не зависящие от законодателя закономерности познания»³, что «на практике следователи, дознаватели, прокуроры и судьи ...даже стихийно и неосознанно будут стремиться к установлению именно объективной истины, в силу универсального действия объективных диалектических закономерностей»⁴. О. Н. Сычева верно отмечает, что «достаточно посмотреть на требования, предъявляемые к приговору, – законность, обосно-

тинности судебного приговора / А. К. Тихонов, Н. А. Громов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 316.

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П. А. Лупинской. – М., 2004. – С. 225.

² <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>.

³ Уголовный процесс. Учебник для вузов. Изд. 5-е / Под ред. К. Ф. Гуценко. – М.: Зерцало-М, 2004 – С. 206.

⁴ Печников, Г. А. Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе / Г. А. Печников // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 85.

ванность, справедливость, – чтобы понять, что истинные предпосылки приговора остались незыблемыми»¹.

На мой взгляд, вопрос об истине в уголовном процессе должен рассматриваться относительно установления обстоятельств совершенного преступного деяния, поскольку без установления достоверности этих обстоятельств лишается смысла вся деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. Целью этой деятельности должно быть установление обстоятельств совершенного деяния в соответствии с действительностью, т. е. эти обстоятельства должны быть установлены максимально точно, поскольку единственными средствами установления истины по делу являются доказательства. В этой связи примечательны слова З. З. Зинатуллина: «Доказательства – средства, а искомые факты – цель. Средства используются до тех пор, пока не достигнута цель»² и содержательна фраза В. И. Зажицкого – «нет доказательств, нет преступления»³.

В. А. Лазарева отмечает, что «наибольшее число допускаемых в следственной и судебной практике ошибок связаны с односторонностью или неполнотой исследования обстоятельств дела, неправильной оценкой обнаруженной информации и, как следствие, необоснованными процессуальными решениями»⁴. По справедливому мнению ряда ученых, «без всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела, предполагающего проверку всех возможных версий и вычленения лишь одной достоверной, законное опровержение презумпции невиновности невозможно»⁵, «только при условии возве-

¹ Сычева, О. Н. Презумпция истинности приговора в контексте УПК РФ / О. Н. Сычева // Уголовное право и процесс. – 2007. - № 9. – С. 24.

² Цит. по: Миронов, В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора: монография / В. Ю. Миронов. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 130.

³ Зажицкий, В. И. Указ. соч. – С. 71.

⁴ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 5. Проведенное НИИ проблем укрепления законности и правопорядка совместно с юридическим факультетом Самарского госуниверситета также показало, что наиболее распространенным недостатком предварительного следствия является неполнота и односторонность. (Соловьев, А. Б. Указ. соч. – С. 114 – 115.).

⁵ Кипнис, Н. М. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств / Н. М. Кипнис // Доказывание в уголовном процессе: Традиции и современность. – М.: Юрист, 2000. – С. 183; Аверин, А. В. Судебная достоверность (Постановка проблемы) / А. В. Аверин. – Владимир: Изд-во «Транзит-Икс», 2004. – С. 256, 258, 261; Жданова, Я. В. Категории веро-

дения в ранг принципов процесса требований всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств разрешаемого юридического дела ... можно добиться постановления правоприменителем (в частности, судом) законного и обоснованного процессуального решения»¹, реализация принципа законности на предварительном следствии достигается всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела².

Полное, всестороннее и объективное установление всех существенных обстоятельств расследуемого преступления на предварительном следствии – гарантия того, что будут собраны все доказательства, необходимые для справедливого разрешения дела. В связи с этим представляется необходимым закрепить в законе требование объективности, полноты и всесторонности установления фактических обстоятельств преступного деяния, как это имело место в ст. 20 УПК РСФСР. Предлагаю в этой связи изложить ч. 2 ст. 21 УПК РФ в следующей редакции:

«В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по объективному, полному и всестороннему установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

«Судопроизводство, – справедливо отмечает Ю. К. Орлов, – не может завершиться только констатацией истины... Установление истины является лишь предпосылкой такого решения, необходимым условием его правильности. По-

ятности и достоверности в уголовном судопроизводстве / Я. В. Жданова. – Ижевск: Детектив-информ, 2004. – С. 27 – 29.

¹ Зинатуллин, З. З. Процессуально-правовые принципы по УПК РФ 2001 г. и ГПК РФ 2002 г. / З. З. Зинатуллин // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: Мат-лы Всероссийской науч. конф. «Два века юридической науки и образования в Казанском университете» 13-14 мая 2004 г. Секция «Уголовный процесс: история и современность». – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – С. 59.

² Ищенко, Е. П. О концептуальных недостатках уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Е. П. Ищенко. – Академический юридический журнал. – 2008. – № 1 (31). – С. 28-29; Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 201 – 202.

этому познание истины по уголовному делу – не самоцель, а лишь средство достижения других, более широких целей»¹.

Судом в процессе судебного разбирательства осуществляется оценка вывода, сделанного предварительным следствием, которое должно установить соответствует ли представленные доказательства тому, что было в действительности. Выводы же суда, как было отмечено, основанные на достоверных доказательствах, будут обоснованными, законными и справедливыми. «Справедливость судебных решений – это критерий, по которому общество оценивает качество правосудия, а уважение к суду – это, в первую очередь уважение к государственной власти»².

Следует признать справедливым утверждение П. А. Лупинской, что по существу, об истине, понимаемой как соответствие установленных обстоятельств дела тому, что имело место действительности, можно говорить лишь применительно к обвинительному приговору. Обвинительный приговор не может быть основан на предположении и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Выводы, содержащиеся в обвинительном приговоре, должны быть достоверными, т. е. вполне верными, истинными, несомненными³. Это означает, что вынесение обвинительного приговора возможно лишь при безусловной, исключаяющей всякие сомнения доказанности вины подсудимого. С учетом изложенного, к характеру достигаемого в уголовном процессе знания более корректно применять употребляемый законом термин «доказанность»⁴, поскольку это именно тот признак (закрепленный в ч. 1 ст. 299 УПК РФ), при наличии которого можно считать обстоятельства предмета доказывания установленными.

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 10.

² Путин, В. В. Прочная, современная судебная система - одна из главных составляющих развития страны // В. В. Путин. - Закон и право. – 2005. – № 1. – С. 6.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. – М: Юрист, 2004. – С. 221.

⁴ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 5.

Думается, что и при вынесении оправдательного приговора может достигаться истина, это происходит в том случае, когда оправдательные доказательства соответствуют объективной действительности, а обвинительные основывались на недостаточно проверенных данных.

В случаях прекращения дела за примирением сторон по делам частного обвинения или при отсутствии заявления потерпевшего по делам частного публичного обвинения закон охраняет личные интересы граждан, здесь нет поиска истины. Также не происходит достижения истины при оправдании обвиняемого, когда не собрано достаточных доказательств его вины, поскольку «отрицательный ответ на вопрос о виновности следует не из позитивно установленной невиновности, а из доказательственного аспекта презумпции невиновности: все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого»¹.

Следует согласиться с мнением Т. Н. Карабановой, считающей, что нельзя говорить о том, что цель уголовного судопроизводства в случае, когда следственным органам не удалось собрать достаточно доказательств для вывода суда о виновности, и у суда нет возможности восполнить пробелы в доказательственном материале, не достигается, поскольку, если осуждение обвиняемого исключается, то суд может постановить оправдательный приговор и быть убежденным в правильности своего решения². В таких случаях решение суда основано на конвенциональной истине, основанной на презумпции невиновности. «Правило о юридическом тождестве доказанной невиновности и недоказанной виновности в совершении преступления, – верно отмечает Б. Т. Безлепкин, – объективная закономерность общественных отношений, основанная на господствующей нравственной категории справедливости»¹.

При особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, суд в своем решении руководствуется фактической презумпцией, основанной на здравом

¹ Кореневский, Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе / Ю. В. Кореневский / Государство и право. – 1999. – № 2 – С. 57.

² Карабанова, Т. И еще раз об истине в уголовном процессе России / Т. Карабанова // Мировой судья. – 2005. – № 3. – С. 21.

смысле, заключающейся в том, что ни один человек не будет вредить самому себе, поскольку потребность человека себя защищать обусловлена инстинктом самосохранения, и действия людей всегда определяются их интересами.

Некоторые авторы, считая правомерным сокращенное судебное следствие, аргументируют это тем, что «согласно доктрине состязательного судопроизводства судебное разбирательство может иметь место только при наличии спора сторон и только по поводу этого спора ... Признание подсудимым своей вины, представляющее собой, по сути, отказ от спора с обвинением по вопросу о виновности, делает ненужным исследование большинства обстоятельств дела, что и предопределяет производство следствия по сокращенному варианту»². Данная точка зрения представляется обоснованной, но, с другой стороны, по резонному мнению ряда ученых, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением отнюдь не гарантия его действительной причастности к преступлению³ (мотивацией самооговора, например, может быть давление со стороны заинтересованных лиц, стремление уйти от наказания за более тяжкое преступление, желание получить какую-либо выгоду материального характера, добросовестное заблуждение в своей виновности и т. п.), поэтому не исключается возможность принятия судом неправосудного решения.

Думается, что тщательность проверки показаний подозреваемого (обвиняемого) органами предварительного расследования может быть обеспечена выполнением органами предварительного расследования требования об объективном, всестороннем и полном установлении всех обстоятельств преступления. Решение о постановлении приговора судья выносит только в том случае,

¹ Безлепкин, Б. Т. Указ. соч. – С. 43.

² Львова, Е. Ю. Доказывание в суде присяжных / Е. Ю. Львова, С. А. Насонов // Доказывание в уголовном процессе; Под ред. В. А. Львова. – М.: Юрист, 2000. – С. 230.

³ Азаров, В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Двойные стандарты в установлении истины / В. А. Азаров // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. «Экономика. Юридические науки». – 2003. – № 4 – С. 14; Ищенко, Е. П. Указ. соч. – 29. Представляется верным мнение И. Б. Михайловской, согласно которому «достигнутое сторонами согласие относительно фактических обстоятельств дела изменяет задачи судебного доказывания, перенося центр тяжести на установление подлинности волеизъявления подсудимого и решение вопроса о наказании виновного.» (Михайловская, И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 72).

если «придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу» (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Другими словами, только в том случае, когда собранная предварительным следствием совокупность доказательств, без учета признания обвиняемого, с несомненностью свидетельствует о его виновности, у суда есть основания для правомерного постановления обвинительного приговора. Но в связи с тем, что исчерпывающее исследование доказательств в процессе судебного заседания в этом случае не производится, следует признать, что решение суда по делам данной категории основано на соглашении, т. е. на конвенциональной истине.

На мой взгляд, имеющие место в юридической литературе суждения о том, что постигаемая судом в процессе исследования доказательств в ходе судебного разбирательства истина, носит формальный характер¹, вызывают возражение. Из того, что суд при принятии решения о постановлении обвинительного приговора руководствуется заранее установленными, т. е. формальными признаками доказательств (основной из них – допустимость), не значит, что суд не исходит из существа рассматриваемого дела. Суд в своем решении руководствуется «принципом доказанности обвинения»¹, а то, что доказано не может не быть истинным. Доказать можно только истинный тезис, поскольку обосновать, тем более достаточно, ложный тезис невозможно. В законе ничего не говорится о том, каким формальным условиям должен соответствовать вывод суда. Процессуальные сроки, формы получения и закрепления знаний и т. д. относятся лишь к деятельности субъектов доказывания и к доказательствам, но не к выводам, которые на них основаны. Суд принимает решения, ру-

¹ А. С. Александров настаивает на том, что судебная истина формальна. (Александров, А. С. «Похвала» теории формальных доказательств / А. С. Александров // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 34.). Дм. Мейер, указывая на ошибочность утверждений, приписывающих решению суда формальной истины, которую противопоставляют материальной, писал: «Они могут вести к ошибочному представлению, будто есть две истины, тогда как истина по существу своему едина... внушают мысль, будто есть решения, свободные от всяких формальных условий... между тем как формализм в известной степени сопутствует всем судебным решениям без исключения». (Мейер, Дм. О юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях / Дм. Мейер. – Казань, 1854. – С. 66).

ководствуясь внутренним убеждением, законом, совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ) и логикой, и здесь не может быть никаких условий.

Поэтому следует признать правильной точку зрения ученых о том, что состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции процессуальной (юридической) истины. Сторонники данной концепции предлагают закрепить в УПК РФ как цель уголовного судопроизводства «истинность в форме достоверной доказанности обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу»². При этом, принимая мнение ученых о наименовании истины процессуальной, думаю, нельзя согласиться с их выводом о том, во-первых, что достижение истины является целью судопроизводства в целом. На мой взгляд, вернее рассматривать истину как цель уголовно-процессуального доказывания стороной обвинения, поскольку требования закона к знаниям суда о виновности и невиновности подсудимого различны и, как было отмечено, установление судом объективной истины происходит не по каждому уголовному делу. И, во-вторых, с выводом о необходимости ревизии устоявшегося положения о понятии и существовании объективной истины в уголовном процессе, поскольку процессуальная истина не исключает объективную истину, а основана на ее познании.

Процессуальная (юридическая) истина является относительной³ объективной истиной, и от изменения наименования ее сущность не изменяется. От-

¹ Розин, Н. Н. Указ. соч. – С. 303.

² Смирнов, В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В. П. Смирнов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 59-60; Конин, В. Тактика и истина в судебном разбирательстве / В. В. Конин // Воронежские криминалистические чтения: Сб. научн. трудов. Вып. 6 / Под ред. О. Я. Баева. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2005. – С. 112; Миронов, В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. Ю. Миронов. – Челябинск, 2005. – С. 16.

³ М. С. Строгович указывал, что относительную истину нельзя трактовать как максимальное приближение к истине. Она такая же объективная истина, но только не полная, характеризующаяся незавершенностью процесса познания, которая и не требуется для разрешения уголовного дела. «Абсолютно все о событии, являющемся преступлением, и о совершившем его лице суд вовсе не должен устанавливать, но то, что суд должен установить для правильного разрешения дела, т.е. совершено ли преступление, какое именно, совершил ли его обвиняемый, – это должно быть установлено абсолютно верно». (Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. – С. 75). Так же считал Ф. Н. Фаткуллин – «объективная истина, уста-

носительность объективной истины вовсе не означает «неполноту следствия по делу» или «неполно расследованное дело», как считают некоторые авторы¹. В процессе доказывания по уголовному делу необходимо стремиться к достижению объективной истины в том объеме и теми способами, которые определены законом, поскольку «суд в своих выводах основывается не на всех возможных доказательствах, а на доказательствах, представленных обвинением и проверенных на судебном следствии в установленном законом порядке, и применяет не все возможные меры к раскрытию истины, а только те, которые допускаются процессуальным законом»². Именно в этом проявляется относительность объективной истины. Объективная истина – это вполне определенный ориентир, которым должны руководствоваться дознаватель, следователь или судья в познавательной деятельности по уголовному делу³.

Трудно отрицать справедливость утверждения М. С. Строговича, высказанного более полувека назад, – «для того, чтобы правильно решить дело, правильно применить к исследуемому событию закон и на основе этого закона вывести правильное решение, суду при всех условиях необходимо установить самый факт, событие, деяние, составляющие предмет исследования по делу, в точном соответствии с действительностью. Эта задача всегда стоит перед судом по любому решаемому им делу»⁴. Закон же «может быть лишь критерием пра-

навливаемая в уголовном процессе, относительная в том смысле, что она ограничена рамками предмета и пределов доказывания, не исчерпывает исследуемых по делу обстоятельств во всех их деталях, связях и проявлениях». (Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 33 – 34).

¹ Пискун, О. А.. Истина в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. А. Пискун. – Иркутск, 2006. – С. 26.

² Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М. С. Строгович; АН СССР. Ин-т права. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 50.

³ Бутов, В. И. Проблема истины в уголовном судопроизводстве / В. И. Бутов, Б. А. Лукичев // Ученые записки: сборник научн. трудов юрид. ф-та Оренбургского гос. ун-та. – Вып. 3. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 17. По мнению А. М. Ларина, выступление против принципа объективной истины в уголовном процессе всегда служили и служат оправданию следственных и судебных ошибок. Ларин, А. М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК / А. М. Ларин // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Материалы науч.-практ. конф., 13-17 мая 1998 г. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – С. 41.

⁴ Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе... – С. 9.

вильности правовой оценки деяния, а не критерием истинности его фактических обстоятельств»¹.

Цель деятельности суда, таким образом, заключается в принятии справедливого решения на основании представленных и исследованных в суде доказательств. Следует согласиться с мнением ученых, считающих, что выводы суда по конкретному делу основываются на установленной истине, т. е. на тех сведениях, которые собраны, проверены и оценены предварительным следствием, и соответствуют объективной действительности², при этом суд, оставаясь беспристрастным и независимым должен определить доказанность или недоказанность обвинения¹.

Выводы:

1. Вынесение обвинительного приговора возможно лишь при безусловной, исключающей неустранимые сомнения доказанности вины подсудимого. Гарантией достоверности знаний, получаемых в процессе расследования преступления, является выполнение требования всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств события преступления, поскольку единственными средствами установления истины по делу являются доказательства.

2. Судом в процессе судебного разбирательства осуществляется оценка правильности вывода, сделанного предварительным расследованием, которое должно установить соответствуют ли представленные доказательства тому, что было в действительности. Именно в этом аспекте (справедливая оценка) необходимо рассматривать установление истины судом. Цель деятельности суда заключается в принятии обоснованного, законного и справедливого решения на основании представленных и исследованных в суде доказательств.

3. Вопрос об истине в уголовном процессе должен рассматриваться относительно установления обстоятельств совершенного преступного деяния и их

¹ Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств... – С. 177.

² Громов, Н. А. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие / Н. А. Громов, А. Н. Гущин, Н. В. Луговец, М. В. Лямин. – М.: «Приор-издат». – С. 52; Францифоров, Ю. В. Указ. соч. – С. 26 – 27.

правовой оценки. Состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции юридической (процессуальной) истины, т. е. на соответствии юридического знания, полученного в процессе судебного исследования, правовой действительности.

1.3. Цель уголовно-процессуального доказывания

Проблема истины является наиболее обсуждаемой в уголовно-процессуальной науке. Некоторые ученые отмечают, что исключение из УПК РФ понятия «истина» значительно осложнило вопрос о цели доказывания по уголовному делу². Представляется, что правила оценки доказательств, закрепленные в ст. 88 УПК РФ, согласно которой каждое доказательство должно оцениваться с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности, помогают в разрешении этого вопроса.

Следует, прежде всего, остановиться на отношении между понятиями «достоверность», «относимость» и «допустимость». Если рассматривать содержание этих понятий как признаки (свойства) информации об имеющих значение для расследований уголовного дела обстоятельствах, то они находятся в отношении пересечения, т. е. информация может быть относимой, но недопустимой или недостоверной, также достоверной, но недопустимой и т. д. Но, если речь идет о доказательстве, то, на мой взгляд, неправомерно вообще говорить об отношении между этими понятиями³, поскольку отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков ведет к отсутствию самого доказательства,

¹ Задача судопроизводства, по справедливому мнению В. Д. Спасовича, состоит в том, «...чтобы дойти до положительного или отрицательного убеждения в виновности подсудимого». (Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 11).

² Агутин, А. В. Указ. соч. – С. 277; Зажицкий, В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения / В. Зажицкий // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 45; Печников, Г. Система «здорового юридического смысла» в уголовном процессе // Г. Печников. – Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 2; Шейфер, С. А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе / С. А. Шейфер // Государство и право. – 1996. – № 9. С. 60–67.

³ Вызывает возражение мнение И. В. Овсянникова, который считает, что понятия «допустимое доказательство» и «достоверное доказательство» находятся в отношении логического подчинения, при этом понятие «достоверное доказательство» является подчиненным. (Овсян-

т. е. исключению данного доказательства из процесса доказывания. С логической точки зрения, понятие «уголовно-процессуальное доказательство» представляет собой конъюнкцию – необходимую совокупность признаков, отсутствие хотя бы одного из которых влечет за собой отсутствие всей совокупности.

О свойстве достаточности, в свою очередь, можно также говорить только в отношении совокупности доказательств, информационное содержание которых обладает признаками относимости, допустимости и достоверности. Доказательствами способны стать только такие сведения, которые относятся к исследуемому преступному событию, правдиво и объективно освещают его, а также получены надлежащим субъектом в установленном законом порядке¹.

Вопрос о допустимости доказательств, характеризующей их внешнюю, формальную сторону, и под которой понимают «пригодность полученных сведений с точки зрения законности источника, субъекта и способа их собирания»², достаточно подробно рассматривался и продолжает рассматриваться, оставаясь предметом пристального внимания, в юридической литературе, относящейся к уголовному судопроизводству³.

Правовое требование относимости доказательств, понимаемое как «способность доказательства со стороны содержания служить средством установле-

ников, И. В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России / И. В. Овсянников // Современное право. – 2004. – № 7. – С. 41).

¹ Будников, В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / В. Будников // Российская юстиция. – 2003. – № 10. – С. 45.

² Алиев, Т. Т. Понятие и свойства доказательств / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, Н. П. Царева // Российский судья. – 2003. – № 6. – С. 20.

³ Золотых, В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 288 с.; Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М.: Юрист, 1995. – 128 с.; Кипнис, Н. М. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность; под ред. В. А. Львова. – М.: Юрист, 2000 – С. 168 – 204; Некрасов, С. Допустимость доказательств: вопросы и решения / С. Некрасов // Российская юстиция. – 1998. – № 1. – С. 9; Шейфер, С. А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки / С. А. Шейфер // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 47–54 и др.

ния истины по уголовному делу»¹, в процессуальной литературе является бесспорным.

Следует подчеркнуть, что, как отмечается в юридической литературе, решающее значение при оценке доказательств судьи придают достоверности и достаточности доказательств². Данное положение подтверждается и проведенным мною анкетированием практических работников, согласно которому большинство опрошенных считают, что наибольшую значимость для принятия решений по уголовному делу имеют такие свойства доказательств, как достоверность и достаточность. Достаточность доказательств – «это необходимость определения на основании внутреннего убеждения совокупности относимых, допустимых и достоверных сведений, без которых невозможно установление обстоятельств совершенного преступления в соответствии с объективной реальностью, и вынесение обоснованных решений в ходе расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела»³. Критерием достаточности доказательств, по верному мнению С. В. Некрасова, является их достаточность именно для разрешения дела. То, что значимые для уголовного дела обстоятельства (названные в ч. 1 ст. 73 и подразумеваемые в ч. 1 ст. 74 УПК РФ) установлены, и создает предпосылку для законного его разрешения⁴.

Что же касается достоверности доказательств, то о содержании этого понятия высказаны различные мнения, прежде всего, диаметрально противоположными являются взгляды ученых на соотношение понятий «истинность» и «достоверность». Как правомерно отмечается в процессуальной литературе, правильное представление о соотношении истины и достоверности исключительно важно не только для теории уголовного процесса, но и, прежде всего,

¹ Алиев, Т. Т. Указ. соч. – С. 17

² Егоров, К. Оценка доказательств как завершающий этап доказывания // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 32.

³ Алиев, Т. Т. Указ. соч. – С. 20.

⁴ Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 314 – 315.

для осуществления процессуальной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда¹.

Представители первой концепции не разделяют истинность и достоверность, считая эти понятия тождественными. «Достоверность – это то же самое, что истинность», – писал М. С. Строгович, отмечая при этом, что достоверность вытекает из субъективного распознавания, производимого человеком – «одно дело – понятие истины, другое дело – понятие достоверности: первое объективно, второе субъективно»². А. М. Ларин считал достоверность синонимом истины, оттеняющим, подчеркивающим ее коренное отличие от вероятности³.

Авторы второй концепции считают, что понятия истинности и достоверности не совпадают⁴, и достоверным является обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений⁵. Истинность, по справедливому мнению ученых, придерживающихся этой концепции, характеризует отношение нашего знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность, кроме этого, обоснованность нашего знания и осознание этой обоснованности⁶.

Для практической деятельности, – отмечал П. В. Копнин, – человеку необходимо знание: 1) объективно-истинное и 2) доказанное. Объективная истинность и доказательность – две хотя и тесно связанные между собой, но различные характеристики знания⁷. Нередко эти понятия отождествляются, что

¹ Бутов, В. И. Проблема истины в уголовном судопроизводстве / В. И. Бутов, Б. А. Лукичев // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. – Вып. 3. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 19.

² Строгович, М. С. Учение о материальной истине... – С. 93, 89.

³ Ларин, А. М. От следственной версии к истине... – С. 192. Этой же точки зрения придерживается Г. А. Печников. Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе... – С. 78.

⁴ Мохов, А. А. Использование специальных знаний при разработке версий в суде / А. А. Мохов // Российский судья. – 2002. – № 7. – С. 10; Рыжаков, А. П. Уголовно-процессуальное доказывание... – С. 13.

⁵ Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании... – С. 107; Эйсман, А. А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе / А. А. Эйсман // Советское государство и право. – 1966. – № 6 – С. 92 – 97.

⁶ Теория судебных доказательств... – С. 287.

⁷ Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки... – С. 154.

приводит к ошибкам, поскольку в этом случае происходит подмена объективной истинности суждения отношением к нему человека. Содержание знания не зависит от человека, от его потребностей, желаний, удобства или неудобства, оно обусловлено только природой отражаемого в нем объекта. Например, истинность суждения «Этот предмет является орудием преступления» зависит не от высказавшего это суждение субъекта, а от объекта. Если этот предмет действительно был орудием преступления, то суждение истинно, если нет, то оно ложно. И как бы ни был субъект изобретателен, как бы не стремился обосновать это суждение, он не сможет изменить его содержание, сделать суждение истинным. До какой степени обоснована истинность того или иного суждения, доказано ли оно как достоверное или как вероятное – это уже зависит от субъекта, от уровня его развития¹.

Достоверность – это форма существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством)². Авторы логического словаря характеризуют достоверность как обоснованность, доказательность, бесспорность знания³. Значит, всякое достоверное знание истинно, но не всякое истинное знание достоверно. Отношение между понятиями «достоверность» и «истинность» – это отношение вида и рода, первое понятие является подчиненным, а второе – подчиняющим. Не всякое истинное положение достоверно, – отмечает в этой связи А. Р. Ратинов, – истина приобретает характер достоверности только в том случае, если она удостоверена определенным образом, если истинное утверждение аргументировано, обосновано так, что в его истинности могут убедиться все⁴. В процессе доказательства «истина в себе» становится «истиной для нас»⁵, при этом «истина для нас» – это уже достоверность. Так, например, свидетель, дающий показания, может быть уверен в том, что верно передает ставшие ему известными обстоятельства, но сле-

¹ Копнин, П. В. Указ. соч. – С. 156.

² Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – С. 409.

³ Краткий словарь по логике... – С. 51.

⁴ Ратинов, А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании... – С. 107.

⁵ Гегель, Г. Ф. В. Указ. соч. – С. 158.

дователю, для убеждения в достоверности этих показаний необходимо сопоставление этих показаний с показаниями других лиц и иными, имеющимися в деле доказательствами, может понадобиться проведение следственного эксперимента, очной ставки и т. д.

Для иллюстрации различия достоверного и истинного знания можно воспользоваться примером, приведенным, правда, в другой связи, И. Я. Фойницким о сиамском короле, который охотно верил всем рассказам послов о чудесах северных государств, отказываясь поверить тому лишь, что зимой вода твердеет, и по рекам не только ходят люди, но и возят тяжести¹. Если бы рассказчику представилась возможность доказать истинность своих слов о том, что зимой вода замерзает, например, демонстрацией изображения замерзшей реки или подтверждением этого другим человеком, которому король безусловно доверяет, то данное суждение было бы признано достоверным, т. е. таким суждением, истинность которого доказана. Поэтому представляется правильным утверждение Г. М. Резника: «От того, что мысль не доказана, т. е. высказана без ссылки на какие-либо основания, либо со ссылкой на недостаточные основания, она не перестает быть истиной»².

Достоверность, – верно отмечает Н. В. Кручинина, – это показатель качества информации и в то же время оценочная категория и, если в обычной жизни человек решает сам и по-своему, является ли полученная им информация достоверной, то иначе дело обстоит в уголовном судопроизводстве, где вывод о достоверности или недостоверности информации должен быть аргументирован³. Значит, достоверное знание, в отличие от истинного, предполагает наличие обоснования своей истинности, причем в судопроизводстве особенно важно, чтобы эти основания были доступны для проверки другими лицами.

¹ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 250.

² Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 63 – 64; П. В. Копнин также указывает, что «содержание истинного суждения не зависит от того, каким способом оно доказывается, и даже от того, доказана его истинность или нет». (Копнин, П. В. Диалектика как логика и теория познания... – С. 227).

³ Кручинина, Н. В. Концепция и основы технологии проверки достоверности уголовно-релевантной информации / Н. В. Кручинина // «Черные дыры» в Российском законодательстве: Юридический журнал. – 2002. – № 4. – С. 205.

И. В. Овсянников утверждает, что авторы краткой философской энциклопедии, указывая, что достоверность – убеждение, основанное на знании и исключающее всякое сомнение, не связывают ее с истинностью¹. Такое утверждение, по меньшей мере, неожиданно, поскольку в этой же энциклопедии знание характеризуется как «проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека; обладание опытом и пониманием, которые являются правильными и в субъективном и в объективном отношении и на основании которых можно построить суждения и выводы, кажущиеся достаточно надежными, для того чтобы рассматриваться как знание»². По мнению В. В. Ильина, также, «знание есть объективно и субъективно достаточное признание истинности суждения»³. О каком же, как не об истинном, т. е. верно отражающем действительность, знании идет речь в первом определении?

Необходимо соотносить такие понятия, как знание, истина и понимание, – правильно указывает Л. Н. Сеницына, – знание в основе своей связано с наличием информации, истина с точки зрения этимологии слова звучит как «есть оно»⁴, что соответствует адекватному отражению реальности в сознании субъекта. «Понимание» этимологически связано со словом «имаю», понимать – «предлагать сделать своим». Понимание связано с «умением», практическим знанием¹. О понимании говорят в проблемных ситуациях, не только научных, но и жизненно-практических: при истолковании прошлого опыта, при выявлении смысла деятельности, при оценке происходящих событий, при анализе субъективных аспектов человеческой деятельности, при осмыслении фактов и т. д. В отличие от знаний, дающих новую информацию о каком-либо явлении,

¹ Овсянников, И. В. Указ. соч. – С. 36.

² Краткая философская энциклопедия... – С. 166.

³ Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 52.

⁴ П. Ф. Флоренский отмечал: «Наше русское слово «истина»... сближается с глаголом «есть» (истина – естина). Так что «истина, согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе понятие абсолютной реальности: истина – «сущее», подлинно существующее, в отличие от мнимого, не действительного...». (Краткий философский словарь... – С. 125).

понимание характеризуется отношением субъекта познания к самому знанию. С этой точки зрения, во-первых, отношение к полученному знанию субъективно и, во-вторых, степень раскрытия истины во многом зависит от уровня развития самого познающего субъекта². Недостаточная профессиональная квалификация «познающего», по верному мнению А. Пиюка, также является безусловным препятствием в процессе познания³. Именно поэтому оценка субъектом доказывания достоверности доказательства для суда является предварительной, поскольку лишь в процессе судебного разбирательства «каждое доказательство соотносится с другими доказательствами, проверяется в совокупности с ними и после этого оценивается как достоверное или недостоверное»⁴. Следует признать правомерным мнение ученых, считающих, что все доказательства, которыми в итоге оперирует суд при вынесении решения, следовало бы назвать «судебными доказательствами», поскольку только суд вправе признать их достоверными»⁵. Так, например, в ходе судебного разбирательства исследуются и показания подозреваемого, и показания того же лица, данные уже в качестве обвиняемого, если в этих показаниях содержатся противоречия, но лишь те показания, содержание которых будет оценено судом как достоверное, признаются имеющими доказательственное значение и могут быть использованы для обоснования судебного решения.

В науке уже достаточно традиционно достоверность рассматривается как обоснованное знание, соответствие которого действительности не вызывает

¹ Синицына, Л. Н. Принципы герменевтики и социологии. Учеб. пособие для вузов / Л. Н. Синицына. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. – С. 75.

² В. Д. Спасович в этой связи отмечал, что «образ действительности, созданный субъектом, зависит столько же от действительности, сколько и от познающего субъекта. В передаваемой информации две стороны: «одна объективная, не зависящая от свойств познающего лица, а другая субъективная, зависящая от свойств лица познающего, от его индивидуального ума, который может заблуждаться и судить опрометчиво и поспешно, от его воли, которая может исказить умышленно действительность и представить ее в превратном виде». (Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 65).

³ Пиюк, А. «Истина» или «доказанная достоверность»? / А. Пиюк // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 43.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская... – С. 256.

⁵ Дулов, А. В. Указ. соч. – С. 43.

сомнений¹, поэтому вызывает возражение мнение некоторых авторов, предлагающих провести ревизию понятия «достоверность». В частности, И. В. Овсянников, утверждая, что «распространенное в теории понимание достоверности доказательств как истинности этих доказательств весьма опасно, ибо на практике оно может приводить к судебным ошибкам», предлагает понимать под достоверностью доказательств «неопровергнутость доказательства другими доказательствами в процессе доказывания». «При этом, – считает автор, – понятие «достоверное доказательство» охватывает и то доказательство, содержание которого представляется субъекту оценки знанием не достоверным, а вероятным, а также то доказательство, содержание которого представляется вероятным не только следователю, прокурору или суду как субъекту оценки доказательства, но и лицу, являющемуся источником этого доказательства»².

Представляется, что такой подход к пониманию достоверности доказательств не может быть признан правильным, и возможен лишь в том случае, если проводить дифференциацию между обвинительными и оправдательными доказательствами. Если речь идет об обвинительных доказательствах, то такой подход противоречит ч. 4 ст. 302 УПК РФ, согласно которой «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». Что касается оправдательных доказательств, то здесь возможен вывод суда, основанный на вероятном знании, поскольку любое сомнение, согласно ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ч. 3 ст. 14 УПК РФ, должно толковаться в пользу обвиняемого. В этом случае следует признать правильной точку зрения И. В. Овсянникова, что «вероятно установленные обстоятельства, благоприятствующие подсудимому и влекущие смягчение обвинения, могут и должны быть положены в основу приговора. В противном случае при исключении их из обоснования приговора обвинительный приговор может оказаться незаконным и необоснованным»³.

¹ Гришина, Е. П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. П. Гришина. М., 1996. – С. 12.

² Овсянников, И. В. Указ. соч. – С. 37, 39.

³ Овсянников, И. Вероятное и достоверное в обвинительном приговоре / И. Овсянников. – Российская юстиция. – 2000. – № 9. – 43.

И. В. Овсянников предлагает считать достоверным любое доказательство, содержание которого не опровергнуто в процессе доказывания, при этом речь идет об опровержении доказательства как суждения (тезиса) путем логической аргументации. «Если два доказательства противоречат друг другу, логически несовместимы, но суд, прокурор, следователь или дознаватель не пришли к убеждению, что одно из них несомненно, то оба эти доказательства могут признаны достоверными»¹. Каким правилам подчиняется такое рассуждение? Если следовать правилам логики, то несовместимые доказательства, ни одно из которых не было подтверждено в процессе доказывания, должны быть признаны одинаково недостоверными, но вероятными, суд должен принимать во внимание лишь то обстоятельство, которое благоприятствует обвиняемому.

Далее, И. В. Овсянников рекомендует признавать доказательство недостоверным «только в том случае, когда его содержание опровергнуто в процессе доказывания (с несомненностью доказано обратное)»². Но поскольку доказывание стороной обвинения осуществляется с целью обоснования виновности обвиняемого собранными доказательствами, такая рекомендация также справедлива только по отношению к оправдательным доказательствам.

Обвиняемый, согласно презумпции невиновности, не обязан ничего опровергать. Виновность обвиняемого должна быть доказана с несомненностью, подтверждена совокупностью достоверных (безусловно истинных) доказательств. Особое значение, по мнению того же автора, имеет требование надежности доказывания обстоятельств дела стороной обвинения³, но ни о какой надежности доказывания не может быть речи, если трактовать достоверность доказательства лишь как его «неопровергнутость в процессе доказыва-

¹ Овсянников, И. В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России... – С. 39.

² Там же. – 40.

³ «Опровергнуть презумпцию невиновности, – считал ранее автор, – можно лишь путем достоверного и вполне надежного доказывания вины подсудимого». (Овсянников, И. В. Повысить надежность процессуального доказывания / И. В. Овсянников // Уголовное право. – 1999. – № 4. – С. 64).

ния». Следует подчеркнуть, что, согласно социологическому словарю, надежность собранных данных – это и есть достоверность¹.

Как справедливо отмечает А. В. Аверин, «если учеными применяется слово русского языка, то, видимо, нецелесообразно отходить от общепринятого значения данного слова или искажать его смысловое содержание»². Поэтому следует признать правильным традиционный взгляд на достоверность доказательств, под которой необходимо понимать «соответствие полученных путем собирания, проверки и оценки сведений обстоятельствам совершенного преступления и иным обстоятельствам, подлежащим установлению»³. Схожей позиции придерживается Пленум Верховного суда РФ, который в своем постановлении № 5 от 10 октября 2003 г. прямо указывает, что устанавливаемые обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т. е. подтверждаться достоверными сведениями⁴.

Достоверность свидетельствует о внутренней доброкачественности доказательств, т. к. устанавливает истинность информации, относящейся к имеющим значение для уголовного дела обстоятельствам. Поэтому не совсем верным является мнение А. В. Аверина, считающего, что «между двух крайностей в вопросах установления судебной истины или судебной достоверности необходимо найти золотую середину»⁵, поскольку «истинность» и «достоверность» не являются крайностями, «достоверным может быть только доказанный вывод, а значит, достоверный вывод и есть истинный»⁶.

Результатом уголовно-процессуального доказывания должно быть доказанное (значит, достоверное) знание, полученное в результате собирания, про-

¹ Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001. – С. 194.

² Аверин, А. В. Указ. соч. – С. 73.

³ Алиев, Т. Т. Указ. соч. – С. 20.

⁴ См.: Постановление Пленума ВС РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2003. – № 12. – С. 3 – 8.

⁵ Аверин, А. В. Судебная достоверность как содержание судебной истины / А. В. Аверин // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2004. – № 5. – С. 87.

⁶ Петрухин, И. Л. Истина, достоверность и вероятность в суде... – С. 19.

верки и оценки доказательств в точном соответствии с установленными законом правилами и не вызывающее сомнения в своей обоснованности. В конечном счете, верно считает А. Пиук, неважно, как будет называться результат уголовно-процессуального доказывания: «истина» либо «доказанная достоверность»¹, но, тем не менее, для уголовного процесса основным понятием является не «истинность», а «достоверность», поскольку, как отмечалось, достоверное знание всегда истинно, но истинное знание не всегда достоверно.

Уголовное дело должно разрешаться на фундаменте из объективно доказанных обстоятельств, отраженных в уголовном деле. По сути дела, – справедливо считает В. Ю. Миронов, – что доказано, то и убеждает познающего субъекта, а также иных участников уголовного судопроизводства и все общество в истинности сделанных выводов². Получение достоверных доказательств осуществляется благодаря надлежаще произведенному доказыванию, при тщательно осуществленной проверке, оценке собранных и закрепленных в материалах дела сведений, информации.

Из смысла ст. 88 УПК РФ, требующей оценивать доказательства не только с точки зрения их относимости и допустимости, но и достоверности, на мой взгляд, вытекает обязанность следователя, дознавателя, прокурора, суда полно, объективно и тщательно исследовать все обстоятельства, подтверждающие обвинение, и значимые для разрешения конкретного дела, поскольку только в этом случае возможно оценить доказательства на предмет наличия или отсутствия у них такого свойства, как достоверность³. Именно с достоверностью доказательств сопряжен поиск, установление истины. С. В. Некрасов подчеркивает, что необеспечение проведения тщательной, всесторонней, объективной про-

¹ Пиук, А. «Истина» или «доказанная достоверность»? / А. Пиук // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 43.

² Миронов, В. Ю. К вопросу о характере судебной истины и ее связи с уголовно-процессуальной достоверностью / В. Ю. Миронов // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. – Вып. 3. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 223.

³ А. В. Аверин справедливо считает, что требование полноты расследования закреплено законодателем в ст. 87 УПК РФ в виде требования проверки доказательств путем получения иных доказательств и представляет собой одну из существенных сторон оценки доказательств с точки зрения достоверности. (Аверин, А. В. Судебная достоверность... – С. 249).

верки явно противоречит двум принципам уголовного судопроизводства: законности и состязательности. Ко второму названному принципу в данной смысловой связи, главным образом, относится условие беспристрастности (объективности) суда, создающее необходимые предпосылки для реализации сторонами их полномочий в процессе¹.

Правомерность исключения из УПК РФ упоминания об истине как цели судопроизводства в юридической литературе обоснованно аргументируется тем, что вопрос об истине должен рассматриваться с учетом различных требований, которые закон предъявляет к обвинительному и оправдательному приговору².

Как уже отмечалось, цели деятельности сторон в уголовном процессе различны. Цель – это результат, на достижение которого направлена деятельность субъекта. Целью доказывания стороны обвинения является обоснование предъявленного обвинения посредством достоверного установления обстоятельств события преступления, под которыми следует понимать «проверенные с помощью доказательств истинные, вполне установленные на соответствующем профессиональном уровне знания об объективной социальной действительности»³.

Целью познавательной деятельности стороны защиты является установление обстоятельств, свидетельствующих о невиновности или меньшей виновности обвиняемого, а также критика установленного стороной обвинения. Или, как верно отмечает А. Александров, «задача обвинителя состоит в собирании материала, достаточного, чтобы доказать обвинение в суде. Задача защиты – показать, что обвинитель не справился со своей задачей»⁴.

¹ Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 279.

² Реховский, А. Ф. Отношение к истине в современном уголовном процессе / А. Ф. Реховский // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы межд. науч.-практ. конф., 27-28 окт. 2003 г. – М.: Изд-во МГЮА, 2004. – С. 56.

³ Францифоров, Ю. В. О дискуссионных вопросах в теории доказательств / Ю. В. Францифоров, В. Н. Лубнин, Н. А. Громов // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 104.

⁴ Александров, А. О значении концепции объективной истины... – С. 23.

Представляется, что законодатель предъявляет требование достоверного установления лишь к обвинительным доказательствам, без которых не может быть опровергнута презумпция невиновности обвиняемого, поскольку «достоверно доказанная виновность подсудимого немыслима без достоверно доказанных события преступления и участия подсудимого в совершении преступления»¹. Суд может вынести обвинительный приговор лишь тогда, когда исследуемые по делу факты установлены с достоверностью.

Что касается оправдательных доказательств, то достаточно их вероятности, «важно не то, что это доказано, а то, что не доказано обратное»². Поэтому является обоснованным утверждение С. А. Пашина, что «поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат»³, поскольку лишь при достоверном установлении стороной обвинения обстоятельств преступления и виновности лица (лиц) в совершении преступления возможно опровержение доводов, приводимых в защиту обвиняемого, правильная квалификация деяния и, как следствие, справедливое разрешение дела.

Изложенное подтверждается тем, что упоминание законодателем в ряде статей требований обеспечения полноты, объективности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ) и всесторонности (ч. 2 ст. 154 УПК РФ), касается исключительно действий и решений субъектов доказывания стороны обвинения на стадии досудебного производства. Соблюдение этих требований должно обеспечить справедливое судебное решение. Указание же в ч. 6 ст. 340 УПК РФ на недопущение нарушения принципа объективности и беспристрастности, способствует формированию внутреннего убеждения присяжных заседателей без посторонних влияний.

¹ Овсянников, И. Вероятное и достоверное в обвинительном приговоре... – 41.

² Там же. – С. 43.

³ Цит. по Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного процесса... – С. 26. В. Балакшин также справедливо отмечает, что органы предварительного расследования должны быть «нацелены на то, чтобы добыть такие доказательства, в таком количестве и качестве, которые бы позволили получить знания об имевшем место общественно опасном деянии, соответствующие действительным обстоятельствам». (Балакшин, В. Истина в уголовном процессе / В. Балакшин // Российская юстиция. – 1998. – № 2. – С. 19).

Таким образом, обвинительный приговор должен быть обоснован бесспорно доказанной совокупностью собранных, проверенных и оцененных доказательств. Именно доказанность обстоятельств в форме процессуальной достоверности, по справедливому мнению В. Ю. Миронова, представляет собой правовой и объективный критерий правильности выводного знания о преступлении. Она является основой для разрешения уголовного дела, а, значит, и целью доказывания¹. В процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена истина, понимаемая как объективная, достоверная доказанность обстоятельств совершения преступления, а так же их юридическая оценка с точки зрения норм уголовного закона. Приговор суда должен отражать те юридически значимые обстоятельства, которые были не только установлены, но и доказаны при производстве по уголовному делу, и на основании которых суд, в соответствии с его внутренним убеждением, пришел к единственно правильному выводу, позволяющему принять законное, обоснованное и справедливое решение. Именно с этим и связана бесспорная важность доброкачественности формирующего приговор познавательного материала².

Выводы:

1. Достоверным является доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений. В отличие от истинного, достоверное знание предполагает наличие обоснования своей истинности. Результатом уголовно-процессуального доказывания должно быть достоверное знание, полученное в результате собирания, проверки и оценки доказательств в точном соответствии с установленными законом правилами и не вызывающее сомнений в своей обоснованности.

¹ Миронов, В. Ю. Указ. соч. – С. 224.

² Быков, В. М. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве / В. М. Быков, Г. А. Печников // Журнал российского права. – 2004. – № 7 – С. 48; Зажицкий, В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения / В. Зажицкий // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 46; Каракчиев, М. Х. Доказанность обстоятельств уголовного дела как основа судебного приговора / М. Х. Каракчиев // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2007. – № 5. – С. 67; Петрухин, И. Л. Истина, достоверность и вероятность в суде... – С. 17; Плетнев, В. Проблемные вопросы собирания доказательств по новому УПК / В. Плетнев // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 48.

2. Закон предъявляет различные требования к обвинительному и оправдательному приговору. Суд может вынести обвинительный приговор лишь тогда, когда исследуемые по делу факты установлены с бесспорной достоверностью, без чего не может быть опровергнута презумпция невиновности обвиняемого.

3. Из смысла ст. 88 УПК РФ вытекает обязанность следователя, дознавателя, прокурора и суда полно, объективно и тщательно исследовать все обстоятельства, подтверждающие обвинение, и значимые для разрешения конкретного дела, поскольку только в этом случае возможно оценить доказательства как достоверные.

5. Целью доказывания по уголовному должно быть установление истины, понимаемой как достоверная доказанность обстоятельств совершения преступления и их юридическая оценка с точки зрения норм уголовного закона.

ГЛАВА 2. РОЛЬ ЛОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

2.1. Логическое доказательство и уголовно-процессуальное доказывание

Доказательством в самом общем смысле называют прием, к которому прибегают с той целью, чтобы убедиться в правильности какого-либо положения, верности познания или – в том случае, если данное положение оспаривается, – для того, чтобы еще раз его дополнить и подтвердить¹. В гносеологии под доказательством понимается процесс установления объективной истины посредством практических и теоретических действий². В логике – доказательством называют рассуждение, устанавливающее истинность какого-либо утверждения путем приведения других утверждений, истинность которых уже доказана³.

Следует отметить, что доказательство, будучи одним из центральных понятий не только логики, но и других наук (в частности, юриспруденции), не имеет однозначного определения, которое можно было бы применять в любых случаях. Задача строгого доказательства – полностью, исчерпывающе утвердить истинность тезиса, «доказать – значит, в соответствии с правилами логики подтвердить выдвинутое положение фактами или доводами, вывести это положение на основании системы умозаключений»⁴. В этом состоит отличие логического доказательства от других мыслительных процедур, которые в состоянии только частично поддержать тезис, придать ему по возможности большую (но не исчерпывающую) убедительность.

В. Д. Спасович в этой связи писал: «Когда мы познаем известные явления, когда из созерцания связей и отношений между предметами мы приходим к известному убеждению, то мы называем те данные, которые породили в нас это убеждение, доказательствами. Всякое убеждение держится на доказатель-

¹ Краткая философская энциклопедия... – С. 141.

² Краткий философский словарь... – С. 86.

³ Краткий словарь по логике... – С. 41.

⁴ Безлепкин, Б. Т. Указ. соч. – С. 115.

ствах и прочно до тех пор, пока его основания – доказательства не пошатнулись»¹. Таким образом, доказательства в широком смысле – это основания нашей уверенности в истинности получаемых знаний.

В уголовном судопроизводстве, согласно ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключения и показания эксперта;
- 3.1) заключения и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы».

Доказательства в уголовном процессе направлены на то, чтобы установить обстоятельства уголовного дела, поэтому они используются только в области применения права и характеризуются рядом специфических признаков. Так, согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, к доказательствам предъявляются следующие требования:

- относимости, заключающееся в установлении значения доказательства для разрешения уголовного дела. Имеющими значение признаются любые сведения, которые связаны с фактами, подлежащими установлению по делу, и в силу этой связи могут подтвердить или опровергнуть их;

- допустимости, согласно которому, доказательство может быть получено только надлежащим субъектом и лишь при помощи предусмотренных зако-

¹ Спасович, В. Д. Указ. соч. – С. 5.

ном средств¹. Доказательства, полученные с нарушением закона не имеют юридической силы (ст. 75 УПК РФ). Под доказательствами законодатель предписывает понимать любые сведения, подлежащие доказыванию по уголовному делу, но определение «любые» не относится к процессуальной форме доказательств. «Здесь уже «не любые», а только те, которые перечислены в законе»², т. е. в ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

- достоверности, т. е. соответствия действительности; Убедиться в достоверности, значит, выяснить, например, правду ли говорит свидетель, соответствуют ли действительности сведения, содержащиеся в документе, соответствует ли копия документа его подлиннику и т. д.;

- достаточности, предъявляемое к совокупности доказательств, означает, что они позволяют сделать вывод о существовании факта, в подтверждение которого они собраны.

Как верно отмечает Р. Костенко, указание на то, что каждое доказательство должно обладать перечисленными признаками, «необходимо понимать как условие, при котором в случае отсутствия какого-либо свойства доказательства нет и самого доказательства... Только при положительном ответе на вопросы об относимости, достоверности, допустимости сведений о фактах и их процессуальной формы можно констатировать, что в распоряжении субъекта доказывания есть доказательства»³, поэтому спорным, на мой взгляд, является утверждение некоторых авторов, что достоверность сведений не является необходимым признаком доказательств⁴. Конечно, содержащаяся в доказательствах ин-

¹ А. П. Рыжаков к перечисленным признакам допустимости доказательств добавляет требование соответствия их нормам нравственности. (Рыжаков, А. П. Курс уголовного процесса (структурно-логические схемы): Учебное пособие / А. П. Рыжаков. – М.: КОНТРАКТ-ИНФРА, 2001. – С. 135). На мой взгляд, это является излишним, поскольку соблюдение этого требования обязательно, согласно ст. 21 Конституции РФ, а также ст. 9 УПК РФ, закрепляющим принцип уважения чести и достоинства личности.

² Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993 – С. 99.

³ Костенко, Р. Доказательства в уголовном процессе / Р. Костенко // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 91.

⁴ Смирнов, А. В. Уголовный процесс. Учебник для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2006. – С. 187; Михайловская, И. Б. Указ. соч. – С. 116 – 117.

формация может указывать на искомые по делу обстоятельства так же и с вероятностью, но лицо, опирающееся в своих выводах на такие доказательства, предполагает их подтверждение в дальнейшем, при последующем расследовании уголовного дела, т. е. предварительная оценка этих доказательств убеждает субъекта доказывания в их достоверности.

Достоверность – знание, достойное веры, достаточное для веры. Возникает вопрос, для кого достаточное? Для познающего субъекта. Как справедливо отмечает П. А. Lupинская, «оценка достоверности доказательства лишена каких-либо формальных критериев, показателей. Здесь полностью действует принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению следователя, дознавателя, прокурора и суда, которое должно сформироваться в результате соблюдения правил собирания и проверки доказательства всеми предусмотренными законом способами»¹.

Кроме этого, думается, что законодатель, устанавливая достоверность, как необходимый признак каждого доказательства, имел в виду не только безусловную достоверность (соответствие знания действительности) доказательства, но и его обязательное удостоверение в надлежащем процессуальном источнике. Значение удостоверительной стороны процесса доказывания трудно переоценить, поскольку все познавательные успехи могут быть отвергнуты судом только из-за допущенных нарушений закона. Удостоверенность полученных сведений «придает им надежность, верность самому источнику – документу»². Без надлежащего закрепления в процессуальном источнике, удостоверения, нет доказательства³.

Следует отметить, что то, что называется доказательством в уголовном процессе, понимаемое как средство познания, в терминах логики есть основание или аргументы логического доказательства. В данном случае происходит

¹ Lupинская, П. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе / П. А. Lupинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 8.

² Черданцев, А. Ф. Указ. соч. – С. 87.

³ Данную точку зрения разделяет С. В. Некрасов, который также считает, что удостоверительная сторона процесса доказывания позволяет придавать знаниям в судопроизводстве, в конечном итоге, характер достоверности. (Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 273).

несовпадение понятий. Доказательство в уголовном процессе является аргументом¹, подтверждающим, обосновывающим существование факта, подлежащего доказыванию. Общей чертой судебных доказательств и доказательств в общеупотребительном смысле (аргументов в логике), является их направленность на достижение истины. А отличительной чертой является то, что, в отличие от аргумента в логическом доказательстве, условием использования которого является его истинность (требование достоверности в уголовном процессе) и связь с доказываемым положением (требование относимости), уголовно-процессуальное доказательство должно быть получено только в предусмотренном законом порядке.

По мнению А. Р. Белкина, «с логической точки зрения, судебные доказательства ничем не отличаются от всех иных доказательств, которые используются в обыденной жизни, в научном исследовании, в любой области процесса познания. Судебные доказательства – это и есть факты обыденной жизни, которые становятся судебными доказательствами только в установленном законом порядке и только в силу их связи с тем явлением, событием, фактом, которые составляют предмет не любого, а именно судебного исследования»¹.

Думается, в это определение следует внести поправку: в обыденной жизни, повседневной практике мы называем доказательствами те суждения, посредством которых обосновывается наша мысль, т. е. доводы, аргументы. Поэтому доказательства в уголовном процессе, с логической точки зрения, являются аргументами, основаниями, подтверждающими или опровергающими основную тезис – виновность лица в совершении преступления.

¹ По мнению С. А. Шейфера, также «в логическом плане доказательство – это аргумент, которым располагает следователь, прокурор, судьи для построения выводов о неизвестном событии. Такой аргумент должен иметь форму некоего суждения: «подозреваемый угрожал потерпевшему расправой», «на одежде имеются следы крови», «через пролом в стене нельзя пронести телевизор» и т.д. Очевидно, что подобные суждения не могут возникнуть сами по себе, т.е. вне познавательной деятельности субъектов доказывания. Данные, отразившиеся в материальных объектах, должны быть восприняты и преобразованы ими в форму суждения. Суждения, хранящиеся в памяти людей, также должны стать известными следователю, прокурору, судье и зафиксированы в материалах дела. (Шейфер, С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С. А. Шейфер. – Саратов: Изд-во Саратовс. ун-та, 1986. – С. 27).

Судебные доказательства также нельзя назвать и фактами обыденной жизни. По мнению А. Ф. Черданцева, с которым нельзя не согласиться, невозможно собирать, использовать доказательства, если это факты реальной жизни, но «можно фиксировать с помощью языка и в соответствующих процессуальных документах факты-знания, и в такой форме (языковой, документальной) их можно собирать и хранить»². В ходе расследования, рассмотрения дела собираются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, как знания о реальной действительности, поскольку, согласно теории отражения, человек в своей мыслительной деятельности оперирует информацией о фактах, имевших место в прошлом, а не самими фактами. Или, говоря словами Г. Гегеля, «...истинны не предметы в своей непосредственности, а лишь предметы, возведенные в форму мышления, предметы, как мыслимые»³.

Значение фактов как формы знания в юридической практике настолько существенно, – правильно подчеркивает А. Ф. Черданцев, – что в ряде случаев они могут дать юридические последствия без существования самого конкретного жизненного факта. Это бывает тогда, когда юридический факт без достаточных оснований принимается за достоверный. Например, суд фиксирует в приговоре факт совершения конкретного преступления конкретным субъектом на основании самооговора и других недостаточно проверенных данных и выносит обвинительный приговор. В данном случае юридический факт существует только в форме знания, лишь по видимости достоверного, сам же реальный факт в жизни не существовал и не существует, тем не менее, первый из них повлек за собой реальные конкретные юридические последствия⁴.

Следует отметить также, что содержание доказательств (например, показаний свидетеля, зафиксированных в протоколе допроса) может быть опровергнуто в ходе расследования или судебного разбирательства, но от этого не изменяются сами реальные обстоятельства, сколько бы не менялись знания челове-

¹ Белкин, А. Р. Указ. соч. – С. 11.

² Черданцев, А. Ф. Указ. соч. – С.97.

³ Гегель, Г. Ф. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1998. – С. 26.

⁴ Черданцев, А. Ф. Указ. соч. – С. 85.

ка о них, «сами реальные обстоятельства, следовательно, не могут быть ни достаточно верными, ни неверными»¹.

Несколько ближе к логическому понятию доказательства в уголовном процессе является понятие уголовно-процессуального доказывания², т. е. деятельности, направленной на установление с помощью уголовно-процессуальных доказательств обстоятельств уголовного дела, хотя и здесь наблюдается лишь частичное совпадение, термин «доказывание» в классической логике не используется.

Согласно статье 85 УПК РФ, доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. При таком подходе к определению доказывания, логическое доказательство присутствует в нем лишь на стадии оценки данных, ибо без применения законов логики невозможно определить связи и зависимости между обстоятельствами. Но, поскольку оценка доказательств пронизывает все этапы доказывания (так, уже в момент получения доказательства субъект доказывания выявляет степень его убедительности и достоверности, мысленно сопоставляя полученные сведения с другими материалами дела или точно установленными фактами), процесс получения информации есть в то же время и процесс обоснования ее правильности.

Как справедливо отмечает Ю. К. Орлов, «удостоверению подлежит каждое отдельное доказательство, обоснованию – и вывод, сделанный на основании собранных по делу данных, то есть, знание, не содержащееся в удостоверяемой информации»¹, значит, уголовно-процессуальные доказательства фиксируют не выводы, а сведения об обстоятельствах преступления. Выводы на основании этих сведений будут делать лицо, производящее расследование, и суд. Следовательно, обоснование правильности выводов, т. е. доказывание в логи-

¹ Черданцев, А. Ф. Указ. соч. – С. 88.

² Эту же мысль высказывают и другие авторы: «То, что в логике называют доказательством, в теории судопроизводства более соответствует понятию доказывания... процессуальное доказывание есть форма обоснования (установления) в судопроизводстве неизвестных обстоятельств, процессуальные доказательства являются здесь средством такого обоснования». (Смирнов А.В. Уголовный процесс... – С. 179).

ческом аспекте, присутствует в ходе всего процессуального доказывания – и в процессе извлечения знаний (при собирании, проверке и оценке доказательств), и в процессе принятия решений в ходе предварительного расследования, и при обосновании обвинительного заключения, и при обосновании вывода суда по уголовному делу.

«Юридическая деятельность, – верно указывал А. А. Тер-Акопов, – относится к преимущественно интеллектуальному виду. Принимая закон либо применяя его, субъект главным образом мылит: обобщает факты, оценивает их, делает выводы, принимает решения. Эта деятельность логическая...»². Поэтому, вызывает возражение мнение Л. В. Карнеевой о необходимости «четко различать процессуальное доказывание как строго регламентированную законом деятельность, включающую обнаружение, получение, проверку и оценку сведений, являющихся доказательствами, от доказательства логического, имеющего своим предметом абстрактные представления и развивающегося по законам логики»³. Поскольку процессуальное доказывание является разновидностью познания вообще, необоснованно исключать из него обосновывающую деятельность мысли. Автор правильно включает в процессуальное доказывание оценку доказательств⁴, необходимой составной частью которой является обоснование выводов, однако процесс получения знаний и обоснование его истинности, как известно, разъединить невозможно.

По закономерному выводу П. В. Копнина, «ошибочным является представление, что процесс достижения истины и доказательство ее являются абсолютно независимыми и не связанными между собой сферами»⁵. В процессе доказывания, как уже было отмечено, практическая и мыслительная деятельность субъектов доказывания неразрывно связаны. Деятельность по собиранию дока-

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 15.

² Тер-Акопов, А.А. Юридическая логика. Учеб. пособие для вузов / А.А. Тер-Акопов. – М.: ОМЕГА-Л, 2006. – С. 13.

³ Советский уголовный процесс. – М.: Акад. МВД СССР, 1982. – С. 120.

⁴ Как указывал И. Я. Фойницкий, «оценка доказательств представляет собой логическую деятельность, подчиненную законам мышления, соблюдение которых обязательно для суда». (Фойницкий, И.Я. Указ. соч. – С. 204).

⁵ Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки... – С.159.

зательств, их проверка предполагают использование логического обоснования, поскольку постоянно сопровождаются оценкой, выражающейся в суждении о достоверности полученных сведений, об их значении по делу, о достаточности данных, которыми располагает субъект доказывания для принятия тех или иных решений.

Существует и иное определение доказывания: «В уголовном процессе доказывание есть деятельность представителя обвинения (а также защиты), преследующая цель убедить с помощью уголовно-процессуальных средств доказывания суд в наличии всех значимых для принятия решения фактов»¹. Именно действия по установлению связей и отношений между различными фактами, а также сам процесс принятия судебного решения и представляют собой наиболее близкие аналогии логическому понятию доказательства в уголовном процессе.

С. В. Курылев отмечал, что «одни процессуалисты под доказыванием понимают деятельность по убеждению суда в истинности фактов, другие – деятельность по установлению объективной истинности наличия или отсутствия существенных для дела фактов»². По мнению С. С. Алексеева также, – доказывание в широком смысле – «деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказательств истинности обстоятельств дела», в узком – деятельность «по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц»³.

На мой взгляд, уголовно-процессуальное доказывание необходимо включает в себя и то, и другое, поскольку процесс доказывания, как собирание, проверка и оценка доказательственного материала осуществляется с целью обоснования выводов, окончательных решений, принимаемых судом по уголовно-

¹ Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 173.

² Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев. – Минск: Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1969. – С. 8.

³ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х т. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение) / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1973. – С. 247 – 248.

му делу. Причем первое (собрание, проверка и оценка, осуществляемые на этапе предварительного расследования) является необходимым, но не достаточным условием для постановления справедливого приговора, а без второго (обоснование выводов судом) не имеет смысла, поскольку доказывание по уголовному делу не завершается установлением фактических обстоятельств. Главной функцией получаемых в процессе собирания, проверки и оценки доказательств является предопределение обоснованности принимаемых предварительным расследованием, а затем и судом решений. Логическая деятельность по обоснованию всех принимаемых в процессе расследования решений, действий, выводов необходимо присутствует на протяжении всей познавательной деятельности субъектов доказывания.

П. А. Lupinskaya правильно указывает на очевидное различие доказательственной деятельности на предварительном расследовании и на стадии судебного разбирательства. Следователь собирает доказательства для установления того, было ли событие преступлением и кто, какие действия совершал. Следователь и прокурор решают, собраны ли достаточные доказательства для направления дела в суд. В суде исследуются представленные сторонами доказательства для ответов на вопросы, доказано ли событие преступления, доказана ли виновность обвиняемого и др.¹

Процесс доказывания по уголовному делу, таким образом, можно разделить на два взаимосвязанных и взаимообусловленных этапа единого процесса доказывания. На первом этапе доказывания, совпадающем со стадией предварительного расследования, происходит определение круга фактов, подлежащих установлению, собирание и процессуальное закрепление, исследование, проверка и предварительная оценка доказательств, в итоге, выявляются обстоятельства уголовного дела, устанавливается его фактическая основа. Целью доказывания на данном этапе является установление достоверности юридически значимых обстоятельств дела, подготовка полноценного доказательственного

¹ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. П.А. Lupинской – М.: Юрист, 1995. – С. 147.

материала для судебного разбирательства. По справедливому мнению А. В. Дулова и А. С. Рубиса, собрание, проверка и оценка доказательственного материала на стадии предварительного следствия необходима для формирования убеждения в его истинности, полноте, доброкачественности, «доказывание формирует убеждение следователя, которое он передает суду посредством всех собранных фактов, их анализа и синтеза, осуществляемых в процессе предварительного расследования»¹.

На втором этапе, совпадающем со стадией судебного разбирательства, происходит исследование доказательств, представленных сторонами, предполагающее уяснение сведений, являющихся содержанием доказательств, проверку этих сведений, установление их достоверности и взаимной связи, определение их достаточности и возможности использования в качестве аргументов для обоснования выводов по уголовному делу. Таким образом производится окончательная оценка доказательств, результатом которой является обоснование вывода о правовой природе события путем ссылки на установленные фактические обстоятельства, правовые нормы, научные положения и т.д. На этом этапе, по верному мнению А. В. Аверина, происходит комплексное критическое осмысление результатов юридического познания и формирование окончательного решения по делу². Целью доказывания на этом этапе является вынесение судом законного, обоснованного, справедливого (ст. 297 УПК РФ) решения по уголовному делу.

Сущность процессуального доказывания состоит в обосновании выводов об обстоятельствах уголовного дела посредством собранных, проверенных, оцененных и исследованных в суде доказательств, а доказательство по своей сути есть информация, вовлекаемая в обоснование определенного тезиса.

¹ Дулов, А. В. Указ. соч. – С.79.

² Аверин, А. В. Судебная достоверность... – С. 134.

Некоторые авторы, характеризуют процессуальное доказывание, как процесс оперирования доказательствами¹, но оперировать доказательствами можно только тогда, когда они уже получены, проверены и оценены. В этом случае из процесса доказывания исключается его важный элемент – собирание доказательств, а само доказывание понимается лишь как деятельность по убеждению суда. Доказывание в уголовном процессе – это не оперирование доказательствами, а процесс получения и использования доказательств в целях обоснования выводов об обстоятельствах, необходимых для правильного разрешения уголовного дела. Допустимо, на мой взгляд, характеризовать доказывание как процесс оперирования доказательствами на стадии судебного разбирательства, когда собранными доказательствами обосновывается обвинение.

Если процессуальное доказывание понимать в том значении, как его определяет ст. 85 УПК РФ, то возникает противоречие с законом. Так, ст. 49 Конституции РФ закрепляет в качестве одного из основных принципов уголовного судопроизводства презумпцию невиновности, в соответствии с которой невиновность обвиняемого презюмируется, а его виновность в предусмотренном федеральным законом порядке доказывается и устанавливается вступившим в законную силу приговором суда. Закон определяет доказывание как собирание, проверку и оценку доказательств. Если понимать доказывание именно так, то собиранию, проверке и оценке подлежат только доказательства виновности, что противоречит пп. 5, 6, 7 ст. 73 УПК РФ. Поэтому, представляется, что, употребляя выражение «виновность доказывается», законодатель понимает под этим не собирание, проверку и оценку доказательств, а обоснование виновности этими доказательствами. Думается, что причиной двойственного упо-

¹ Рыжаков, А. П. Уголовно-процессуальное доказывание: Понятие и средства / А. П. Рыжаков. – М.: Филинь, 1997. – С. 41; Шаламов, М. П. Теория улик / М. П. Шаламов. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – С. 9.

требления указанного термина является стремление законодателя к приданию формулировкам большей краткости, хотя, может быть, и в ущерб их точности¹.

Задачей уголовного судопроизводства является защита прав и интересов потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, а также деятельность по раскрытию преступления, изобличению преступника (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Эта деятельность направлена не на изобличение обвинительными доказательствами известного преступника, а на объективное и беспристрастное исследование совокупности доказательств, в результате которого обосновывается вывод о виновности лица. Объективный и беспристрастный подход к расследованию преступления предполагает учет всех без исключения сведений об обстоятельствах преступления. Эти сведения становятся содержанием доказательств, которые могут быть как обвинительными, так и оправдательными.

Законодатель употребляет термин «доказывание» в смысле собирания, проверки и оценки доказательств только в ст. 73 УПК РФ. В других же статьях термин «доказывание» употребляется уже в смысле обоснования (т. е. доказывание в логическом аспекте), подтверждения собранными доказательствами определенного вывода – «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана» (ч. 1 ст. 14 УПК РФ); «бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство» (ч. 4 ст. 235 УПК РФ); «доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый» (п. 1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ); «доказано ли, что деяние совершил подсудимый» (п. 2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ); «описание преступного деяния, признанного судом доказанным» (п. 1 ст. 307 УПК РФ) и т. д.

Н. Г. Стойко, отмечая совпадение в определенной степени логического и юридического в познании, осуществляемом в процессе доказывания, справедливо отмечает, что, когда следователь или суд, на основе соответствующих доказательств, приходят к достоверному выводу о наличии или отсутствии,

¹ О присутствии в законе различных терминологических единиц, совпадающих по своему значению, см. подробнее: Савицкий, В. М. Язык процессуального закона. Вопросы термино-

например, виновности какого-либо лица в совершении преступления, это всегда означает логическое и юридическое (в процессуальном акте) завершение по делу. Когда же следователь или суд приходят к выводу о недоказанности виновности, логическое завершение доказывания невозможно, но, тем не менее, юридически доказывание должно быть завершено принятием соответствующего решения¹.

Таким образом, обвинение должно быть доказано не процессом собирания, проверки и оценки доказательств, а на основании этого. Все указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, будучи доказанными (т. е. собранными, проверенными и оцененными), сначала становятся фактическим содержанием формируемого по делу обвинения, а затем – вывода суда о признании подсудимого виновным.

Следует признать справедливым утверждение В. А. Лазаревой, согласно которому «уголовно-процессуальное доказывание – это деятельность по установлению и обоснованию вины лица в совершении преступления»². Поэтому, на мой взгляд, определение доказывания, содержащегося в ст. 85 УПК РФ, необходимо дополнить, добавив в него обосновывающую функцию доказывания. В этой связи предлагается следующая редакция этой статьи:

«Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса, для обоснования выводов по уголовному делу».

Выводы:

1. «Доказывание по уголовному делу» – специальный термин, используемый только в сфере действия права для обозначения деятельности следователя (лица, производящего дознание), прокурора, суда по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью обоснования выводов по уголовному делу.

логии / В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1987. – С. 9–10; Черданцев, А. В. Указ. соч. – С. 85–91.

¹ Стойко, Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / Н. Г. Стойко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. – С. 22.

² Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 37.

2. Доказательства, получаемые в ходе уголовно-процессуального доказывания, по своей сути являются информацией (аргументами), используемой в логическом процессе обоснования тезиса о виновности (или невиновности) обвиняемого.

3. Определение доказывания, содержащегося в ст. 85 УПК РФ, необходимо дополнить, добавив в него обосновывающую функцию доказывания. Предлагается следующая редакция этой статьи:

«Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса, для обоснования выводов по уголовному делу».

2.2. Значение законов логики в процессе доказывания по уголовному делу

Процесс доказывания строго регламентирован законом, определяющим строгий процессуальный порядок и обязательную форму получения и закрепления знаний, использование только предусмотренных законом источников. В законе дана достаточно подробная регламентация уголовно-процессуального познания обстоятельств, подлежащих доказыванию, понятия и видов доказательств, порядка проведения следственных действий и т.д. Однако, как верно отмечает А.А. Давлетов, собирание, проверка и оценка доказательств, названные в уголовно-процессуальном законе (ст. 85 УПК РФ), необоснованно рассматриваются многими юристами как исчерпывающий перечень элементов уголовно-процессуального познания¹, поскольку значительная часть этого познания остается вне прямого нормативного воздействия, т. к. не может быть формализована и переведена в конкретные правовые предписания.

Мыслительная деятельность следователя, прокурора, судей, производимая скрытно, в сознании, подчиняется не нормам права, а общим гносеологическим закономерностям. Закон регламентирует данную сторону процессуально-

¹ Давлетов, А. А. Факт, информация, знание в структуре уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов // Изв. вузов: Правоведение. – 1990. – № 2. – С. 88.

го познания лишь в форме общих положений, в частности, таковыми являются правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ).

Как отмечается в юридической литературе, разрешение всякого уголовного дела сводится к выполнению двух задач: а) установлению наличия или отсутствия определенного события, б) подведению этого события под соответствующую правовую норму, т.е. применению к нему закона¹. Для решения этих задач, на мой взгляд, недостаточно только лишь установления обстоятельств дела и знания уголовного закона, кроме этого необходимо уяснение методологических основ данного процесса, в частности, методологических средств (законов, правил, приемов) формальной логики.

Опираясь на философское положение о том, что в своей основе любой процесс познания есть мысленное, логическое движение к сущности объекта², следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальное доказывание, как специфическая познавательная деятельность, так же является процессом мышления и в данном отношении логика познания диктуется логикой объекта. На мой взгляд, не вызывает сомнения справедливость утверждения А. Р. Белкина, что «весь процесс доказывания – логический процесс... Нет и не может быть специфического «судебного», «следственного» или «криминалистического» мышления, отличающегося от мышления в других областях человеческой деятельности, протекающего по специфическим законам, подчиняющегося особой логике»¹. Несмотря на то, что мыслительная деятельность субъектов уголовно-процессуального доказывания имеет свои особенности, которые обусловлены специфическим предметом, условиями, процессуальными методами, эта деятельность в той же степени, как и любой процесс познания, подчиняется общим закономерностям познания, в том числе, законам и правилам формальной логики.

Логические законы и правила распространяются на все виды мыслительной деятельности, являются обязательными и естественными, образуя внешне

¹ Смирнов, А. В. Уголовный процесс... – С. 179.

² Алексеев, П. В. Философия... – С. 405.

невидимую, но крайне важную логическую основу познания. Знание логики и умение оперировать этими знаниями являются краеугольным камнем правового мышления и показателем его квалифицированности². «Правовое мышление, – отмечают венгерские юристы В. Кнапп и А. Герлох, – связано с высоким требованием его логичности, что подчеркивает значение в правовом мышлении логики диалектической и формальной»³.

Законам и правилам логики подчиняется любое рассуждение, если оно претендует на истинность и не имеет значения, осознает или не осознает это рассуждающий. Как правильно отмечает А.А. Старченко, «формы логической связи не могут быть игнорированы исследователем, он не может применять их или не применять, пользоваться ими или не пользоваться, он помимо своей воли и желания облекает свое мышление в те формы, которые отражают связи и отношения, присущие исследуемым явлениям»⁴.

Принципы построения мысли, определяющие структуру правильного мышления, сформулированы в виде основных логических законов, выражающих требования методологического характера. Таковыми являются закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания⁵. Сложившись в результате многовековой практики, они не могут быть отменены или заменены другими, законы логики – необходимые истины, не имеющие исключений, независимо от любых обстоятельств⁶. Определенность, последовательность, непротиворечивость, обоснованность, доказа-

¹ Белкин, А. Р. Теория доказывания... – С.50.

² Власенко, Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск: Вост.- Сиб. книжн. изд-во, АО Норма-плюс, 1997. – С. 143.

³ Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлох; Общ. ред., вступ. ст. А. Б. Венгерова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 37.

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 443.

⁵ Первые три были открыты Аристотелем, четвертый – В. Г. Лейбницем.

⁶ Ивин, А. А. По законам логики / А. А. Ивин. – М.: Молодая гвардия, 1983, – С. 148. Следует отметить ошибку В. Ю. Миронова в понимании утверждения К. Маркса и Ф. Энгельса, которые подчеркивали: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности». Понятие «должен» выражает не «скептицизм великих мыслителей», а означает, что вывод обязательно, необходимо истинный. (Миронов, В. Ю. Достоверность доказательств и их значение для постановления приговора... – С. 46).

тельность рассуждения невозможны, пока не признана обязательность этих законов.

Определенность мышления обеспечивается соблюдением закона тождества, согласно которому каждая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной самой себе. Иными словами, в процессе рассуждения нельзя подменять одну мысль другой, нельзя отождествлять различные мысли, нельзя тождественные мысли принимать за нетождественные¹.

У разных людей разный словарный запас, значение многих слов они понимают по-разному², у каждого свой опыт общения, свой профессиональный опыт, свои установки, взгляды и т. д. Особенно это относится к малолетним, у которых в запасе несколько десятков слов, значения которых ограничены и искажены их детским опытом. Отождествление различных мыслей может произойти в результате того, что разные люди вкладывают в одно и то же понятие разный смысл. Все это необходимо учитывать при проведении допросов и других следственных действий, в ходе проведения которых фиксируются словесные³ показания. Судебной практике известны случаи, когда по-разному понимаемый смысл одного слова способен повлиять на судьбу человека. В этой связи приведу пример:

Директор одного из молокозаводов возвращался с охоты около часа ночи. Вдруг находящаяся с ним собака залаяла. Охотник посветил фонариком и увидел заячьи следы, которые вели к картофельному полю. Далее произошло следующее (записано дословно в протоколе допроса в качестве подозреваемого): «Тут из-за картошки мне показались заячьи уши, я выстрелил. Раздался человеческий крик, я подбежал и увидел, что в том месте, куда я стрелял, лежит ра-

¹ Гетманова, А. Д. Учебник по логике / А. Д. Гетманова; 2-е изд. – М.: ВЛАДОС, 1994. – С. 90.

² Еще Л. С. Выготский отмечал, что мысль никогда не равна прямому значению слов. (Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов / Сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – М.: Изд-во «Центр», 1996. – С. 197).

³ Как справедливо отмечается А. И. Ракитовым, восприятие субъективно, оно существует в мозгу человека и передать информацию другим людям о наших ощущениях мы можем лишь опосредованно, при помощи языка. (Ракитов, А. И. Анатомия научного знания / А. И. Ракитов. – М.: Политиздат. – 1969. – С. 132).

ненный в голову человек...». Спор в прениях зашел только из-за одного написанного слова, влияющего на квалификацию преступления: «показались». Прокурор, анализируя факты, говорил, что «показались» – значит, «померещились», а, следовательно, совершено убийство по неосторожности. Подсудимый и адвокат утверждали, что «показались» – значит, увидел эти уши наяву, выдвинулись уши из-за ботвы, поэтому речь может идти только о несчастном случае¹.

Часто следователь записывает смысл показаний допрашиваемого в том виде, в каком этот смысл им постигается, и, если показания им восприняты неправильно, может возникнуть опасность их прямого искажения в протоколе допроса². В приведенном примере следователь, фиксируя показания, должен был уточнить у допрашиваемого точный смысл употребленного им многозначного³ понятия «показались». Если в устной речи, встретившись с ошибочным пониманием сказанного, можно тут же обнаружить и устранить недоразумение, то в письменной этого сделать нельзя. Вот почему искажения в процессуальных актах, на основе которых решается судьба дела и стоящих за ним людей, наиболее опасны по своим последствиям. Как верно отмечает П. А. Lupинская, далеко не каждый человек способен грамотно, четко и ясно изложить увиденное или услышанное. В любом случае при допросе нужно уточнять, конкретизировать все недостаточно определенные, нечеткие выражения⁴.

¹ Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения / Л. А. Воскобитова [и др.] – М.: Дело, 2001. – С. 272 – 273.

² Авторы Комментария к УПК РФ также отмечают, что «воспринимая от свидетеля информацию, допрашивающий, в соответствии со своим общим культурным уровнем, опытом и профессиональными знаниями определенным образом перерабатывает ее в сознании, а затем фиксирует в протоколе допроса в вербальной форме от первого лица свидетеля и по возможности дословно. В этом сложном психическом взаимодействии допрашиваемого и допрашивающего нередко утрачиваются или получают неадекватное отражение в протоколе обстоятельства, воспринятые и сообщенные свидетелем допрашиваемому». (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – С. 260 – 261).

³ Многозначными называют понятия, которые в разных случаях употребления получают различные значения.

⁴ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. П. А. Lupинской... – С. 116. И. Я. Фойницкий также указывал на то, что «люди невысокого умственного развития нередко смешивают области наблюдения и суждения, и для того, чтобы направить их показания о

А. Р. Ратинов отмечает, что правильному пониманию смысла получаемой от допрашиваемых информации, могут препятствовать также предвзятость, предубеждение, увлечение определенной версией. В результате человек слышит не то, что действительно сказано, а то, что ему хотелось или то, что он желал услышать¹.

Причинами невольного нарушения закона тождества могут быть: неточность², неясность³, многозначность слов; смутное представление о предмете мысли⁴; невлаждение нормами речи; неумение вдумываться в смысл и объем употребляемых понятий. Кроме того, следователю приходится получать информацию от людей самых различных профессий, часто использующих такие термины и формулировки, которые понятны только с учетом знаний этой профессии. Необходимо проверять правильность восприятия тех или иных понятий посредством выяснения их содержания, изменением словесных формулировок, графическим или иным моделированием, раскрывающим эти понятия. Только в этом случае следователь не допустит ошибок в своих собственных представлениях, и, как следствие, в фиксации изложения полученной информации.

Иногда, сравнивая показания свидетеля, данные им на предварительном следствии и в суде, можно обнаружить в них противоречия, позволяющие предполагать, что свидетель в суде дал ложные показания. Однако часто причина данных противоречий кроется не в заведомой ложности показаний свидетеля в суде, а в неправильном восприятии свидетельских показаний следователем или неточной их записи. Прокуроры, судьи, иные субъекты доказывания, —

том. что было ими наблюдаемо, иногда приходится начинать с предложения им вопроса, что они знают, т. е. полагают, что знают о данном обстоятельстве, переходя уже затем к расчленению элементов их знания». (Фойницкий, И. Я. Указ. соч. — С. 280).

¹ Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — М.: Юрлитформ, 2001. — С. 118. Необходимо, чтобы сообщение было понято так, как его изначально намеревались изложить.

² Неточным является понятие, границы объема которого расплывчаты, неопределенны.

³ Неясными являются понятия с неопределенным содержанием.

⁴ Иногда допрашиваемый может иметь информацию не на уровне понятий, а на уровне представлений. В таких случаях необходимо давать ему время для обдумывания и подбора нужных слов, формулировок, поскольку мысль не осознается, пока не оформлена в слова. По справедливому замечанию А. С. Ахманова, «вне речи ни чужая, ни собственная мысль не

отмечает С. В. Некрасов, – не в порядке исключения сталкиваются с такими ситуациями, когда следователь, дознаватель или секретарь судебного заседания слишком упрощенно, кратко записывают показания, производят добавление собственной интерпретации, редактируют фразы, подлежащие фиксации¹.

В древнеиндийской философии существовало разумное правило: если вы собираетесь критиковать чье-то положение, то следует повторить критикуемый тезис и получить согласие присутствующего оппонента, что его мысль изложена правильно². Думается, что это правило неплохо было бы соблюдать и при проведении допроса. «Я вас правильно понял?» Только убедившись, что смысл изложенного допрашиваемым понят верно, допрашивающий, может продолжать допрос или переходить к фиксации его результатов. В соответствии с законом тождества в любой речи необходимо добиваться ясности изложения, которая предполагает использование слов и выражений в одном и том же смысле, понятном для других.

На требования закона тождества основано, например, такое следственное действие, как предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), определяемое как самостоятельная процессуальная форма визуальной идентификации (от лат. *idem* – тот же самый, тождественный), реализуемой опознающим путем сравнения признаков хранящегося в памяти мысленного образа объекта с признаками образов объектов текущего восприятия в целях установления, имеется или не имеется среди них тот самый слеодообразовавший объект, о котором ранее он дал показания на допросе³.

Опознание – процесс и результат отнесения предъявленного объекта к ранее сформированному психическому образу⁴ или, с точки зрения психологии,

существует и тем самым не дана для познания». (Ахманов, А. С. Формы мысли и законы формальной логики... – С. 34).

¹ Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 233.

² Кириллов, В. И. Логика: Учебник для юридических вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. - Изд. 5-е перераб. и доп. – М.: Юрист, 1998. – С. 213.

³ Степаненко, Д. А. Криминалистическая идентификация. Понятие. Принципы. Технологии: монография / Д. А. Степаненко. – Иркутск: Изд. ОАО «Иркут. обл. тип. № 1», 2005. – С. 112.

⁴ Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология. Учебник для вузов. / Г. Г. Шиханцов; Отв. ред. В.А. Томсинов. – М.: Изд. Зерцало, 1998. – С. 224.

узнавание, поскольку отождествить предмет данного восприятия с каким-либо из прежде воспринятых предметов – значит, узнать его как прежний или, по крайней мере, как сходный с прежним.

Впервые понятие тождества двух предметов дал Г. Лейбниц: « $x = y$, если, и только если, x обладает каждым свойством, которым обладает y , а y обладает каждым свойством, которым обладает x »¹. Другими словами, предметы тождественны только в том случае, когда абсолютно все их свойства являются одними и теми же. Однако в случае предъявления для опознания тождество образа объекта, воспринятого ранее, и предъявленного объекта определяется не по абсолютно всем общим характеристикам, а лишь по некоторым, являющимся существенными (отличительными) в данных конкретных условиях, что связано с задачами этого следственного действия. Обычно в процессе узнавания человек не нуждается в восприятии всех свойств предмета, тождественных с соответствующими признаками прежде воспринятого, ему бывает достаточно только немногих, наиболее характерных, на основании которых он и узнает данную вещь². По мнению русского логика М. И. Каринского, «при узнавании предметов, которые мы имели случай раньше наблюдать, часто и изучать внимательно, логический процесс, который приводит нас к полному убеждению в тождестве ранее известных нам предметов с предметами, встречаемыми вновь, по большей части относится к гипотетическим процессам... Чтобы отнять у гипотетического процесса всякую тень предположительности и неточности, для этого необходимо, чтобы определения предмета, на основании которых устанавливается его тождество с другим предметом, были бесспорно единичны, т. е. могли по самой природе своей принадлежать только одному предмету»³. Таким образом, судить о достоверности результатов предъявления для опознания можно лишь в том случае, если объект опознания обладает признаками, свойствами,

¹ Краткий словарь по логике... – С. 187.

² Рутковский, Л.В. Указ. соч. – С. 326.

³ Каринский, М.И. Классификация выводов / М. И. Каринский // Проблемы логики и теории познания. Под ред. И. С. Нарского. – М.: Изд. МГУ, 1968. – С. 168.

присущими ему и только ему, и эти признаки были указаны в протоколе допроса, предшествовавшего опознанию.

При отождествлении предметов либо один и тот же объект рассматривается как тот же самый, либо в объектах, мыслимых отдельно, усматривается одна и та же общая черта. Последнее в следственной практике носит название идентификации¹, задачей которой является установление тождества предметов, людей, документов и т. д., которые до этого мыслились отдельно (например, идентификация подозреваемого в разных преступлениях; ножа, которым был убит человек, и ножа, найденного у подозреваемого и т. п.). Идентификация людей может производиться на основании анатомических признаков (например, внешности, пальцевых узоров), по признакам почерка и т. д. Но, кроме этого, как отмечал М. И. Каринский, «в мире внешнего опыта есть признак, который может принадлежать только одному предмету. Этот признак не относится к качественным чертам предмета, а есть определение места, взятое в совокупности с определением времени. Эти последние определения достаточно надежны, чтобы на основании их устанавливать тождество предметов... Зная предмет, относящийся к известному месту и времени и имея другой предмет, представляющийся для сознания особым и отдельным от первого, мы нуждаемся только в убеждении, что один из этих предметов занимал в определенное время то самое место, к которому мы должны приурочить другой, чтобы признать реальное тождество обоих... Ограниченность места и времени дает возможность гипотетическому процессу совершиться строже и полнее, а вместе с тем достигнуть и точного результата"². Каждый предмет неповторим, уникален в своем роде, поскольку связан с конкретным местом и временем.

Место и время совершения преступления «конкретизируют и индивидуализируют деяние, позволяют отграничить его от смежных по времени и пространству деяний, позволяют установить или опровергнуть алиби, обеспечивать

¹ Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – С. 91.

² Каринский, М. И. Указ. соч. – С. 169.

право обвиняемого на защиту»¹, являясь обстоятельствами, подлежащими обязательному доказыванию по каждому уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), способствуют получению достоверных выводов, поскольку конкретное преступление совершается в определенном месте и времени, определенным способом, и, следовательно, может быть охарактеризовано рядом неповторимых признаков, относящихся к субъекту преступления, мотивам, которыми он руководствовался, к цели и последствиям преступного посягательства и т. д.

С законом тождества органически связан закон непротиворечия², обеспечивающий последовательность и непротиворечивость мысли, согласно которому два противоположных суждения (какое-либо суждение и его отрицание) не могут быть одновременно истинными, по крайней мере, одно из них необходимо ложно. Если закон тождества выражает отношение логической однозначности, то закон непротиворечия – отношение логической несовместимости, его назначение – устранение возникших противоречий. В основе закона непротиворечия лежит качественная определенность вещей и явлений, относительная устойчивость их свойств. Недопустимо приписывать предмету какой-либо признак, а затем, в ходе рассуждения, этот признак у того же предмета отрицать. Нельзя, например, об одном и том же свидетеле по одному и тому же делу утверждать, что он не заинтересован в исходе дела и в то же время заинтересован в нем³.

На действии этого закона основано алиби – пребывание обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Подтверждение алиби логически несовместимо с обвинением. В то же время опровержение ссылки обвиняемого на алиби само по себе не доказывает обвинения. Из того, что обвиняемый не находился в указанном им месте, нельзя однозначно заключить, что он совершил преступление. Следует иметь в виду, подчеркивал М. С. Строгович, что подтверждение алиби устраняет виновность обвиняемого только в тех слу-

¹ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 103.

² П. В. Копнин называл этот закон законом недопустимости противоречий. Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки... – С. 455.

³ Эйсман, А. А. Указ. соч. – С. 6.

чаях, когда лицо обвиняется в том, что оно само физически выполнило преступные действия. Если же лицо обвиняется в организации преступления, в подстрекательстве к преступлению, алиби может не иметь никакого значения¹.

Закон непротиворечия нередко нарушается в процессе собирания и оценки доказательств, что приводит к ошибочной квалификации преступного деяния. Правильное использование закона непротиворечия в процессе квалификации преступления позволяет устранить противоречия в собранных по делу доказательствах, положенных в ее основу, правильно оценить противоположные суждения и в конечном итоге дать верную правовую оценку содеянному².

Например, по приговору Липецкого областного суда С. был признан виновным в разбое, квалифицированном по признаку совершения с незаконным проникновением в жилище. Адвокат осужденного в надзорной жалобе, ссылаясь на то, что осужденный незаконно в квартиру потерпевшей Б. не проникал, просил исключить указанный квалифицирующий признак разбоя и смягчить наказание. Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил жалобу адвоката и изменил судебное решение по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела С. договорился с Б. по телефону о встрече с ней в ее квартире. Потерпевшая Б. открыла осужденному дверь, и самапустила его в квартиру, где последний и совершил нападение и убийство.

Эти обстоятельства установил и суд в приговоре, придя к выводу о том, что разбой совершен с незаконным проникновением в жилище потерпевшей, но каких-либо мотивов и доказательств этого в приговоре не привел. Обстоятельства содеянного С. свидетельствуют о том, что он незаконно в квартиру потерпевшей не проникал, при таких данных указанный квалифицированный признак подлежит исключению из приговора¹.

В данном случае допущена логическая ошибка (нарушен закон непротиворечия), т. к. два противоположных суждения об одном и том же предмете,

¹ Строгович, М. С. Логика. Учеб. Пособие для вузов / М. С. Строгович. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 349 – 350.

² Казгергиева, Э. В. Логические ошибки судебного правоприменения / Э. В. Казгергиева // Российский судья. – 2005. – № 12. – С. 10.

взятом в то же самое время и в одном и том же отношении, оказались одновременно «истинными». Если истинно суждение «осужденный незаконно в жилище не проникал», то не может быть истинным обратное.

Так же часто возникающей ситуацией в процессе судебного разбирательства является ситуация, когда стороны дают противоположные характеристики обвиняемому или потерпевшему². Конечно, это объясняется тем, что обвинитель и защитник в судебном споре преследуют разные цели, имеют противоположные позиции по делу (например, в случае дорожно-транспортного происшествия обвинение, скорее всего, будет утверждать, что водитель был пьян, а защита попытается предположить, что с водителем случился сердечный приступ²), но, по закону непротиворечия, противоположные суждения сторон об одном и том же не могут быть одновременно истинными, зато могут быть одновременно ложными – если обвинитель не прав, из этого вовсе не следует, что прав защитник. Подтверждение же доказательствами утверждений одной из сторон автоматически делает ложными утверждения другой.

С законом непротиворечия, в свою очередь, тесно связан закон исключенного третьего, который имеет объективный источник своего существования, в нем отражается качественная определенность предметов и явлений действительности, а это означает, что нечто существует или не существует, ему что-то присуще или не присуще и т. д. Закон исключенного третьего действует по принципу «или – или»: истинность одного из противоречащих суждений свидетельствует о ложности второго и, наоборот, а третье суждение исключено.

¹ Бюллетень Верховного Суда. – 2006. – № 2. – С. 22.

² Можно в качестве примера привести ситуацию, возникающую в суде по делам об изнасиловании. Ясно, что в зависимости от адвоката, защищающего жертву или преступника, одна и та же девушка может быть поочередно представлена как очень скромная, стыдливая и невинная, с одной стороны, и как более или менее доступная и провоцирующая особа, с другой.

² По мнению Е.Ю. Львовой, позиция по делу – это фактическая и юридическая картина случившегося с точки зрения обвинения и точки зрения защиты, которые, как правило, не совпадают. (Е.Ю. Львова. Позиция по делу // Защита по уголовному делу: Пособие для адвокатов; Под ред. Е.Ю. Львовой. – М.: Юрист, 2002. – С. 33).

Если закон непротиворечия позволяет лишь ограничить количество возможных решений (выбрать или отбросить одно из них, имея в виду, что оставшееся подлежит дальнейшей проверке), закон исключенного третьего позволяет принять окончательное решение, ибо одно из двух обязательно истинное, третьего не дано¹. Данный закон означает, что при решении альтернативного вопроса нельзя уклоняться от определенного ответа, нельзя искать что-то промежуточное, среднее.

Конечно, закон исключенного третьего не может точно указать, какое именно из двух противоречащих суждений истинно, но его значение состоит в том, что он устанавливает для нас вполне определенные интеллектуальные границы, в которых возможен поиск истины, и за этими пределами искать ее не имеет смысла. Выбор же одного из суждений в качестве истинного обеспечивается средствами правовой науки и практики.

На действии закона исключенного третьего, – отмечает А. Ф Черданцев, – базируется, по сути, действие самого права. Если нормы права устанавливают строго определенное поведение в точно очерченных условиях, то недопустимо, с точки зрения права, какое-то иное поведение, противоречащее этому требованию², практически вся юридическая практика построена на принципе «или – или» – данный факт либо установлен, либо не установлен; обвиняемый либо виновен, либо не виновен и т. п.

Как верно указывает Ю. В. Кореневский, «если то или иное доказательство выпадает из общей цепи, противоречит другим, если об одних и тех же существенных обстоятельствах в разных материалах дела содержится различная, порой взаимоисключающая информация, значит, одно из доказательств, а возможно и все они, недостоверные: ошибочные, ложные, либо неправильно поняты следователем, прокурором, судом»¹. Умение вскрывать и устранять логические противоречия, нередко встречающиеся в показаниях допрашиваемых,

¹ Казгергиева, Э. В. Указ. соч. – С. 11.

² Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов / А. Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С.93 – 94.

играет важную роль в судебной и следственной практике. Например, одни доказательства устанавливают, что обвиняемый грозил потерпевшему убийством, и в то же время другие доказательства устанавливают, что в этот же период времени между обвиняемым и потерпевшим были дружеские отношения. Противоречие здесь явное, и объясняется оно, по-видимому, тем, что один из этих фактов установлен ошибочно. Возможно, что факт дружеских отношений в действительности места не имел, свидетели об этом показали неправильно или сам обвиняемый инсценировал дружеские отношения с потерпевшим для того, чтобы отвести от себя подозрение. Если проверка это установит – противоречие в доказательственных фактах будет устранено².

Следует иметь в виду, что иногда свидетели, потерпевшие в силу неправильной оценки воспринятого³, под воздействием эмоций (испуга, возбуждения, растерянности и т. д.) могут неправильно передавать полученную ими информацию, добросовестно считая, что дают правдивые показания. «Рассказчик, – писал Дж. Ст. Миль, – часто передает не то, что он видел или слышал, а впечатление, произведенное на него виденным или слышанным; при этом большая часть сообщаемого может состоять из умозаключений, а между тем рассказ в целом передается не как умозаключение, а как действительно воспринятое»¹.

Например, по делу В., обвиняемого в краже мотовелосипеда, потерпевший Ш. заявил на суде, что он видел человека, похитившего мотовелосипед, бежал за ним, пытался его догнать, но тот пригрозил, что зарежет его, если он подойдет. Преступником, по показаниям потерпевшего, был именно В. Оказалось, что показания потерпевшего в той части, что В. ему пригрозил, являются

¹ Корневский, Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. В. Корневский. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2002. – С. 99.

² Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе... – С. 361.

³ И. Я. Фойницкий указывал, что «люди невысокого умственного развития нередко смешивают области наблюдения и суждения, и для того, чтобы направить их показания о том, что было ими наблюдаемо, иногда приходится начинать с предложения им вопроса, что они знают, т. е. полагают, что знают о данном обстоятельстве, переходя уже затем к расчленению элементов их знания». (Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 280).

чистым вымыслом, поскольку подсудимый В. с детства немой. Потерпевший, когда об этом узнал, заявил: «Я сильно расстроился, и мне показалось, что подсудимый мне пригрозил»².

В этом примере явное противоречие показаний потерпевшего установленным данным не могло не навести на мысль о ложных показаниях, если не учитывать эмоциональное состояние потерпевшего в момент восприятия³. Зная о возможности возникновения такой ошибки, необходимо при допросе выяснять в каких условиях, при каких обстоятельствах было воспринято интересующее следователя (суд) событие, помогая допрашиваемому отделять действительно воспринятые факты от их интерпретации и оценки.

В значительной степени эффективность допроса зависит от способности допрашивающего правильно формулировать вопросы⁴. Если вопрос сформули-

¹ Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Ст. Милль; Пер. с англ. Под ред. В. Н. Ивановского. – М.: Изд. Г. А. Лемана, 1914. – С. 712.

² Ароцкер, Л. Е. Тактика и этика судебного допроса / Л. Е. Ароцкер. – М.: «Юридическая литература», 1969. – С. 84.

³ А. Ф. Кони, отмечая эмоциональное отношение к воспринимаемому у свидетелей, писал: «Им кажется простая палка – дубиной; угроза пальцем – подъемом кулака; возвышенный голос – криком; первый шаг вперед – нападением; всхлипывание – рыданием». (Цит. по: Коновалова, В. Е. Указ. соч. – С. 117.).

⁴ Сам вопрос является результатом противоречия между знанием и незнанием, вопрос возникает тогда, когда старое знание не позволяет объяснить новые факты. «Решающим качеством настоящего исследователя, – отмечает В. Хайч, – является его чувство спорного, сомнительного, т.е. способность задавать действительно продуктивные вопросы». (Хайч, В. О функциях вопроса в развитии научного знания / В. Хайч // Методология развития научного знания / Под ред. А. А. Старченко, Д. Шульце. – М.: Изд. МГУ, 1982. – С.79). С. В. Некрасов отмечает, что зачастую в следственной практике допросы проводятся без постановки необходимых вопросов. Такие допросы преимущественно проходят в условиях соблюдения законности, но показания, отраженные в протоколах, могут быть малосодержательными или почти бессодержательными. (Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 273). В. Е. Коновалова также отмечает, что причиной низкого качества допросов может быть неумение следователя сформулировать вопрос должным образом, поставить его в такой форме, чтобы он был ясен допрашиваемому недвусмыслен, точен и правилен по своей структуре. (Коновалова, В. Е. Проблемы логики и психологии в следственной тактике / В. Е. Коновалова. – Изд-е 2-ое, доп. – Киев: Редакц.-изд. отдел МВД УССР, 1970. – С. 102). См. также: Александров, А. С. Перекрестный допрос / А. С. Александров, С. П. Гришин. – М.: ТК Велби, Изд. Проспект, 2005. – С. 105–154; Белнап, Н. Логика вопросов и ответов / Н. Белнап, Т. Стил: пер. с англ. Г.Е. Крейдлина; общ. ред., предисл, примеч. В. А. Смирнова, В. К.Финна. М.: Прогресс, 1981; Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного процесса / Ю. В. Францифоров. – М.: Приор-издат, 2006. – С. 30–34.

рован правильно, то уклонение от определенного ответа на него может свидетельствовать о заинтересованности допрашиваемого в сокрытии истины.

Кроме того, следователь всегда должен думать над тем, как будет воспринят его вопрос, часто возникает необходимость приравниваться к интеллектуальному уровню собеседника. Задаваемые вопросы должны быть точными, ясными и однозначными, в противном случае свидетель или обвиняемый может не понять поставленного вопроса и дать неправильный ответ (на что нередко ссылаются на повторных допросах). Иногда само поведение допрашиваемого наводит на мысль, что в последующем он может отказаться от своих показаний и заявить, что неправильно понял вопрос и из-за этого дал такой ответ. В приведенной ситуации, – рекомендует А. П. Рыжаков, – целесообразно не только заносить в протокол каждый из вопросов и просить допрашиваемого подписывать каждый из его ответов, но и начинать фиксирование ответа словами: «Мне понятен смысл вопроса». Можно отдельно по каждому вопросу спрашивать: «Вам понятен смысл вопроса?» После ответа: «Да, понятен», просить поставить свою подпись¹.

С. А. Князев указывает на возможность возникновения в ходе допроса еще одной проблемы, влияющей на показания допрашиваемого: «одной из проблем коммуникации допрашивающего и допрашиваемого является проблема зависимости от формы и, более того, существа заданных вопросов. Эта зависимость выражается в явлении так называемой персеверации, т.е. вольном или невольном стремлении повторить в своем ответе слова, речевые конструкции и, в конечном итоге, содержание вопроса, что в итоге может привести к тому, что допрашивающий буквально «вложит в уста» допрашиваемого свои собственные слова»².

Следующее важнейшее свойство правильного мышления – его обоснованность – обеспечивается соблюдением закона достаточного основания, кото-

¹ Рыжаков, А. П. Уголовно-процессуальное доказывание... – С. 70.

² Князев, С. А. Мнимая состязательность / С. А. Князев // Российская юстиция. – 2006. – № 7. – С. 57.

рый гласит: всякая мысль признается истинной, если она имеет достаточное¹ основание. Этот закон был открыт и впервые сформулирован Г. Лейбницем, по его определению, «ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему дело обстоит так, а не иначе...»². Истинная мысль соответствует действительности, т.е. реальное положение дел таково, как оно отображается в мысли, поэтому истинная мысль имеет основание в реальности. А это означает, что мы можем найти и указать логические основания нашей мысли. Ложь нельзя обосновать, поскольку она противоречит реальности и имеющемуся у нас истинному знанию. Закон достаточного основания не допускает принятия чего-либо за истину без оснований, обязывающих к этому, делает наше мышление обоснованным и убедительным.

В законодательстве довольно широко распространено само понятие «достаточность». Причем на разных этапах уголовного процесса закон предусматривает разный уровень обоснованности выводов, лежащих в основе соответствующих решений, т. е. различна та совокупность доказательств, которая в каждом случае считается достаточной. Так, основанием возбуждения уголовного дела является наличие *достаточных* данных, указывающих лишь на признаки преступления и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (ст. 140 УПК РФ). Для привлечения лица в качестве обвиняемого *достаточны* доказательства, совокупность которых указывает на совершение лицом преступления (ст. 171 УПК РФ). Составление же обвинительного заключения по делу возможно лишь при условии, что выполнены все необходимые следственные действия по делу, нет оснований для приостановления или прекращения дела и собранные доказательства *достаточны* для формулирова-

¹ По мнению Г. Гегеля, «что основание достаточно – добавлять это, собственно говоря, совершенно излишне, ибо это разумеется само собой; то, для чего основание было бы недостаточным, не имело бы никакого основания, а между тем ведь все должно иметь свое основание». (Гегель, Г. В. Ф. Указ. соч. – С. 491.).

² Цит. по: Иванов, Е. А. Логика... - С.282.

ния окончательного на данном этапе тезиса о совершении обвиняемым преступления (ст. 215 УПК РФ).

Ст. 302 УПК РФ требует подтверждения виновности лица в совершении преступления *достаточной* совокупностью согласующихся между собой достоверных доказательств, имеющих отношение к делу. В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства виновность лица только устанавливается, но не признается. Подсудимый признается виновным только по приговору суда (ст. 49 Конституции РФ). Если обвинение не основывается на бесспорных доказательствах, вызывает неустранимые сомнения, подсудимый не может быть признан виновным, так как вывод о вине в этом случае носит только предположительный характер, а признание лица виновным на основе предположительного вывода недопустимо.

Проведенный анализ опубликованной судебной практики показывает, что нередко отмена приговора, вынесенного судом первой инстанции, возникает в результате принятия судом решения, являющегося необоснованным, не вытекающим из материалов дела.

Судом первой инстанции установлено, что, имея сговор на совершение открытого хищения имущества Ковалева с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, Бердников, Баранов, Ерохин и Котов 2.02.2004 г. прибыли в поселок, где в то время находился Ковалев, и спрятались за хозяйственной пристройкой. Дождавшись, когда Ковалев вошел в гараж, Бердников вошел за ним и совершил разбойное нападение на Ковалева и Азарову, а также убийство Ковалева. В момент, когда Бердников входил в гараж, Баранов, Ерохин и Котов, посчитав, что их заметили, убежали, и, как указано в приговоре «возложили» на Бердникова исполнение запланированного грабежа и дожидались его возле автомобиля, на котором приехали.

В определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ указано, что в действиях Баранова, Ерохина и Котова отсутствует состав преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2. ст. 161 УК РФ. В их действиях имеется добровольный отказ от совершения преступления, которое они прекра-

тили на стадии приготовления к нему. Мотивы отказа для юридической оценки их действий значения не имеют. Вывод суда о возложении Барановым, Ерохиным и Котовым исполнения запланированного преступления на Бердникова доказательствами не подтверждается и является предположением

На этом основании Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6.04.2006 г. отменила приговор Ленинградского областного суда в части осуждения Баранова, Ерохина и Котова по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2. ст. 161 УК РФ по следующим основаниям¹.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве закон достаточного основания имеет принципиальное значение, поскольку непосредственно связан с обоснованностью ответственности.

Закон достаточного основания требует доказывать или хотя бы в какой-то мере обосновывать выдвигаемые утверждения, не принимая ничего на веру. Закон относит к недопустимым доказательствам сведения, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности, а так же показания свидетеля, потерпевшего, если они основаны на догадках, предположениях, слухах (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Отнесение этих доказательств к недопустимым продиктовано тем, что любые сведения, которые сообщают потерпевший или свидетель, должны иметь под собой какое-либо обоснование, подлежащее проверке. «Слухи», «догадки», «домыслы» этим требованиям не отвечают². Более того, в процессуальной деятельности наличие оснований, аргументов, доводов, подтверждающих и позволяющих проверить правильность полученных знаний и выводов, является решающим требованием, предписывающим, если и не приводить все аргументы в пользу чего-либо, то, хотя бы, иметь

¹ Бюллетень Верховного Суда. – 2006. – № 11. – С. 26; См. также: Бюллетень Верховного Суда. – 2007. – № 2. – С. 24; Бюллетень Верховного Суда. – 2007. – № 4. – С. 27–29; Бюллетень Верховного Суда. – 2006. – № 2. – С. 25–27; Бюллетень Верховного Суда. – 2005. – № 1. – С. 20; Бюллетень Верховного Суда. – 2004. – № 7. – С. 19; Бюллетень Верховного Суда. – 2003. – № 12. – С. 16; Бюллетень Верховного Суда. – 2002. – № 10. – С. 11; Бюллетень Верховного Суда. – 2002. – № 6. – С. 11; Бюллетень Верховного Суда. – 2001. – № 3. – С. 15 и др.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. – М.: Юрист, 2004. – С. 233.

их в виду. Проверимость – обязательная черта знаний, используемых в уголовном судопроизводстве¹.

Закон достаточного основания должен соблюдаться на всех этапах уголовно-процессуального доказывания, поскольку ссылка на недостоверные данные на любом этапе может привести в конечном итоге к неверному результату, следственной и судебной ошибке.

В процессе познания по уголовному делу логические законы используются во взаимосвязи и системном единстве. Так, в соответствии с законом непротиворечия и законом исключенного третьего, одно из основных требований, предъявляемых к следственной версии (версии в судебном процессе), состоит в том, чтобы при анализе совокупности данных, на основе которых она построена, эти данные не противоречили друг другу и выдвинутой версии в целом². Подтверждение версии происходит путем обращения к установленным данным, к ранее накопленному знанию, путем производства процессуальных действий и т. д., в результате чего происходит формирование достаточной совокупности доказательств, подтверждающих выдвинутую версию. В конечном счете, именно достаточность доказательств позволяет опровергнуть все другие версии о событии, виновности и т. д.

П. А. Лупинская верно отмечает условия, выработанные в судебной практике, при которых обвинение не может быть признано доказанным (в скобках мною отмечены нарушения логических законов – С. К.):

- обвинение не может считаться доказанным, если основано на недостаточно исследованных и противоречивых данных (нарушение закона достаточного основания, закона исключенного третьего);

¹ Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей... – С. 49.

² См., например: Ларин, А. М. От следственной версии к истине / А. М. Ларин. – М.: Юрид.лит., 1976; Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практическое пособие / А. М. Ларин. М.: БЕК, 1996. – С. 46–63; Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей. – С. 150–159; Пешак, Я. Следственные версии: Криминалистическое исследование / Я. Пешак: пер. со словацкого А. М. Ларина; под ред. А. Р. Ратинова. – М.: Прогресс, 1976 и др.

- версия обвинения не может быть признана обоснованной при наличии противоположной версии, подкрепленной неопровергнутыми доказательствами (нарушение закона достаточного основания и закона непротиворечия);

- обвинение не может считаться доказанным, если оно основано на доказательствах, находящихся в противоречии с другими доказательствами¹ (нарушение закона достаточного основания и закона исключенного третьего).

Логику интересует не то, как мыслит человек, а то, как он должен мыслить, поэтому логические законы носят предписывающий характер², выступают в качестве методологического средства, дают общее направление познанию. Конкретизация же этого направления осуществляется путем применения методов конкретных, в частности, правовых наук. Дж. Ст. Милль отмечал, что предписания логики не могут быть выкинуты из учения о процессе уголовном уже и потому практическому до обыденности соображению, что логика живет во всех исследованиях, которые могут быть предпринимаемы человеком³. На необходимость знания и соблюдения законов и правил логики неоднократно указывалось в юридической литературе⁴, а, по верному мнению Б. Т. Безлепкина, юрист, ведущий уголовное дело, должен знать законы логики лучше других⁵.

Незнание или игнорирование логических законов и правил негативно отражается как на процессе, так и на итогах следственной и судебной деятельно-

¹ Уголовный процесс... – С. 162.

² Войшвилло, Е. К. Логика как часть теории познания и научной методологии. Фундам. курс: Учебное пособие / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – М.: Наука, 1994. – С.18 – 19.

³ Милль, Дж. Ст. Система логики... – С. 224.

⁴ Анушат, Э. Указ. соч. – С.49 – 56.; Василенко, И. Указ. соч. – С. 943 – 958; Власенко, Н. А. Законодательная технология: (Теория. Опыт. Право.). Учебное пособие / Н. А. Власенко. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2001. – С. 96 – 99; Власенко, Н. А. Язык права... – С. 143 – 151; Литвинов, А. Н. Логика в следственной и экспертной деятельности: проблемы применения и оценки. Учебное пособие / А. Н. Литвинов, Н. Н. Тагаев, С. П. Лапта. – М.: ЮРК-НИГА, 2005. – С. 28 – 42; Lupinskaya, P. A. Логическая структура и правовые основы доказывания // Доказывание в советском уголовном процессе... – С. 26 – 48; Любушкина, В. П. Использование законов и правил логики при подготовке речи государственного обвинителя / В. П. Любушкина // Участие государственного обвинителя в прениях сторон: Учеб. пособие; Рук. авт. коллектива И. В. Литвинова. – Иркутск: Изд-во ИЮИ ГП РФ, 2003. – С. 32 – 46; Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 91 – 103.; Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 63 – 79; Эйсман, А. А. Логика доказывания / А. А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 5 – 8 и др.

⁵ Безлепкин, Б.Т. Указ.соч. – С. 285.

сти. Поэтому вызывает недоумение мнение Г. А. Печникова, утверждающего, что следование логическим законам ведет к получению лишь формальной истины, отождествлению достоверности с вероятностью. «Вероятность отождествляется с достоверностью, – пишет автор, – на основании закона исключенного третьего (доказательством способом от противного, т. е. логического приема). Поскольку, не найдя четких доказательств виновности обвиняемого, например, в хищении, следователь обязан отвергнуть «вероятность хищения», что логически служит доказательством виновности обвиняемого в халатности, т. е. в менее тяжком преступлении»¹.

Налицо невладение логическими правилами, поскольку суждения «обвиняемый виновен в хищении» и «обвиняемый виновен в халатности» являются не противоречащими, а противоположными суждениями, подчиняющимися закону непротиворечия, согласно которому опровержение первого суждения не ведет однозначно к подтверждению второго, поскольку обвиняемый может быть невиновен ни в хищении, ни в халатности. Противоречащими суждениями были бы суждения «обвиняемый виновен в хищении» и «обвиняемый не виновен в хищении» (также «обвиняемый либо виновен в халатности, либо не виновен в халатности»). Только по отношению к подобным суждениям действует закон исключенного третьего – подтверждение одного из суждений неизбежно опровергает второе и наоборот.

Иногда, – отмечает в этой связи логик Ю. В. Ивлев, – предполагают, что в познании не всегда необходимо исходить из принципов формальной логики, и, более того, утверждают, что следование принципам формальной логики в некоторых случаях приводит к негативным результатам. Такое мнение ошибочно. Оно базируется на поверхностном знании как формальной, так и диалектиче-

¹ Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе / Г. А. Печников // «Черные дыры» в Российском законодательстве». Юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 82.

ской логики¹. Поэтому выполнение логических законов и правил является значимым, независимым от реального положения вещей.

Установление же истинности суждений – задача не логики, обеспечивающей лишь правильность рассуждения, а практической деятельности, но, если исходные суждения верны и соблюдены логические правила, вывод будет необходимо истинным. Логическая правильность, как отмечал еще Г. Гегель, имеет прямое отношение не к объективной истинности, а к процессу доказательства и служит одним из его средств, но, в то же время, «если логика, как утверждают, лишена содержания, то это вина не предмета логики, а только способа его понимания»².

Помимо вышеизложенного, следует обратить внимание на оформление процессуальных документов. Как отмечают некоторые авторы, в уголовно-процессуальном законе не сформулированы общие требования, которым должен соответствовать любой процессуальный документ (закон содержит указание лишь на реквизиты)³. Однако все процессуальные документы должны отвечать определенным общим требованиям, поскольку они фиксируют следственные и судебные действия, совершаемые в предусмотренной законом процессуальной форме. Одним из них является требование логичности, относящееся к содержанию документа, которое должно быть последовательным, не допускающим противоречий и не вытекающих из текста выводов. Четкость текста и однозначность суждений должны обеспечивать единообразное понимание смысла документа, но в то же время недопустимо использование однозначных суждений по вопросам, в которых на данном этапе познания отсутствует ясность. Как отмечает А. С. Ахманов, «положения, не признанные ни действительно истинными, ни действительно ложными, должны рассматриваться, если

¹ Ивлев, Ю. В. Место логики в методологии научного познания / Ю. В. Ивлев // Методология развития научного знания / Под ред. А. А. Старченко, Д. Шульце. – М.: Изд. МГУ, 1982. – С. 33.

² Гегель, Г. В. Ф. Указ. соч. – С. 158, 29.

³ Данилова, С. И. Уголовное дело № 095. История одного преступления в документах. Учебно-практическое пособие / С. И. Данилова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 5; Шугрина, Е. С. Техника юридического письма: Учеб.-практ. пособие. – 3-е изд. / Е. С. Шугрина. – М.: Изд-во «Дело», 2001. – С. 65 – 68

они ничему истинному не противоречат, только как возможно истинные и как возможно ложные с тем, что, если для них имеются какие-либо недостаточные основания, они могут по степени вероятности соответствия их действительности приниматься в состав знания в качестве догадок, гипотез, предварительных обобщений и т. д., подлежащих дальнейшей проверке. Если же они не имеют никаких оснований, то вообще исключаются из состава знания¹. В процессуальных документах также нежелательно использование омонимов и личных местоимений, поскольку могут возникнуть разночтения.

В любом случае, знание законов и приемов логики позволяет повысить качество юридического документа, эффективность его использования. «Именно знание законов и форм мышления, – справедливо отмечает П. А. Лупинская, – помогает следователю и судье в убедительном обосновании своих выводов по делу, четком и непротиворечивом формулировании следственных и судебных документов»².

Таким образом, процесс доказывания по уголовному делу, являясь познавательной деятельностью, имеющей отличные от других видов познания содержание и специфику (ряд законодательных ограничений, касающихся методов, субъектов, формы и сроков уголовно-процессуального познания³), подчиняется общим гносеологическим закономерностям, в том числе и законам формальной логики. Соблюдение в процессе вывода логических законов является необходимым условием уголовно-процессуального познания, поскольку этим обеспечивается правильность мышления.

Значение логической правильности мышления состоит в том, что она является необходимым условием гарантированного получения истинных результатов в решении задач, возникающих в процессе познания, что в области применения права имеет особую значимость. По справедливому утверждению

¹ Ахманов, А. С. Указ. соч. – С. 95.

² Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе: Учебное пособие / П. А. Лупинская. – М.: ВЮЗИ, 1966. – С. 28.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – С. 273.

В. Н. Кудрявцева, «нет никакой другой области общественной жизни, где нарушение законов логики, построение неправильных умозаключений, приведение ложных аргументов могут причинить столь существенный вред, как в области права»¹.

Неточное оформление юридического документа, неверная оценка собранных доказательств, неправильное установление на их основе действительной картины происшедшего могут произойти как вследствие нарушения процессуальных правил, так и вследствие несоблюдения законов и правил формальной логики, поэтому одинаково недопустимы в процессе доказывания по уголовному делу нарушения как правовых предписаний, так и логических законов, а не устраненные ошибки в процессе доказывания могут повлечь тяжкие последствия – осуждение невиновного или безнаказанность виновного. Нарушение законов логики причиняет в области применения права более существенный вред, чем в других областях общественной жизни. Поэтому от того, насколько квалифицированно проведено доказывание, зависит законность, обоснованность и справедливость приговора.

Выводы:

1. Процесс доказывания по уголовному делу, являясь познавательной деятельностью, имеющей отличные от других видов познания содержание и специфику, подчиняется общим гносеологическим закономерностям, в том числе и законам формальной логики. Соблюдение логических законов является необходимым условием уголовно-процессуального познания, поскольку этим обеспечивается правильность выводов в процессе уголовно-процессуального доказывания.

2. Нарушение законов логики в области применения права приводит к ошибкам, причиняющим более существенный вред, чем в других областях общественной жизни, поэтому одинаково недопустимы в процессе доказывания

¹ Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений /В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 48–49.

по уголовному делу нарушения как правовых предписаний, так и логических законов.

3. Ст. 302 УПК РФ требует подтверждения виновности лица в совершении преступления достаточной совокупностью согласующихся между собой достоверных доказательств, поэтому в уголовном судопроизводстве закон достаточного основания имеет принципиальное значение, поскольку непосредственно связан с обоснованностью ответственности.

ГЛАВА 3. ЛОГИКА ДОКАЗЫВАНИЯ

3. 1. Логическая и правовая природа и значение презумпций, используемых в уголовно-процессуальном доказывании

Вопрос о презумпциях рассматривался в юридической литературе как самостоятельно, так и в комплексе проблем теории доказательственного права¹, высказывались различные мнения по поводу того, допустимы ли вообще предположения в судебном процессе², а также о роли презумпций в процессе доказывания³.

Презумпция (от латинского *praesumptio* – предположение) – это общее правило, на основании которого заранее постулируется (презюмируется) какой-то факт⁴. Первоначально у древних римлян понятие «презумпция» («*praesumptio*», «*praesumere*») означало нечто вперед взять или принять. В широком смысле оно значило: верить, думать, полагать, держаться чего-либо без доказательства, предвидеть, догадываться. «*Praesumere*» употреблялось у римлян также в значениях: преждевременно употреблять, наперед желать, предвидеть, решиться на что-либо. На языке составителей Юстинианова свода «*praesumere*»

¹ Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве: Учеб. пособие. Горький, 1974; Белкин, А. Р. Теория доказывания. – С. 294 – 298; Васильев, Л. Ф. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве. Тексты лекций / Л. М. Васильев. – Кубанский гос. ун-т, 1977; Каминская, В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе... – С. 95 – 98; Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе... – С. 55; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 342 – 366 и др.

² М. С. Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – С. 172; В. С. Тадевосян, критикуя М. С. Строговича, считал, «что нет надобности... в каких либо предвзятых предположениях, презумпциях». (Тадевосян, В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе / В. С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 70 – 71.) В. Д. Арсеньев, признавая презумпции в гражданском процессе, отрицал их в уголовном процессе, поскольку все факты уголовного дела должны быть доказаны. (Арсеньев, В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию... – С. 99 – 100.)

³ По мнению А. К. Фетисова, главное назначение презумпций состоит в распределении бремени доказывания и наиболее рациональном построении судебного следствия. (Фетисов, А. К. Неопровержимые презумпции в праве России / А. К. Фетисов // Юрист. – 2005. – № 6. – С. 18); Ю. К. Орлов считает законные презумпции неизбежными «издержками доказывания», чем их меньше, тем лучше. (Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств... – С. 98.)

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 343.

часто значило «иметь дерзость, осмелиться, отважиться»¹. обобщенное значение этого понятия – «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное»².

С логической точки зрения презумпции относятся к суждениям популярной индукции, т. е. обобщению через простое перечисление. Более полно и точно индукцию через простое перечисление можно выразить так: индукция посредством перечисления частных случаев, подтверждающих обобщение, пока не встретится случай, противоречащий ему³. Объективным основанием для индуктивных умозаключений служит признание существования объективных закономерностей в природе.

Дж. Ст. Милль так писал о предположениях: «Мы вправе предполагать истинным то, что кажется нам таковым, пока не убедимся в противном»⁴. Принцип индукции, по его мнению, заключается в следующем: в природе существуют параллельные случаи, случившееся однажды повторяется при достаточном сходстве обстоятельств, и повторяется не раз, а так часто, как будут наступать те же самые обстоятельства. Мир, насколько он нам известен, устроен таким образом, что все, истинное в одном случае, истинно во всех случаях того же рода. Единственное затруднение состоит в определении, какого именно рода эти случаи»⁵. Презумпции верны для большинства случаев одного рода, поэтому мы можем предположить, что обычно наблюдаемая связь между обстоятельствами, весьма вероятно, присутствует и в данном конкретном случае.

Популярная индукция, служащая методом образования презумпций, – это одна из разновидностей неполной индукции. Неполнота выражается в том, что исследуются не все, а лишь некоторые частные случаи, а вывод делается обо

¹ Дормидонтов, Г. Ф. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций / Г. Ф. Дормидонтов. – Казань, 1895. – С. 23.

² Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Изд. 8-е, стереотип. / С. И. Ожегов. – М.: «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 573.

³ Рузавин, Г. И. Логика и основы аргументации. Учебник для вузов / Г. И. Рузавин. – М.: Проект, 2003. – С. 183.

⁴ Милль, Дж. Ст. Система логики... – С. 313.

⁵ Там же. – С. 356.

всех случаях. Повторяемость признаков во многих случаях действительно отражает всеобщие свойства явлений, поэтому построенные на ее основе обобщения выполняют важную функцию направляющих начал в практической деятельности людей. Но индуктивный переход от знания частных случаев к обобщению не может претендовать на логическую необходимость, поскольку повторяемость признаков может оказаться результатом простого совпадения, поэтому для популярной индукции характерно ослабленное логическое следование – истинные посылки обеспечивают получение не достоверного, а лишь правдоподобного или вероятного заключения.

Чисто перечислительное обобщение возникает уже на уровне приспособительных реакций животных, когда повторяющийся раздражитель подкрепляет условный рефлекс. На уровне же человеческого сознания устойчивая повторяемость признаков у однородных явлений не просто порождает психологическое чувство ожидания, а наводит на мысль (в буквальном переводе с латинского «*inductio*» означает «наведение») о том, что повторяемость – результат не случайного стечения обстоятельств, а проявление каких-то невыявленных зависимостей. На этой основе возникают обобщения, которые используются для объяснения наступивших и предсказания будущих событий и явлений. В связи с этим, вызывает возражение мнение В. И. Каминской, считавшей что «процесс образования житейских презумпций происходит вне контроля человеческого сознания»¹. Использование презумпций в процессе рассуждения, действительно, часто происходит подсознательно, так, И. Я. Фойницкий отмечал, что большая посылка (презумпция) «состоит в обыкновенном, постоянно повторяющемся положении, благодаря чему и само умозаключение делается вполне бессознательным для доказывающего»². Но сам процесс образования обобщенного знания невозможен без рассудочной деятельности. Отмечая повторяемость определенных признаков у однотипных предметов, типичное поведение людей в сходных ситуациях, человек стремится найти им рациональное объяснение,

¹ Каминская, В. И. Указ. соч. – С. 45.

² Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 199.

лишь после этого использует полученные обобщения в практике мышления, говоря словами Г. Муромцева, «презумпцию создает рассудок»¹.

Индуктивное обобщение – один из древнейших способов рассуждения, который часто используется в повседневной жизни. Сфера обыденного познания многообразна и включает здравый смысл, индуктивные обобщения наличного опыта, закрепляемые в традициях, преданиях и т. д. Любая наука, утверждал Э. Гуссерль, опирается на «круг уверенностей, к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые в человеческой жизни до всех потребностей научного обоснования приняты в качестве безусловно значимых и практически апробированных»².

В данном утверждении следует подчеркнуть именно «практическую апробированность» или, другими словами, проверку опытом, эмпирическим путем. Поэтому обоснованность презумпции зависит от обоснованности того эмпирического закона, из которого они выведены. М. С. Строгович указывал, что «эмпирический закон – это «установленная опытным путем постоянная связь явлений, причины которой нам неизвестны или известны не в полной мере», поэтому «эмпирический закон всегда будет иметь приблизительный, вероятный характер»³. Значит, предположение вообще есть вероятное заключение о неизвестном факте, выведенное из общеизвестного на основании опыта, а презумпция – это предположение, основанное на вероятности.

Представляется не совсем верным определение фактических презумпций, данное Л. М. Васильевым, по мнению которого, «фактические презумпции в уголовном судопроизводстве – это выработанные общественно-исторической практикой человечества истинные и достоверные знания о развитии природы, общества и мышления, сознательно используемые следователем и судьей в форме дедуктивного движения мысли для исследования обстоятельств, необхо-

¹ Цит. по: Дормидонтов, Г. Ф. Указ. соч. – С. 28.

² Цит. по: Ильин, В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 70.

³ Строгович, М. С. Логика... – С. 192.

димых для осуществления правосудия по уголовным делам»¹. Поскольку презумпция – это предположение, а предположение, в свою очередь, означает догадку, предварительную мысль², то речь не может идти об истинности закрепленного в ней знания и, тем более, о его достоверности. Существенный признак презумпций подчеркивал еще в 1854 году Д. И. Мейер: «признание факта существующим *по вероятности*, что он существует, называется предположением»³. Презумпции закрепляют вероятное знание, допускающее опровержение, и даже высокая степень вероятности этого знания не дает основания признавать его достоверным.

Несмотря на то, что процесс образования презумпций происходит индуктивным путем, между презумпциями и индуктивными обобщениями имеется существенное различие. Так, в процессе индуктивного обобщения ход мысли можно выразить так: «Насколько нам известно, исключений из данного положения не встречалось, следовательно, оно может иметь общее значение». Обоснованием общего вывода служит незнание противоречащих случаев⁴. При этом обнаружение хотя бы одного случая, противоречащего обобщению, делает индуктивный вывод несостоятельным. Использование же презумпций, закрепляющих обобщение жизненной практики, предполагает заранее известные случаи, противоречащие этому обобщению, которые могут опровергнуть презумпцию, но понятие «опровержение презумпции» следует понимать в том смысле, что опровергается ее применимость не вообще, а к данному конкретному случаю. Значит, презумпция, в отличие от популярной индукции, не только допускает опровержение, но и не существует без него. Вывод же о том, соответствует

¹ Васильев, Л. М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве. Тексты лекций / Л. М. Васильев. – Кубан. гос. ун-т, 1977. – С.22–23; О. В. Левченко, также считает, что «знания, отраженные в презумпции, научно обоснованы, истинные и достоверные». Левченко, О.В. Уголовно-процессуальное доказывание: Сущность, средства доказывания, предмет и пределы: Автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Левченко. – Ижевск, 2001. – С. 5.

² Ожегов, С. И. Указ. соч. – С. 571.

³ Мейер, Д. И. Указ. соч. – С. 44.

⁴ Михалкин, Н. В. Логика и аргументация в судебной практике: Учебник для вузов / Н. В. Михалкин. – СПб.: Питер, 2004. – С. 126.

ли презюмируемый факт конкретным обстоятельствам в каждом отдельном случае делает субъект познания.

Еще со времени римского права презумпции делились на три категории: общечеловеческие (фактические), законные, законные неопровержимые презумпции¹. Традиционно презумпции, применяемые в доказывании, правомерно подразделяют на два вида: фактические и правовые (юридические, легальные, законные)²; последние, в свою очередь, подразделяют на опровержимые и неопровержимые³. Еще одним основанием для деления юридических презумпций является их применение в процессуальных или материальных правоотношениях, что представляется сомнительным, поскольку презумпции значимы, главным образом, для осуществления процесса доказывания. Ряд авторов также отмечает условность такого деления: «... любая презумпция «прорастает» процессуальными последствиями – избавлением стороны от бремени доказывания, возложением его на других лиц»⁴.

Фактические презумпции составляют предположения, которые субъект доказывания делает по своему внутреннему убеждению, выводя из одних фактов заключение о существовании других фактов в соответствии с обстоятельствами дела. Г. Ф. Дормидонтов в этой связи писал, «если известному мнению о факте по господствующему представлению мыслящих людей, по соображениям общей логики, по данным людского опыта и навыка, отдается обыкновенно всеми предпочтение, то это будет предположение общечеловеческое. Такое предположение по существу не имеет принудительного характера для отдельного лица, которому в данном конкретном случае предстоит самому сделать выбор. Однако оно не может, конечно, остаться без влияния на этот выбор»⁵.

¹ Штейнберг, А. Предположения как доказательства в гражданском процессе / А. Штейнберг // Советская юстиция. – 1940. – № 13 – С. 11.

² Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М.: Норма, 2007. – С. 393; Смирнов, А. В. Уголовный процесс ... – С. 231; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 344.

³ Строго говоря, презумпции, как предположения вероятные, всегда могут быть опровергнуты.

⁴ Смирнов, А. В. Уголовный процесс... – С. 226.

⁵ Дормидонтов, Г. Ф. Указ соч. – С. 25.

Использование фактических презумпций в процессе доказывания является оправданным, поскольку, как справедливо отмечал П. В. Копнин, при доказывании, мы одно суждение выводим из других, но последние, в свою очередь, также требуют доказательства, т. е. их надо выводить из других суждений, которые тоже требуют доказательства, и т. д. В поисках основ для доказательства суждений можно прийти к дурной бесконечности¹. Поэтому при обосновании выводов неизбежно используются общие положения, истинность которых представляется очевидной.

В. К. Бабаев в этой связи писал: «жизненные процессы протекают так, что подчас очевидны лишь одни обстоятельства, существование же других приходится предполагать. Основой предположения в таком случае является связь факта наличного с фактом предполагаемым»². Фактические презумпции в большинстве случаев выражают действительно существующее положение вещей, не зависящее от субъекта, поэтому являются объективными по своему содержанию, хотя и не исключают своего опровержения. Д. Мейер, приводит следующее высказывание французского юриста Дома (1753 год) о *praesumptiones hominis*: «все, что случается естественно и обыкновенно предполагается истинным, и напротив, необыкновенное и неестественное, не будучи доказано, не считается истинным. На этом основано предположение, что отец любит своих детей, что каждый заботится о своих детях... что люди действуют согласно правилам своим и привычкам, что каждый поступает по указаниям рассудка... Никогда затем не следует предполагать, т. е. допускать бездоказательно, что отец ненавидит своих детей, что человек пренебрегает своими интересами, что рассудительный человек совершил действие, недостойное его обычного поведения...»¹.

Фактические презумпции основаны на обобщении многовекового опыта предшествующих поколений, поэтому закрепленное в них знание является в высокой степени вероятным, т. е. вероятность истинности такого знания боль-

¹ Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки... – С.160.

² Бабаев, В. К. Указ. соч. – С. 8.

ше вероятности его ложности. Именно этим обосновывается возможность и оправданность использования презюмируемых фактов в процессе доказывания по уголовному делу. Существенным признаком фактических презумпций, таким образом, является их высокая вероятность.

Законным презумпциям (юридическим предположениям²) в юридической литературе давались различные определения. По справедливому мнению В. И. Каминской, обобщения общественной практики, будучи положенными в основу юридических норм, приобретают правовой характер и с момента обращения их законодателем в правовые нормы по своему значению становятся правовыми презумпциями³.

По определению указанного автора, под правовой презумпцией понимается такое «положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим, в силу этого, специальных доказательств»⁴. В данном определении верно отмечено, что правовые презумпции относятся именно к явлениям «в области отношений, возникающим из человеческого поведения», а в этой области, как ни в какой другой, невозможно установить какие-либо закономерности, поскольку общество тем и отличается от природы, что в нем действуют люди, наделенные сознанием и волей, и ничего подобного нет в природе, где действуют бессознательные силы. Дж. Ст. Милль в этой связи отмечал, что факторы, определяющие человеческое поведение, настолько многочисленны и разно-

¹ Мейер, Д. Указ. соч. – С.52 – 53.

² Обычно под юридическими предположениями понимается вывод о высокой степени вероятности существования искомого обстоятельства при наличии других, связанных с ним. (Тарбагаева, Е. В. Юридические предположения в правоприменении по гражданским делам / Е. В. Тарбагаева // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права: Сб. научн. статей / Под ред. В. А. Носова. – С. 139–140; Левенталь, Я. Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе / Я. Б. Левенталь // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 54.).

³ Каминская, В. И. Указ. соч. – С. 35.

⁴ Там же. – С. 3.

образны (ничего в жизни человека не проходит без влияния на него), что они не бывают вполне сходны даже у двух индивидов¹.

А. Ф. Клейнман предположения, используемые в сфере действия права, называл юридическими доказательственными презумпциями. Автор справедливо отмечал, что «предположение имеет значение постольку, поскольку закон устанавливает в связи с наличием определенного факта предположение о существовании другого факта. Такая презумпция называется юридической потому, что она установлена нормой права, потому что с ней связаны правовые последствия. Она называется доказательственной презумпцией, так как освобождает сторону от обязанности доказывать презюмируемый факт»².

Я. Л. Штутин определяет презумпцию (законное предположение) как «логический прием, с помощью которого можно вывести существование (несуществование) неизвестного искомого факта из другого достоверно известного факта, если неизвестный искомый факт по предположению, основанному на обобщениях практики, является прямой причиной (следствием) достоверно известного факта и не опровергнут в ходе судебного разбирательства»³.

Данное определение, на мой взгляд, содержит неточность, заключающуюся в том, что «предположение, основанное на обобщении практики», во-первых, не может быть достоверным, и, во-вторых, может являться только наиболее вероятной причиной известного факта, но никак не «прямой», поскольку причина – это явление, порождающее другое явление, и обязательными свойствами причинной связи, кроме последовательности во времени, являются всеобщность, необходимость и однозначность. Использование причинной связи (именно от причины к следствию, но не наоборот) ведет к однозначному, достоверному выводу, имеет принудительный характер, тем самым, исключая предположение.

¹ Миль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. – С. 771.

² Советский гражданский процесс / Под. Ред. А. Ф. Клейнмана. – М., 1964. – С. 145.

³ Штутин, Я. Л. Предмет доказывания в гражданском процессе / Я. Л. Штутин. – М.: Юрид. лит., 1951. – С. 94.

Думается, что более точным является следующее определение: Презумпция – это «общее правило, отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, событиями, явлениями, состояниями, свойствами. Применение презумпций состоит в том, что при наличии (установлении) одного из фактов, связь которых выражена презумпцией, делается вывод о существовании другого факта; последний, таким образом, выводится из презумпции (презюмируется)»¹.

А. К. Тихонов и Н. А. Громов, определяя правовую презумпцию как «закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного (опровержение презумпции) или запрещающее их опровержение (неопровержимая презумпция)», правильно указывают на условие ее применения – «лишь при достоверном установлении факта (принятия акта), с которым закон связывает действие презумпции»¹.

Если процесс образования презюмированного (общее правило) знания связан с индуктивным умозаключением, то применение этого знания в процессе доказывания происходит в форме дедуктивного умозаключения. Например, презумпция вменяемости совершеннолетнего лица освобождает от необходимости доказывать факт вменяемости, так как он выводится из другого доказанного факта – совершеннолетия лица:

Лицо, достигшее совершеннолетия, способно понимать значение своих поступков и руководить ими.

Н достиг совершеннолетия.

Н способен понимать значение своих поступков и руководить ими.

Поскольку в большей посылке использовалось вероятное суждение, вывод также носит вероятный характер, но принимается за истину, пока не доказано иное.

Презумпции являются логической основой юридических норм. В. К. Бабаевым дано описание механизма действия правовых презумпций: любая пра-

¹ Теория судебных доказательств... – С. 343.

вовая норма реализуется лишь при наличии (отсутствии) юридических фактов, предусмотренных в ее гипотезе. Если в основу нормы положена презумпция, то в гипотезе нормы получают закрепление факты – основания презумпции. Эти факты – основания презумпции являются в то же время и условиями, при которых действует правовая норма. Не подтвердилось наличие условий для реализации правовой нормы, опровергнута, следовательно, и обосновывающая норму презумпция; действует презумпция – налицо условия, необходимые для реализации юридической нормы². Так, например, логическим основанием ст. 119 УК РФ является предположение, что человек, угрожающий убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, может осуществить свое намерение. Установлением того, что угроза не носила реального характера, опровергается наличие условий для применения указанного предположения.

Предположительный характер обобщения, лежащего в основе нормы, преодолевается в каждом конкретном случае либо путем опровержения (норма права в данном случае не действует), либо путем подтверждения (норма права действует, но предположение приобретает достоверный характер)³.

Законные презумпции можно определить как предположения, санкционированные нормами права, поэтому обязательные для суда, пока они не опровергнуты надлежащими доказательствами. Практическое значение такого предположения, – справедливо указывал Д. Мейер, – главным образом заключается в том, что факт предполагаемый не нуждается в доказательстве, что потому кем следует должно быть доказано несуществование факта, чтобы устранить юридические последствия, связанные с предполагаемым фактом¹.

Логический прием индуктивного обобщения, свойственный любой познавательной деятельности, в сфере действия права вызывает правовые, а не просто познавательные, как в других областях знания, последствия. Презумпции представляют собой основания для освобождения сторон от доказывания,

¹ Тихонов, А. К. Презумпция истинности судебного приговора / А. К. Тихонов, Н. А. Громов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 320.

² Бабаев, В. К. Указ. соч. – С. 67.

³ Там же.

поскольку, опираясь на эмпирические законы, можно при наличии одних обстоятельств допускать наличие других, не опровергнутых путем доказательства противного. Следовательно, законные презумпции кроме логического значения, основанного на эмпирическом обобщении взаимосвязи явлений, побуждающем искать наиболее вероятную причину или следствие известного обстоятельства, имеют и правовое значение, заключающееся в способности законных презумпций служить приемом обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела, оказывать влияние на его разрешение.

Если, как было отмечено ранее, для фактических презумпций характерна высокая вероятность закрепленного в них знания, то для законных презумпций этот признак не является необходимым. Действительно, нельзя утверждать, что презумпция невиновности, например, основана на высокой степени вероятности невиновности обвиняемого², в большинстве случаев эта презумпция опровергается доказательствами того, что обвиняемые действительно совершили преступление. М. С. Строгович в этой связи писал: презумпция невиновности не является предположением в обычном смысле слова, а является регулятивным юридическим принципом, определяющим деятельность органов преследования, суда и право обвиняемого на защиту. Участники процесса могут предполагать что угодно, в том числе и виновность обвиняемого, но действовать они должны так, как требует презумпция невиновности, их выводы будут иметь силу только в том случае, если виновность обвиняемого будет опровергнута собранными по делу доказательствами, а виновность будет доказана с полной достоверностью и несомненностью³. Необходимость существования этой презумпции основана на том, что высшей ценностью для общества в целом и зако-

¹ Мейер, Д. О вымыслах и предположениях... – С.61.

² Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства... – С. 236–237.

³ В. И. Каминская также отмечала, что презумпция невиновности является «квазипрезумпцией, а не подлинным обобщением опыта, поскольку не подтверждается практикой по уголовным делам». (Каминская, В. И. Указ. соч. – С. 96.). По справедливому мнению В. А. Морквина, «презумпция невиновности выступает в роли объективного правового положения, а не субъективного мнения участников процесса: она закреплена в законе, ее применение в конкретном уголовном деле не может быть отменено каким-либо участником процесса».

нодателя, в частности, является человек, его права и свободы, незаконное и необоснованное ограничение которых недопустимо. Неслучайно, поэтому презумпция невиновности закрепляется в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства (ст. 14 УПК РФ).

По мнению Р. Гарро, презумпции «являются результатом отраженных знаний, повторяющихся наблюдений, из которых констатируется интеллектуальное наследие, передаваемое последующим поколениям через большие отрезки времени и пространства и, таким образом, в действии презумпций и построенных на них выводов достоверность основывается на коллективном, универсальном и традиционном опыте. Существует ряд естественных законов, необходимых закономерностей общественной жизни, социальных привычек: опыт их освящает, обычай принимает в силу их существования – если речь идет о законах естественных, в силу их необходимости или полезности – если речь идет о законах социальных»¹. Именно необходимость и полезность правовых презумпций (в частности, презумпции невиновности, которая является исходной в деятельности органов правосудия) для осуществления процесса доказывания и обуславливает их существование в праве.

Презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения относится к категории опровержимых презумпций, поскольку, как справедливо отмечают А. К. Тихонов и Н. А. Громов, «наличие у осужденного права на обжалование приговора – свидетельство того, что законодатель предусмотрел возможность несовпадения точек зрения осужденного и органов правосудия при решении вопроса о доказанности обвинения, виновности, мере наказания»¹.

При использовании преюдициально установленных обстоятельств по другому уголовному делу, представляется правильным мнение Я. О. Мотовиловкера, о неприемлемости презумпции, которая связывает судебское убеждение, навязывает суду, рассматривающему дело определенные вы-

(Морквин, В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: Автореф... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Морквин. – Екатеринбург, 2008. – С. 16).

¹ Цит. по: Каминская В. И. Указ. соч. – С. 7.

воды, в которых суд не убежден. Правосудие заинтересовано в стабильности и устойчивости судебных решений, но в то же время решения суда не считаются непоколебимыми, законодательство допускает возможность пересмотра вступивших в законную силу приговоров².

Некоторые авторы также справедливо считают, что «суд, в отличие от прокурора, следователя и дознавателя, принимает такие обстоятельства при рассмотрении другого уголовного дела без доказывания только в том случае, когда они представляются бесспорными и не вызывают у него сомнений. В противном случае суд обязан данное обстоятельство исследовать по существу и дать ему свою оценку, которая не может быть ничем ограничена, в том числе и вступившим в законную силу приговором суда по другому уголовному делу»³.

Неопровержимые презумпции, в свою очередь, – это предписанные законом предположения о существовании определенного факта, которые нельзя опровергать. По мнению А. В. Федотова, такие презумпции устанавливают «конвенциональную достоверность факта, который в подавляющем большинстве случаев существует, а редкие случаи его несуществования при указанных в презумпции условиях закон игнорирует в целях стабильности правопорядка»¹. К неопровержимым презумпциям относятся, например, презумпции, лежащие в основе запретов (гл. 9 УПК РФ). Так, например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, судья, прокурор, следователь, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу. Такой запрет безусловен и мотивирован тем, что родственная связь с любым лицом, участвующим в деле является основанием для сомнения в возможности применения при рассмотрении дела только профессиональных знаний и опыта. Не требует опровержения также презумпция знания закона, согласно которой

¹ Тихонов, А. К. Указ. соч. – С. 323; Громов, Н. Приговор обжалован. Ставит ли это под сомнение его истинность / Н. Громов // Юридический вестник. – 1998. – № 12. – С. 10–11.

² Мотовиловкер, Я. О. Указ. соч. – С. 177.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Отв. ред. Д. Н. Козак. – М.: Юристъ, 2003. – С. 224.

каждый гражданин предполагается знающим закон, если он обнародован в установленном порядке. При использовании другой презумпции – презумпции давности совершенного преступления в процессе доказывания достаточно использования лишь доказательства времени совершения преступления, чтобы исключить необходимость доказывания иных элементов предмета доказывания².

Значение неопровержимых презумпций заключается в том, что они оказывают влияние на предмет доказывания, сокращая его объем, при этом также сокращается и сам процесс доказывания.

Для законной презумпции, таким образом, характерно следующее:

- 1) она либо прямо санкционирована законом, либо вытекает из его смысла;
- 2) имеет значение для правового регулирования;
- 3) вызывает правовые последствия, если она является неопровержимой в силу закона или не опровергнута в процессе доказывания.

В. И. Каминская справедливо отмечала, что правовое различие между опровержимыми и неопровержимыми презумпциями чисто юридическое, произвольно вносимое законодателем, по содержанию же выраженных в нем суждений, по характеру их логической обоснованности, они всегда и при всех условиях остаются опровержимыми³.

Следует отметить, что неопровержимость некоторых презумпций, используемых в процессе доказывания по уголовному делу, является относительной. Так, одна и та же презумпция о достижении возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ) является опровержимой, если речь идет о совершеннолетнем обвиняемом, и неопровержимой, если речь идет о лице, не достигшем возраста уголовной ответственности⁴.

¹ Федотов, А. В. Понятие и классификация доказательственных презумпций / А. В. Федотов // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 54.

² Белкин, А. Р. Теория доказывания... – С. 295.

³ Каминская, В. И. Указ. соч. – С. 33.

⁴ А. К. Фетисов считает, что эта презумпция нуждается в корректировании в связи с процессом акселерации. (Фетисов, А. К. Указ. соч. – С. 18.).

Таким образом, значение использования презумпций в процессе уголовно-процессуального доказывания заключается в следующем:

- презумпции выступают способом, облегчающим достижения истины, так как, являясь продуктом многовековой практики, освобождают от необходимости их доказывать вновь;
- создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости;
- служат средством обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела;
- являются способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

Последнее положение требует уточнения. Поскольку возложение обязанности по доказыванию на обвиняемого противоречит назначению уголовного судопроизводства, охраняющего личность от незаконного и необоснованного обвинения, в данном случае понятие «доказывание» употребляется законодателем в смысле, близком к понятию логического доказательства, аргументации. В случаях, когда речь идет о бремени доказывания (т. е. распределении обязанностей по доказыванию), доказать – значит, соблюдая логические правила, обосновать выдвинутый тезис установленными фактами или доводами, вывести это положение на основании системы умозаключений.

Для фактических презумпций, как отмечалось, существенным признаком является высокая вероятность закрепленного в них знания, т. е. большее значение имеет логическая природа таких презумпций. Для правовых (законных) презумпций, в отличие от фактических, преобладающей является их правовая, а не логическая природа, т. е. прямая или опосредованная закрепленность в правовых нормах, порождающая правовые последствия. Вероятность истинности закрепленного в правовых презумпциях знания может быть меньше вероятности их ложности. Правовые презумпции служат единообразному правовому регулированию, стабильности правопорядка, защите прав граждан, помогают

установить рациональный и справедливый порядок доказывания обстоятельств уголовного дела¹.

Выводы:

1. Фактические презумпции правового значения не имеют, но могут учитываться при формировании внутреннего убеждения субъекта доказывания. Существенным признаком фактических презумпций является их высокая вероятность, т. е. большее значение в доказывании имеет логическая природа таких презумпций.

2. Для правовых (законных) презумпций, в отличие от фактических, преобладающей является их правовая, а не логическая природа, т.е. прямая или опосредованная закреплённость в правовых нормах, порождающая правовые последствия. Правовые презумпции служат приемом обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела, способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

3. Значение использования презумпций в процессе уголовно-процессуального доказывания заключается в следующем:

1) презумпции выступают способом, облегчающим достижения истины, так как, являясь продуктом многовековой практики, освобождают от необходимости их доказывать вновь;

2) создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости;

3) служат средством обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела;

4) являются способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 345.

3. 2. Достоверность и вероятность в уголовном процессе

Расследование уголовного дела представляет собой ретроспективное познание обстоятельств неизвестного события преступления по его следам. Объектом такого исследования является общественно опасное противоправное деяние, которое должно быть восстановлено и познано субъектами доказывания полно и всесторонне. Поскольку следствие и суд интересуют лишь те обстоятельства, события и поступки людей, которые оцениваются действующим уголовным правом как преступные, постольку исследованию подлежат только те факты, которые имеют значение для применения уголовно-правовой нормы. Определением понятия конкретного преступления является не перечисление всех признаков деяния, а только наиболее важных, существенных из них, которые характеризуют данное деяние как преступное и отличают его от других преступлений. Только закон является критерием существенности признаков конкретного деяния.

Главным в процессе познания по уголовному делу является достоверное установление наличия или отсутствия состава преступления¹, только в этом случае возможно справедливое наказание действительного преступника и оправдание действительно невиновного. Как справедливо отмечает А. С. Барабаш, «смысл уголовно-процессуальной деятельности не в том, чтобы, во что бы то ни стало, обвинить, а в том, чтобы познать и на основе познанного сформулировать свое отношение к совершенному и совершившему»². В ходе собирания и проверки доказательств субъект доказывания направляет свою деятельность не на обвинение или защиту, а на выяснение обстоятельств совершенного преступления.

¹ Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» верно указывают, что «состав преступления можно рассматривать как конъюнкцию – логически необходимую совокупность признаков понятия, отсутствие хотя бы одного из которых влечет те же последствия, что и отсутствие всей совокупности». (Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 175).

² Барабаш, А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса / А. С. Барабаш // Адвокатская практика. – 2006. – № 5. – С. 44.

Некоторые авторы, ссылаясь на то, что УПК РФ не упоминает об истине как цели доказывания, делают вывод, что «в уголовно-процессуальном доказывании не проводится различие между достоверностью и вероятностью. Соответственно, предел познания обстоятельств дела может быть только вероятностным. При этом вероятностный вывод должен быть юридически обоснован»¹.

Представляется, что такой вывод не может быть признан правильным, поскольку, согласно ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, в процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена достоверность каждого доказательства и их совокупности, лишь при таком условии собранные доказательства могут стать основанием законного и справедливого приговора.

В свое время А. С. Жиряев, предупреждая о логической и юридической несостоятельности принципа осуждения на основе правдоподобия, правильно указывал, что вероятное знание может влечь лишь вероятную или возможную, но никак не действительную санкцию. «Преступление, не вполне доказанное, — писал он, — и не существует юридически, вероятность же могла бы иметь своим последствием разве только вероятное же, но не действительное наказание подсудимого»². М. С. Строгович также отмечал, что как бы ни была высока вероятность какого-либо факта (например, виновность обвиняемого), пока это вероятность, всегда имеется вероятность обратного (т. е. невиновности); самая высокая степень вероятности оставляет возможность иного решения дела³. Я. О. Мотовиловкер указывал на недопустимость ограничения при вынесении обвинительного приговора требованием какой-либо, хотя бы и максимальной степени вероятности того, что подсудимый совершил преступление⁴.

¹ Пискун, О. А. Указ. соч. — С. 149.

² Жиряев, А. С. Теория улик / А. С. Жиряев. — Дерпт: Тип. Г. Лаакмана, 1855. — С. 121.

³ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. — Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — С. 328.

⁴ Мотовиловкер, Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе / Я. О. Мотовиловкер. — М., 1956. — С. 82.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о динамике взаимодействия и соотношения в процессе расследования по уголовному делу достоверного и вероятного знания. Исходя из того, что достоверность – это «истинность, в знании которой можно убедиться»¹, или, другими словами, достоверность – то же, что и доказанная истинность, речь идет также и о соотношении в процессе доказывания по уголовному делу знаний истинных и вероятных.

Освещая вопрос о соотношении достоверного и вероятного знания, Г. А. Геворкян отмечает, что «знание определяется как достоверное, когда (а) у нас имеется полное основание утверждать, что его истинность окончательно установлена, так как оно не нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве), и потому (б) у нас имеется полная субъективная уверенность, убежденность в нем... Знание вероятно, если (а) у нас имеется не полное, а только некоторое основание считать его истинным, так как оно нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве), и потому (б) оно вызывает у нас определенную уверенность, но мы готовы к тому, что эта уверенность не оправдается»².

В теории познания «вероятный» – в большей или меньшей степени претендующий на истинность, не имея на то достаточных оснований³. Значит, вероятность означает такое предположение, в пользу которого есть аргументы и доводы, располагающие к принятию или неприятию его за истину, но твердые основания для уверенности в его истинности отсутствуют, и поэтому оно нуждается в дополнительном логическом или практическом обосновании. Напротив, достоверным считается знание, когда есть основания утверждать, что истинность его установлена. Отсюда, вероятность и достоверность являются характеристиками знания, выражающими степень его обоснованности. По справедливому мнению А. В. Смирнова, достоверность и вероятность – категории

¹ Дулов, А. В. Указ. соч. – С. 117.

² Цит. по: Алексеев, П. В. Философия... – С. 243.

³ Краткая философская энциклопедия... – С. 65; Краткий философский словарь... – С. 48.

противоположные, но противоположные диалектически. Противоположности – не противоречия, они дополнения¹.

Таким образом, достоверное знание отличается от вероятного логическая или практическая обоснованность выражаемой в нем истины. Диалектика развития знания, отмечает В. В. Ильин, подчиняется закону трансформации вероятностных знаний в достоверные за счет выявления оснований их истинности². Формами удостоверения истины являются обоснование и доказательство, поэтому в процессе расследования уголовного дела посредством собирания, проверки и оценки доказательств вероятное знание об обстоятельствах преступления, о виновности или невиновности подозреваемого должно быть преобразовано в обоснованное этими доказательствами достоверное знание.

Расследование преступления начинается с рассмотрения той информации, которая попадает в распоряжение лица, ведущего производство по уголовному делу, и которой почти никогда не бывает достаточно для определенных, однозначных выводов, поэтому субъекту доказывания приходится принимать решения в условиях, для которых характерна та или иная степень неопределенности. Для данного этапа расследования характерно преобладание вероятных знаний над достоверными, при этом их вероятность обусловлена как объективными (отсутствие достаточных данных), так и субъективными (профессиональный опыт, запас знаний, умение его правильного применения в процессе познания) причинами, поэтому является неизбежной на данном этапе. Вся имеющаяся информация должна быть подвергнута тщательному изучению с целью выявления особенного в каждом факте, установления связей между отдельными фактами и каждого из них с событием преступления. Таким образом решается задача установления относимости полученной информации к событию преступления и выдвижение версий о путях наиболее эффективного поиска недостающих сведений, имеющих значение для дела.

¹ Смирнов, А. В. Принципы уголовного судопроизводства: Учеб. пособие / А. В. Смирнов. – СПб.: СПбГИ, 2002. – С. 23.

² Ильин, В. В. Указ. соч. – С. 61.

Как верно отмечено С. В. Курылевым, истина и вероятность – разные понятия, но они связаны между собой так же, как связан результат познания со средствами познания, способом познания¹. Поэтому первоначальные сведения, имеющиеся в распоряжении субъекта доказывания, являются средством, отправным пунктом, точкой отсчета для формирования верного представления об обстоятельствах совершенного преступления, т. е. получения достоверного знания. Как отмечал Дж. Ст. Милль, «так как мы можем переходить лишь от известного к неизвестному, то мы принуждены начинать с того конца, относительно которого мы наиболее осведомлены»². Вероятность является средством, а достоверность целью и результатом познания по уголовному делу.

Отношение вероятного знания к достоверному, с логической точки зрения, является отношением частичной совместимости, т. е. вероятное знание может быть истинным, но может и не быть им, при этом если первоначальная, вероятная информация верно отражает реальные факты и связи между ними, то в ходе ее сопоставления с информацией, получаемой в процессе проведения последующих следственных действий, неизбежно будет найдено ее подтверждение. Напротив, недостоверная информация, первоначально казавшаяся истинной, не может иметь объективных связей ни с фактами реальной действительности, ни с информацией, получаемой из других источников, поэтому при ее проверке обязательно обнаружится ее противоречивый характер и несоответствие имеющимся в деле данным. Если получаемое в процессе расследования преступления знание истинно, то и практическая деятельность следователя, основанная на таком знании, будет вписываться в закономерности объективного мира, не будет противоречить им, и, следовательно, обеспечит достижение ожидаемых результатов. «Для того чтобы вероятность привести в движение и достичь результата – достоверности в процессе доказывания, – верно отмечает Я. В. Жданова, – необходимо использовать законы логики, их осознание спо-

¹ Курылев, С. В. Установление истины в советском правосудии: Автореф. Дис. ...д-ра юрид. наук. / С. В. Курылев. – М., 1967. – С. 12.

² Милль, Дж. Ст. Система логики... – СПб, 1865. – С. 349.

способствует более правильному использованию законов, что исключает наступление ряда следственных ошибок»¹.

В. А. Серов, отмечая значимость вероятности в познании обстоятельств уголовного дела, считает, что роль последней нельзя усматривать только в том, что она указывает путь, направление исследования дела². Кроме ориентирующей функции, находящей свое выражение в построении следственных и судебных версий, в процессе проверки которых происходит либо их опровержение и формулирование новых версий, либо подтверждение и получение достоверного знания, вероятность, – по справедливому мнению автора, – выполняет также констатирующую и оценочную функции³.

Констатирующая функция вероятности обусловлена, во-первых, необходимостью в ряде случаев принятия решений при ограниченных данных. Например, решение о возбуждении уголовного дела принимается на основании информации, которую следователь оценивает, как позволяющую утверждать объективную вероятность совершенного преступления. И, во-вторых, указанием в законе на присутствие определенной вероятности в качестве основания для вынесения конкретного процессуального решения или производства следственного действия (например, основанием для избрания меры пресечения, согласно ст. 97 УПК РФ, является определенная вероятность поведения конкретного лица).

«Если констатирующая функция вероятности – в основном орудие действия, ориентирующая – действия и познания в их единстве, то оценочная функция, – правильно указывает В. А. Серов, – относится только к сфере познания и связана с установлением гносеологического значения доказательств. Данная функция в уголовном процессе обусловлена тем, что вероятность есть

¹ Жданова, Я. В. Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве / Я. В. Жданова. – Ижевск: Детектив-информ, 2004. – С. 16.

² М. С. Строгович считал, что «Значение вероятности ограничивается лишь тем, что она указывает путь, направление исследования дела». (Строгович, М. С. Учение о материальной истине... – С. 88).

³ Серов, А. В. Функции вероятности в уголовном процессе / В. А. Серов // Правоведение. – 1984. – № 2. – С. 88 – 89.

объективная категория, отражающая действительную связь между явлениями; эта связь может быть охарактеризована количественно, т. е. степень ее различна; в зависимости от нее находится ценность имеющихся данных для установления исследуемых обстоятельств»¹. Эта характеристика, в конечном итоге, влияет на формирование внутреннего убеждения субъекта доказывания в обоснованности окончательных выводов.

Вероятность истины, – правомерно отмечает Е. П. Гришина, – не отрицает возможности уверенности, убеждения в ней субъекта², значит, его деятельность должна быть направлена на то, чтобы обосновать эту уверенность доказательствами. При этом деятельность субъекта не должна походить на школьную подгонку решения под заранее известный ответ, поскольку лишь акты обоснованного объективно существующими данными знания могут и должны сопровождаться переживаниями субъективной уверенности в его достоверности.

Первоначальные предположения или гипотезы³, выдвигаемые субъектом доказывания, могут быть истинными, но только в том случае они станут достоверными, когда в процессе доказывания по уголовному делу им будет найдено подтверждение. По мнению А. А. Эйсмана, истинная мысль обычно является результатом глубокого всестороннего изучения фактов. Но бывает и так, что истина открывается интуитивно, по догадке⁴.

¹ Серов, А. В. Указ. соч. – С. 91.

² Гришина, Е. П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. П. Гришина. – М., 1996. – С. 62–63.

³ Представляется справедливым мнение Г. М. Резника, что «истина может существовать и в виде гипотезы». (Резник, Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств... – С. 63.). Данная точка зрения критиковалась Г. А. Печниковым, считавшим, что отрицание полного совпадения истинности и достоверности ведет к отождествлению истинности с вероятностью. (Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе / Г. А. Печников // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2003. – № 3 – С. 78). Но в позднее Г. А. Печников, также ссылаясь на Г. М. Резника, уже считает, что «нельзя не согласиться с суждениями, встречающимися в процессуальной литературе, что истина может существовать в виде гипотезы или версии». (Быков, В. М. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве / В. М. Быков, Г. А. Печников // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 48 – 49).

⁴ Эйсман, А. А. Некоторые вопросы оценки доказательств как количественной характеристики достоверности доказывания / А. А. Эйсман // Вопросы кибернетики права. – М.: Наука, 1967. – С. 169.

Действительно, в жизни часто складывается обстановка, когда от субъекта требуется немедленная реакция, он должен оценивать ситуацию, не дожидаясь получения и обработки максимально полной информации¹. Иногда такую информацию вообще невозможно получить. Субъект производит быструю оценку, не столько полагаясь на непосредственную конкретную информацию, идущую от практики, сколько на логику (т. е. на логический критерий²) и на свой опыт отношения к подобным ситуациям. В таких случаях важно руководствоваться не просто интуицией (она тоже помогает в решении вопроса³), сколько рациональными принципами, вбирающими в себя предыдущий опыт жизнедеятельности субъекта. Опыт и логика образуют необходимые предпосылки «неожиданного» знания, которое лишь кажется неожиданным, поскольку опирается на длительную работу мысли, которая большей частью остается подсознательной.

В повседневной жизни, – пишет в этой связи Г. И. Рузавин, – мы постоянно принимаем различные решения, часто не задумываясь над тем, почему некоторые из них оказываются удачными, а другие – нет. Опыт показывает, что в случае удачных решений все наше рассуждение опиралось на логику здравого смысла⁴. Не подлежит сомнению, что житейский опыт, интуиция и здравый смысл вполне достаточны для решения простейших задач практического характера, но для решения сложных задач, возникающих в процессе расследования по уголовному делу, всегда необходим тщательный, всесторонний анализ ис-

¹ Дж. Ст. Милль писал, что «представляющиеся нам в жизни случаи слишком сложны, а наши решения должны быть слишком быстры, чтобы можно было ждать, пока существование того или другого явления не будет доказано». (Милль, Дж. Ст. Система логики... – С. 475 – 476).

² Здесь имеется в виду его понимание как формально-логического критерия. Его сущность – «в логической последовательности мысли, в ее строгом следовании законам и правилам формальной логики, когда нет возможности непосредственно опираться на практику». (Алексеев, П. В. Философия... – С. 249 – 250).

³ О роли интуиции в доказывании по уголовному делу см., например: Ларин, А. М. От следственной версии к истине. – С. 97–100; Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей... – С. 159 – 167.

⁴ Рузавин, Г. И. Неопределенность, вероятность, прогноз / Г. И. Рузавин // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 70.

ходных данных¹. Интуиции бывает достаточно для усмотрения истины, но ее недостаточно, чтобы убедить в этой истине других и самого себя, для этого необходимо доказательство.

Сложность познавательных задач, возникающих в процессе расследования вовсе не означает, что из этого следует вывод о том, что первоначальная догадка ни в коем случае не может быть истинной, или предполагать, критикуя А. А. Эйсмана, что «догадка является способом познания истины и не требует изучения фактов»². Любое предположение или догадка, возникшие интуитивно, по наитию или в силу опыта и основательного профессионализма, для признания их истинными необходимо должны быть обоснованы доказательствами, найти свое подтверждение в материалах дела.

«Не следует, – по мнению математика Д. Пойа, – чрезмерно доверять ни любой догадке, ни обычным эвристическим допущениям, ни вашим собственным предположениям. Без доказательства верить, что ваша догадка справедлива, было бы глупо. Однако предпринять какую-то работу в надежде, что ваша догадка может оказаться справедливой, пожалуй, разумно»³.

Следует также отметить, что любое предположение всегда имеет свое основание в объективной реальности, опирается на уже имеющиеся достоверные данные. Как правильно отмечает Я. В. Жданова, хотя из одного вероятностного представления может вытекать ряд других, начальный источник их всегда достоверен, иначе мы имеем дело с чистой фантазией, основанной на придуманных сведениях. В каждом вероятном выводе есть элемент достоверности, поскольку вероятность означает недостаточно обоснованное знание и есть не что иное, как информация⁴. Вероятность всегда обоснована, в противном случае, ее

¹ А. Шопенгауэр отмечал, «пока наша цель еще далека, мы никогда не можем плыть прямо на нее, а направляем свой путь к ней лишь приблизительно и с помощью предположений, то есть часто вынуждены лавировать. Все, что в наших силах, – это постоянно согласовывать решения с реальными обстоятельствами». (Шопенгауэр, А. Указ. соч. – С. 301).

² Пискун, О. А.. Указ. соч. – С. 146.

³ Цит. по: Копнин, П. В. Диалектика как логика и теория познания... – С. 210.

⁴ Жданова, Я. В. Проблемы вероятного достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Я. В. Жданова, – Ижевск, 2004. – С. 117 – 118.

необходимо исключить из состава знания. Но какими бы не были внелогические пути, приведшие к пониманию, к верной догадке, «не формализованное до степени логической осмысляемости доказательство не может быть принято»¹.

Поскольку способом получения знаний об обстоятельствах дела является производство процессуальных действий, субъект доказывания принимает промежуточные решения, например, о проведении допроса, предъявления для опознания, обыска и т. д. на основании предварительных, вероятных знаний с целью получения недостающей информации, которая сможет подтвердить или опровергнуть первоначальные представления о расследуемом событии. Как отмечает П. А. Лупинская, деятельность следователя по собиранию доказательств, их проверка сопровождается и оценкой этих доказательств, выражающихся в суждении о достоверности полученных сведений, об их значении по делу, о достаточности данных для принятия тех или иных решений. В одних случаях оценка данных, которыми располагает следователь, может привести его к определенным выводам, которые, не отражаясь в документах, приводят к выдвижению той или иной версии по делу и влекут за собой производство следственных действий, направленных на ее проверку. Проверка следователем тех или иных доказательств в ходе следствия может привести его к суждению об их противоречивости, сомнительности и влечь за собой дополнительную проверку². Значит, предварительная проверка и оценка достоверности доказательств выступает в качестве промежуточного звена между тем, чем располагает субъект на данном этапе расследования и тем, что ему удастся установить путем собирания новых доказательств.

Процесс выдвижения следственных версий сопровождается фактической проверкой вытекающих из них следствий, лишь в случае подтверждения которых происходит накопление информации, позволяющей следователю составить внутреннее убеждение в ее достоверности. Таким образом происходит увеличение надежности выводов, сначала предположительных и правдоподоб-

¹ Нуждин, Г. Доказательство / Г. Нуждин // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 148.

² Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе... – С. 55.

ных, а затем – достоверных. Отдельно взятое доказательство может быть объяснено самыми различными обстоятельствами, в том числе, не связанными с событием преступления. Может возникнуть несколько предположений, которые достаточно хорошо согласуются с этим доказательством, но при этом несовместимы между собой. Разобщенными доказательствами также невозможно получить достоверного знания. Согласованность всех полученных в процессе расследования данных¹ – основной и важнейший критерий истинности представления субъекта доказывания обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности обстоятельств расследуемого преступления, при этом, если следователь имеет совокупность доказательств, достоверность каждого из которых еще не установлена, выводы из этой совокупности могут быть только вероятными. Установление же достоверности каждого из имеющихся доказательств способствует получению достоверного вывода. «Будучи многократно проверенными, сопоставленными с другими сведениями, наши знания приобретают характер достоверных, то есть настолько верных, что они перестают вызывать сомнения, что и делает правомерным их рассмотрение как фактов»². Достоверность, – по мнению А. В. Дулова и А. С. Рубиса, – «это такой уровень знаний об обстоятельствах дела, который отличается однозначностью, то есть позволяет сделать единственно правильный вывод»³.

Таким образом, результатом расследования по уголовному делу должно быть несомненно, достоверно доказанные обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Вывод о доказанности каждого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, к моменту составления обвинительного заключения должен быть не только подтвержден совокупностью собранных, проверенных и оцененных доказательств, но и обоснован ими. Совокупность доказательств,

¹ По верному утверждению М. П. Шаламова, «сила улик не в их числе, а в их единстве». (Шаламов, М. П. Указ. соч. – С. 90).

² Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 125–126.

³ Дулов, А. В. Указ.соч. – С. 114.

признанных достаточными, должна указывать на единственный вывод о наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и исключать все иные выводы.

Принять решение об окончании предварительного следствия субъект доказывания может лишь в том случае, если установлено соответствие признаков исследуемого события, подтвержденных собранными, проверенными и оцененными доказательствами, признакам уголовно-правового понятия преступления, содержащегося в законе, т. е. получена совокупность следующих утверждений, в достоверности каждого из которых он убежден. О том, что:

- совершено определенное деяние;
- это деяние является общественно опасным и противоправным;
- преступное деяние совершило определенное лицо;
- лицо виновно в совершении этого преступления;
- определена статья, квалифицирующая данное преступное деяние.

Убеждение субъекта доказывания, являясь субъективным по форме, должно быть объективным по своему содержанию.

Следует отметить, что на данном этапе достоверность выводов может быть установлена только с точки зрения лица, производящего расследование, но не является установленной для суда, для которого эти выводы носят вероятностный характер. В достоверности или недостоверности выводов предварительного следствия суд может убедиться лишь в условиях судебного разбирательства в результате непосредственного исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств. Именно с такой позиции, на мой взгляд, следует понимать утверждение Л. Е. Владимирова, который под уголовно-судебной достоверностью понимал такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему убеждению в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности¹. «Иметь место в действительности» – значит, быть достоверным. Суд принимает решение на осно-

¹ Владимиров, Л. Е. Указ. соч. – С. 15.

вании фактов установленных, а не предполагаемых, поэтому решение суда при вынесении обвинительного приговора всегда должно быть основано на достоверном знании. И это не значит, что суд может вынести решение на основании «юридически обоснованного вероятного знания».

Таким образом, обвинительный приговор может быть вынесен только при условии представления стороной обвинения достаточной совокупности достоверных доказательств, которыми обосновывается доказанность всех обстоятельств, подлежащих установлению по конкретному уголовному делу.

Что же касается оснований оправдательного приговора, то, представляется, что бесспорная достоверность доказательств, которая должна быть отражена в его описательно-мотивировочной части (п. 2, п. 3 ч. 1 ст. 305 УПК РФ), требуется лишь в случаях установления отсутствия в деянии подсудимого состава преступления (п.1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ), а также в случае доказанной непричастности подсудимого к совершению преступления (п. 2. ч. 2. ст. 302 УПК РФ). В случае же, когда исследованных судом доказательств оказалось недостаточно для достоверного установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, либо недостаточность доказательств явилась следствием исключения имеющихся доказательств из процесса доказывания как недопустимых, основанием для вынесения оправдательного приговора будет являться презумпция невиновности. Если суд приходит к выводу о том, что событие преступления не доказано и отсутствует возможность дальнейшего доказывания, постановляется оправдательный приговор.

Недостаточность доказательств для достоверного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, может иметь объективный характер. Поскольку преступление, являясь событием прошлого, может быть восстановлено только на основании совокупности следов, оставленных в настоящем, на которых отобразились признаки, свойства расследуемого события и причастных к нему лиц, то их отыскание не всегда зависит только от качества предварительного расследования и познавательных способностей лиц, расследующих преступление. А. М. Анисимов отмечает, что «след события всегда фрагмента-

рен и неполно характеризует событие, его оставившее... обязательно найдутся такие свойства события, которые будут отсутствовать в совокупности соответствующих следов. «Отсутствовать» в смысле невозможности обоснованно утверждать ни то, что эти свойства были, ни то, что их не было»¹. Проявлением этой общей закономерности в процессе доказывания, – отмечает В. Мельник, – является возникновение «тупиковых», логически «патовых» ситуаций, когда из-за отсутствия в цепи собранных доказательств существенных звеньев, невозможно обоснованно утверждать ни о несомненной виновности, ни о несомненной невинности подсудимого. В таких случаях, в соответствии с презумпцией невинности, суд обязан признать подсудимого невинным, даже если предположение о виновности более правдоподобно, «ибо при любой степени правдоподобности знание по своему качеству, степени обоснованности, остается вероятным, а не достоверным знанием»².

Необходимым условием справедливости и законности судебного решения, кроме непосредственной оценки доказательств и свободного внутреннего убеждения, является полнота и достоверность доказательственного материала. М. С. Строгович указывал на требование, необходимое для того, чтобы суд мог окончательно разрешить дело – это «достоверность, т. е. верность, истинность тех фактов и обстоятельств, которые представляют предмет доказывания по делу»³.

Таким образом, можно сделать вывод, что решающее значение при постановлении судом обвинительного (и в указанных случаях оправдательного) приговора имеет достоверность достаточной совокупности относимых и допустимых доказательств, и, согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ, приговор не может

¹ Цит. по Мельник, В. Нравственные основы искусства защиты и обвинения. Роль совести в процессе доказывания / В. Мельник // Российская юстиция. – 1996. – № 3. – С. 8.

² Мельник, В. Нравственные основы искусства защиты и обвинения. Роль совести в процессе доказывания / В. Мельник // Российская юстиция. – 1996. – № 3. – С. 8.

³ Строгович, М. С. Учение о материальной истине... – С. 81.

быть основан на предположениях, поскольку «неопределенность не может служить основой разрешения уголовных дел»¹.

Выводы:

1. Достоверное знание отличает от вероятного логическая или практическая обоснованность выражаемой в нем истины. Формами удостоверения истины являются обоснование и доказательство, поэтому в процессе расследования уголовного дела посредством собирания, проверки и оценки доказательств вероятное знание об обстоятельствах преступления, о виновности или невиновности подозреваемого должно быть преобразовано в обоснованное этими доказательствами достоверное знание. Вероятность является средством, а достоверность целью и результатом познания по уголовному делу.

2. Согласованность всех полученных в процессе расследования данных — основной и важнейший критерий истинности представления субъекта доказывания обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности обстоятельств расследуемого преступления.

4. Результатом расследования по уголовному делу должно быть несомненно, достоверно доказанные обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Вывод о доказанности каждого из этих обстоятельств к моменту составления обвинительного заключения должен быть не только подтвержден совокупностью собранных, проверенных и оцененных доказательств, но и обоснован ими. Совокупность доказательств, признанных достаточными, должна указывать на единственный вывод и исключать все иные выводы.

¹ Печников, Г. Система «здорового юридического смысла» в уголовном процессе // Г. Печников. — Российская юстиция. — 1998. — № 3. — С. 2.

3.3. Логический аспект трансформации вероятного знания в достоверное в процессе доказывания по уголовному делу

Процесс уголовно-процессуального доказывания в его логическом аспекте представляет собой переход вероятного знания в достоверное, поскольку в доказывании всякое знание выступает на первых порах как вероятное, проблематичное¹. Вопрос о том, каким образом вероятное знание трансформируется в достоверное, какие пути, способы, логические методы и приемы при этом используются, представляет теоретический и практический интерес².

По мнению одних авторов, процесс достижения достоверного знания происходит при преимущественном использовании вероятностной, индуктивной логики, путем накопления доказательств³. Противоположная модель доказывания, основанная на дедуктивной логике, согласно которой достоверное знание достигается путем опровержения всех возможных вариантов, за исключением одного, который и становится достоверным, также имеет своих сторонников⁴. Ю. К. Орлов отмечает, что основным камнем преткновения между сторонниками и противниками вероятностной логики является вопрос о том, каким образом, на каком этапе накопления доказательств происходит превращение вероятного знания в достоверное, при этом противники вероятностной логики отрицают возможность постепенного перехода вероятности в достоверность⁵.

Представляется, что этот вопрос не является принципиальным, и в процессе расследования преступлений возможно использование как дедуктивной,

¹ Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе... – С. 88.

² См., например: Белкин, А. Р. Теория доказывания... – С. 56 – 66; Лузгин, И. М. Расследование как процесс познания... – С. 54; Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 88 – 94; Печников, Г. А. О достоверности и вероятности в правосудии... – С. 78 – 85; Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 287 – 324; Эйсман, А. А. Логика доказывания... – 112 с. и др.

³ Овсянников, И. Логика доказывания в уголовном процессе; Орлов, Ю. К. Указ. соч.; Эйсман, А. А. Указ. соч. и др.

⁴ Белкин, Р. С. Криминалистика и доказывание; Белкин, А. Р. Указ. соч.; Ларин, А. М. От следственной версии к истине; Старченко, А. А. Логика доказывания; Пешак, Я. Следственные версии и др.

⁵ Орлов, Ю. К. Указ соч. – С. 92.

так и индуктивной модели в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, и эти методы построения выводов дополняют, а не исключают друг друга. Поскольку вывод суда о виновности лица в совершении преступления, ни при каких условиях, не может основываться на вероятном знании, неважно, каким путем достигнута достоверность того фактического материала, которым будет обосновано судебное решение. Удалось ли следователю построить исчерпывающий ряд объясняющих версий, последующее подтверждение одной из которых, либо опровержение всех, кроме одной¹, привело к однозначному выводу, или следователь пришел к тому же выводу путем постепенного наращивания доказательств – для суда не имеет значения. Принципиально лишь одно – вывод о виновности лица, обвиняемого в совершенном преступлении, должен быть доказан.

Придерживаясь концепции вероятностного подхода (метода накопления улик), все же считаю, что категоричный вывод о том, что метод перебора вариантов (всех возможных версий) в судебном доказывании исключен², является поспешным. Чтобы установить истинность или ложность суждений, необходимо произвести верификацию, т. е. соотнести содержание суждения с действительностью. Версия помогает найти предварительное объяснение имеющимся сведениям, а поскольку объяснить – значит, указать причину, то построение версий является средством проверки всех, основанных на собранных данных, предположений о причинах расследуемого события, как реально возможных объяснений установленных фактов. Это не стихийное, подобное методу проб и ошибок, а целенаправленное исследование, знания невозможно достичь бесцельным поиском. В судебном исследовании необходимо показать, что та вер-

¹ По справедливому мнению Я. Пешака, «объективная истина нами доказана, когда доказана достоверность одной единственной версии при одновременном опровержении всех остальных следственных версий». (Пешак, Я. Указ. соч. – С. 94). И. Б. Михайловская также подчеркивает, что «позитивное установление какого-либо факта возможно лишь при условии опровержения всех противоречащих существованию этого факта сведений. Поэтому, если обвинение не докажет несостоятельность всех возможных сомнений в обоснованности своих утверждений, то презумпция невиновности сохранит свое действие». (Михайловская, И. Б. Указ. соч. – С. 59).

² Орлов, Ю. К. указ. соч. – С. 93.

сия, на которой основано обвинение, была получена после того, как были отброшены все версии, следствия которых не подтвердились в ходе расследования, при этом соблюдение требования о выдвижении всех возможных версий¹, вовсе не означает необходимости проверки «всех, теоретически мыслимых»².

Так, например, некоторые авторы считают, что раз перечень выдвинутых версий должен быть исчерпывающим, значит «необходимо «строить» все без исключения возможные версии. Но практически невозможно проверить и опровергнуть все теоретически мыслимые версии (например, доказать непричастность к преступлению всех жителей города и приезжих, находящихся в нем в день убийства). Такая возможность бывает лишь в тех случаях, когда круг лиц, возможно причастных к преступлению, заведомо ограничен. И даже если по делу имеется возможность выдвижения и проверки всех мыслимых версий, то все равно единственная оставшаяся из них нуждается в позитивном обосновании, а это возможно только по правилам неформальной логики»³.

Во-первых, все-таки в практике встречаются случаи, когда круг подозреваемых является ограниченным, А. А. Старченко вводит вполне реальные примеры, значит, этот путь не исключен. Во-вторых, основной вопрос, который ставит перед собой следователь, очерчивая круг подозреваемых в совершении преступления, – это вопрос о том, кому это выгодно. Ларин А. М. в этой связи писал: «Возьмем, к примеру, пресловутые заказные убийства. Каждое из них – преступление, имеющее предысторию, веские причины, связанные с деятельностью потерпевшего, преступление обдуманное, обсужденное заранее и к тому же дорогостоящее. Далее, как бы ни маскировался киллер, он известен заказчику и посреднику, торговцу оружием, преступной среде, из которой он вышел. Поэтому возникает веер версий – предположительных ответов на вопросы о

¹ Пешак, Я. Указ. соч. – С.85, 92 и др.

² Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 93.

³ Пискун, О. А. Истина в уголовном судопроизводстве... – С. 137; Жданова, Я. В. Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве... – С. 17.

том, кому мешал жить пострадавший, кто свел заказчика с убийцей, кто из каких средств ему платил, у кого приобретено оружие и т. д.»¹.

Не может быть выгодным совершенное преступление «всем жителям города и приезжим, находившимся в нем в день убийства». В-третьих, под понятием «возможные версии» следует понимать не любые произвольно взятые догадки и предположения, а только те, которые обусловлены объективно существующими фактами и обстоятельствами уголовного дела, т. е. только реально возможные версии. В расчет берутся только те из них, которые в какой-то мере подкрепляются фактами, объясняют их. М. И. Еникеев верно указывает на необходимый признак следственной версии – обоснованность: версия «должна быть реальной, учитывающей наиболее вероятные взаимосвязи и отношения в расследуемом событии»². И, наконец, о какой логике идет речь? «Формальное» означает соответствие определенным строгим правилам, законам. Если логика неформальная, то какие могут быть правила у логики без правил? Здесь уместно привести справедливое утверждение авторов учебника «Философия»: Если говорить о логике, то в ней нет никаких других логик, отдельных от формальной логики. Есть только одна – единая, общечеловеческая аристотелева логика, все остальное – особые названия ответвлений от единой логики, даже «диалектическая логика» – лишь своеобразие формальной, и без нее она не существует как логика³.

Конечно, чаще в процессе доказывания по уголовному делу невозможно заранее установить, что выдвинутые версии являются исчерпывающими, по-

¹ Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика: Науч.-практ. и учеб. пособие / А. М. Ларин. – М.: БЕК, 1996. – С. 116.

² Еникеев, М. И. Общая и социальная психология: Учебник для вузов / М. И. Еникеев. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – С. 170. Исчерпывающе полным определением версии является следующее: следственная версия – это «логически построенное и основанное на фактических данных обоснованное предположительное умозаключение следователя (других субъектов познавательной деятельности по уголовному делу) о сути исследуемого деяния, отдельных его обстоятельствах и деталях и их связи между собой, требующее соответствующей проверки и направленное на выяснение истины по делу». (Криминалистика. Учеб. для вузов: рек. УМО ун-тов РФ / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М.: Юристъ, 1999. – С. 93).

³ Алексеев, П. В. Указ. соч. – С. 387.

этому исключение противоположных версий необходимое, но не достаточное условие для признания оставшейся версии единственно правильной.

Каковы же логические формы умозаключений, в которых протекает расследование уголовного дела?

В процессе доказывания по уголовному делу, как и во всяком познании, применяются самые различные логические средства. С точки зрения логической формы, обобщение выводов из полученных данных в процессе расследования по уголовному делу представляет собой индукцию, при которой от знания меньшей степени общности приходят к знанию большей степени общности. Как уже отмечалось, вывод в индуктивном умозаключении является проблематичным, исключение составляют выводы по полной индукции, применимость которой в рассуждениях определяется практической перечисляемостью множества исследуемых предметов¹.

Метод полной индукции позволяет сделать достоверный вывод путем исчерпывающего перечисления, например, всех способов проникновения в помещение (число таких способов конечно и легко обозримо), устанавливаемых в ходе производства осмотра места происшествия. Этим же методом определяется тип оружия, которым было нанесено ранение, способ совершения преступления и т. д. Состав преступления содержит перечень исчерпывающих признаков конкретного деяния, отсутствие хотя бы одного из которых ведет к отсутствию состава данного преступления. В этом случае используется метод полной индукции с отрицательным заключением.

Например, по факту обнаружения нелегально существующего предприятия, производившего фальсифицированные алкогольные напитки, было возбуждено уголовное дело по признакам мошенничества (была изъята значительная по объему партия продукции непосредственно в помещении, в котором осуществлялось производство), при этом, однако, не было учтено, что отсутствовали какие-либо сведения, подтверждавшие намерение сбыта фальсифици-

¹ Частным случаем полной индукции можно считать единогласное признание вины подсудимого присяжными.

рованной продукции и получения выгоды материального характера. Такие данные не были получены, а рассматривать данное деяние как хищение, в частности, квалифицировать как мошенничество, предъявлять лицу обвинение при отсутствии корыстного мотива недопустимо¹.

На основании индуктивных выводов в следственной и судебной практике формулируются обобщения, касающиеся обычных отношений между людьми, мотивов и целей совершения противоправных действий, способов совершения преступлений, типичных реакций людей, причин каких-либо явлений² и т. д.

Ценность индуктивных обобщений состоит в том, что они не только указывают на возможную причину, возможное поведение лица, возможные признаки предмета, но и отмечают те из них, которые наиболее часто встречаются, являются более вероятными. Например, стремление скрыться от следствия чаще характерно для лица, совершившего преступление, нежели непричастного к нему, или в большинстве случаев высказавший угрозу совершить преступление осуществляет свое намерение.

Таким образом, индукция позволяет сузить круг предполагаемых причин и вести исследование целенаправленно и экономно, но в то же время следует помнить, что выводы по неполной индукции носят только вероятный характер¹.

Аналогией в логике называется умозаключение от частного к частному, в котором на основе сходства двух предметов или событий в определенных признаках делается вывод об их сходстве в других признаках, не подвергавшихся исследованию. Логическая природа аналогии близка к догадке и аналогии, основанные на поверхностном сравнении, как правило, дают маловероятные и

¹ Некрасов, С. В. Указ. соч. – С. 298 – 299.

² Например, причины, обобщено объясняющие возникновение пожара не являются бесконечными, таковыми могут быть неосторожное обращение с огнем, удар молнии, неисправность отопительных приборов или электропроводки, умышленный поджог и т.д. Если же известно, что помещение не имело отопительной системы, а также не было электрифицировано, кроме того, пожар произошел зимой, то становятся нереальными такие причины, как пожар от удара молнии, неисправности электропроводки и отопительной системы. Реальными же остаются такие версии, как: пожар в результате неосторожного обращения с огнем или умышленный поджог (Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании... – С. 136 – 137.).

даже ошибочные выводы, поэтому сходство предметов должно быть в существенных признаках. И. Я. Фойницкий отмечал: «Судебная практика крайне неохотно допускает к доказыванию обстоятельства, из которых лишь по аналогии или по уподоблению можно заключить о справедливости или несправедливости данного утверждения, к этой области, в частности, относятся факты поведения и прежние поступки данного лица»². Поэтому выводы по аналогии дают лишь вероятные заключения, но могут использоваться для выдвижения предположений, версий в практике судебного исследования. Так, при использовании аналогии лицо, расследующее преступление, опираясь на известные, часто недостаточные, установленные обстоятельства дела, отыскивает в прошлом нечто сходное, что предположительно может возместить недостающую информацию, может дать начало, толчок для высказывания предположений. Поэтому, чем богаче профессиональный и жизненный опыт лица, ведущего расследование, тем более обоснованы выводы по аналогии.

Особое положение среди форм умозаключений занимает дедукция, с помощью которой при соблюдении правил вывода, и истинности посылок получают достоверное заключение. Дедукции принадлежит огромная роль в проверке положений, полученных путем аналогии и индукции³. Этот метод предусматривает поиск таких признаков, такой их совокупности, к которым применимы уже известные правила и закономерности, позволяющий сделать правильный вывод в отношении конкретного обстоятельства. «Нет такой отрасли научного знания, – отмечал П. В. Копнин, – которая бы не распространяла общее положение на отдельные конкретные предметы, явления, случаи или, точ-

¹ Как верно отмечал Э Анушат, «индуктивные заключения основываются на человеческом опыте, между тем человеческий опыт всегда отличался, и будет отличаться пробелами». (Анушат. Э. Указ. соч. – С. 33).

² Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 236.

³ В. Е. Коноваловой верно отмечено, что при построении индуктивных умозаключений также имеет место дедукция, поскольку анализ каждого обнаруженного доказательства требует известного общего представления о предмете, о его возможных причинных связях. Поэтому индукция в чистом виде при построении версий не существует, она с самого начала предполагает знание общего относительно частного, а, следовательно, предполагает применение дедукции. (Коновалова, В. Е. Указ. соч. – С. 63).

нее, не подводи́ла конкретные факты, явления под установленные закономерности»¹.

Большей посылкой дедуктивного умозаключения (силлогизма), устанавливающего связь отдельного доказательства с событием преступления, выступает общее суждение, формулирующее знание о связях между подобного рода явлениями. Меньшей посылкой является суждение, содержащее знание о существовании конкретного факта. Достоверный вывод может быть получен только в том случае, если обе посылки умозаключения достоверные суждения: большая посылка отражает истинное общее знание, а меньшая – достоверно установленный факт. Например, если на месте совершения преступления обнаружены отпечатки пальцев, совпадающие с отпечатками пальцев подозреваемого, значит, достоверно установлено, что подозреваемый был на месте преступления. Большой посылкой такого умозаключения является установленное наукой достоверное положение об индивидуальности и неизменности пальцевых узоров человека. В том же случае, когда большей посылкой умозаключения является вероятное суждение, например, полученное индуктивным путем, то при подведении единичного факта под такое общее положение заключение будет носить лишь вероятный характер. Если общее суждение отражает наиболее вероятное знание, например, о типичном поведении людей в определенных ситуациях, то может быть использовано в процессе исследования обстоятельств дела в качестве фактической презумпции, позволяющей сделать логический переход от знания о возможной причине к знанию о действительной причине поведения лица.

Если посылки недедуктивных рассуждений лишь с той или иной степенью вероятности подтверждают заключение, то в дедуктивных умозаключениях, позволяющих получать достоверное знание, вероятный вывод получается только в двух случаях: 1) если в посылках использовано знание, достоверность

¹ Копнин, В. П. О некоторых вопросах теории умозаключения / В. П. Копнин // Вопросы логики. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 181.

которого вызывает сомнение; 2) если использованы не достоверные, а правдоподобные формы дедуктивных умозаключений.

П. В. Копнин указывал, что деление умозаключений по признаку достоверности имеет огромное познавательное значение: «Мы должны строго различать формы умозаключений, обеспечивающих при достоверных посылках достоверное заключение от форм, которые при этом же условии не гарантируют достоверного вывода»¹.

Общеизвестно, что большая часть утверждений получается путем логического вывода из других утверждений (дедуцируются), как логическое следствие последних², с этой целью применяются условно-категорические (гипотетические) силлогизмы³. Различие между доказательным и правдоподобным рассуждением при использовании такого силлогизма, заключается в направлении движения мысли: от основания к следствию или от следствия к основанию:

$a \rightarrow b$	$a \rightarrow b$
<u>a</u>	<u>b</u>
b - истинно	a – вероятно

Достоверный вывод по первой схеме получается по форме утверждающего модуса гипотетического силлогизма (*modus ponens*), в котором истинность заключение логически следует из условного суждения при истинности его основания. По второй схеме показана форма гипотетического умозаключения, в которой истинность следствия лишь с определенной степенью вероятности подтверждает основание.

Например, положительные выводы по результатам проведенного следственного эксперимента строятся по вероятному модусу условно-

¹ Копнин, П. В. О некоторых вопросах теории умозаключения... – С. 170.

² Зиновьев, А. А. Логическое следствие / А. А. Зиновьев // Проблемы логики и теории познания; под ред. И. С. Нарского. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – С. 77.

³ Большей посылкой такого умозаключения является условное суждение (импликация) с логическим союзом «если..., то». Например, «Если подозреваемый совершил преступление (а), то мог оставить отпечатки пальцев на месте его совершения (в)». В меньшей посылке может утверждаться или отрицаться основание или следствие. Таким образом, возможны четыре фигуры (модуса) условно-категорического или гипотетического умозаключения.

категорического силлогизма, в котором движение мысли от утверждения следствия к утверждению основания не ведет к получению достоверного знания. Ход мысли можно выразить так: «Если подозреваемый совершил преступление, то сможет повторить свои действия в условиях эксперимента. Смог. Совершил преступление?». Не обязательно, вывод носит только вероятный характер. С точки зрения логики такое умозаключение не является корректным, так как истинность следствия может лишь подтвердить или сделать вероятным основание, но, тем не менее, такое умозаключение часто используется в следственной и судебной практике. Именно таким путем осуществляется подтверждение версий в процессе расследования уголовного дела, когда основным содержанием мыслительной деятельности следователя является выведение следствий из выдвинутых версий и сравнение этих следствий с другими данными, получаемыми в ходе расследования. Значит, подтверждение версий не ведет к однозначному выводу об истинности заключенного в ней предположения, и хотя вероятность истинности заключения становится более обоснованной, все же продолжает оставаться только вероятностью. Трудность при применении правдоподобных рассуждений заключается в определении степени вероятности получаемого суждения.

При использовании отрицающего модуса (*modus tollens*) гипотетического силлогизма, достоверный вывод получается лишь в том случае, если мысль движется от отрицания следствия к отрицанию основания:

$a \rightarrow b$	$a \rightarrow b$
<u>не-b</u>	<u>не-a</u>
не- a - истинно	не- b – вероятно

Одна и та же причина не вызывает двух противоположных результатов, поэтому, если нет следствия (b), значит, определенно не было и основания, его породившего (a). Но один и тот же результат (следствие) может произойти от различных причин (оснований), т. е. одно и то же следствие может быть обусловлено различными обстоятельствами, поэтому вывод от отрицания основания к отрицанию следствия является только вероятным. Например, причиной смерти

обнаруженного на месте происшествия человека (в) может быть (а): и убийство, и самоубийство, и несчастный случай, и естественная смерть, т. е. одно и то же следствие могут породить различные причины. Тщательный анализ полученных при осмотре места происшествия сведений позволяет отбросить одни и оставить другие, наиболее вероятные, версии о происшедшем событии.

Преступление является событием прошлого, которое невозможно непосредственно наблюдать, но возможно выдвигать о нем версии, объясняющие имеющиеся в наличии, непосредственно наблюдаемые, факты, проверять версии с помощью выведения из них следствий, которые допускают эмпирическую проверку, например, посредством проведения следственного эксперимента, обыска, проверки показаний на месте и других процессуальных действий.

В повседневных рассуждениях мы обычно считаем, что если произошло событие или явление, значит, имела место его причина¹, т. е. событие является неизбежным следствием некоторого другого события. Это объясняется тем, что важнейшей из существующих объективных связей является связь причинная. Обнаружение следов преступления сопровождается выяснением истинной причины их возникновения.

Особенностью расследования преступления является то, что конкретное единичное событие восстанавливается по его следам, и лицо, ведущее расследование по уголовному делу, чаще всего имеет дело не с причиной, а с определенными результатами (в логике – следствиями) тех или иных событий, поэтому неизбежно использование правдоподобного объяснения этих результатов, которые, выступая в виде информации, подлежат тщательному исследованию, предполагающему сначала анализ и оценку всех имеющихся данных (данные, полученные в результате проведения осмотра места происшествия; показания свидетелей, потерпевших; заключений экспертов и т. д.), затем синтез посред-

¹ «Причина» у В. И. Даля – начало, источник, вина, коренной повод к действию, случаю. (Даль, В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С.535.). В старину причинность называли «винословностью». «Винословность говорит: «из этого, оттого и после этого» (ex hoc, ergo post hoc)». (Тренделенбург, А. Логические исследования... – С. 315).

ством установления связи между ними. Поэтому задачей следователя является выявление причинной обусловленности сведений событием преступления, последовательности этой связи, позволяющей выяснить неизвестные обстоятельства по известным звеньям причинно связанных обстоятельств. Полученные сведения могут быть представлены в виде определенной системы, характеризующей совокупный результат искомой причины, поэтому правильный поиск причины требует выявления как можно большего количества информации, при этом логическая правильность такой системы – это необходимое условие истинности выводов (вопрос об отношении знания к действительности логика считает решенным¹), но не достаточное само по себе, основное – это анализ содержательной стороны доказательств, их достоверности, т. е. соответствия действительности.

Таким образом, индуктивному обобщению доказательств по признаку относимости к расследуемому событию предшествует аналитическое исследование получаемых сведений, и основным для следователя на первоначальном этапе расследования является анализ результатов действия (следов преступления), которые позволяют определить их причину.

В установлении причинной связи неопределимую услугу могут оказать индуктивные методы научной индукции, открытые Ф. Бэконом и Дж. Ст. Миллем, использование которых позволяет получить выводы высокой степени вероятности: метод единственного сходства²; метод единственного различия¹, метод сопутствующих изменений²; метод остатков³.

¹ Ю. А. Петров отмечает, что каждая наука на базе своих принципов и принципов гносеологии решает вопрос об истинности суждений, о специфике и методах установления этой истинности. Логика же принимает этот вопрос за решенный, т.е. отвлекается от ее решения, как от несущественного. (Петров, Ю. А. Теория познания: научно-практическое значение. – М.: Мысль, 1988. – С. 19). И. Д. Андреев также отмечает: «Законы и правила логики суть только необходимые условия истины и могут достоверно утверждать одно, что если мысль нарушает их при истинных посылках рассуждения, то вывод будет неизбежно ложный». (Андреев, И. Д. Место и роль практики в логическом мышлении / И. Д. Андреев / Вопросы логики. – АН СССР Ин-т философии; отв. ред. П. В. Таванец. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 146.).

² Методом сходства называют методом нахождения общего в различном. По этому методу сравнивают несколько случаев, в каждом из которых исследуемое явление наступает, при этом все случаи сходны лишь в одном и различны во всех других обстоятельствах. Вероятно, это одно обстоятельство и есть причина данного явления. Например, отпечатки пальцев од-

По многим уголовным делам само событие преступления не вызывает сомнений, главную трудность представляет изобличение определенного лица в совершении этого преступления, т. е. установление причинной связи между действиями обвиняемого и наступившим результатом⁴, в частности, какую роль сыграло в его наступлении действие определенного лица. Ю. В. Кореневский также отмечает, что «пробелы в исследовании доказательств, необходимых для установления субъективной стороны, служат одной из наиболее распространенных причин постановления необоснованных приговоров и отмены их вышестоящими судами»¹.

В. Б. Малинин, исследовавший причинную связь в уголовном праве, пришел к, безусловно, справедливому выводу, что поступок лица должен быть признан необходимым условием наступившего вредного результата. Чтобы выяснить наступил бы вредный результат при отсутствии действия, вполне допустимо пользоваться методом мысленного исключения данного действия из общей причинной цепи. Если при таком исключении окажется, что последствие все равно наступило бы в том же порядке, в каком оно осуществилось в дей-

ного и того же человека, обнаруженные на месте совершения нескольких краж, по которым преступник не установлен, позволяет на основании этого единственного сходства сделать вывод о совершении этих краж одним и тем же лицом.

¹ Метод нахождения различного в сходном. По этому методу сравниваются два случая, в одном из которых явление наступает, а в другом не наступает, при этом второй случай отличается от первого лишь одним обстоятельством, а все другие являются сходными. Вероятно, это одно обстоятельство и является причиной изучаемого явления. Например, если было замечено, что на складе возникает недостаток материальных ценностей в день, когда работает определенный человек, а в его отсутствие недостатка не возникает, можно сделать вывод, что, вероятно, это лицо и является причиной недостатка.

² Применяется при анализе случаев, в которых имеет место видоизменение одного из предшествующих обстоятельств, сопровождаемое видоизменением последующего действия.

³ Дж. Ст. Милль так определял этот метод: обстоятельство не было бы замечено, если бы его не искали, и, вероятно, не было бы отыскиваемо, если бы внимание не было возбуждено недостаточностью явных причин для объяснения всего действия. (Милль, Дж. Ст. Система логики... – С. 454). Этот метод используется в тех случаях, когда устанавливают явную несоразмерность известных причин исследуемым действиям. Например, при совершении умышленных насильственных преступлений, когда характер насильственных действий явно неадекватен малозначительному поводу для их совершения, следователь может поставить на разрешение психологической или психиатрической экспертизы вопрос о вменяемости лица, совершившего данное преступление.

⁴ Строгович, М. С. Материальная истина... - С. 272.

ствительности, то это, бесспорно, подтверждает, что исследуемое действие человека не было необходимым условием наступившего последствия, не входило в число обстоятельств, сделавших возможным результат. Если же, наоборот, окажется, что при отпадении действия последствие или вовсе не наступило бы или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло на самом деле, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий этого последствия². «Золотое правило причинности» автор формулирует так: «Если комбинация ABC дает явление A, а комбинация AB не дает этого результата, то это служит доказательством того, что явление (действие) C является условием последствия A». В подтверждение автором приводится следующий пример из следственной практики. Е. пришел домой сильно пьяный, учинил скандал с женой, которая, не выдержав оскорблений, ударила его сковородкой по голове и убежала из дома. Она была привлечена к уголовной ответственности за умышленное убийство по ст. 107 УК РФ. Однако экспертиза установила, что смерть Е. наступила от алкогольной интоксикации. Таким образом, причинной связи между деянием жены Е. и смертью ее мужа нет, поэтому дело в отношении нее было прекращено³. Нетрудно заметить, что это правило основано на индуктивном методе единственного различия Бэкона-Милля.

Процесс выдвижения версий также предполагает использование такого метода познания, как мысленный эксперимент (с его мыслительным приемом: «а что было бы, если бы...»⁴). Прежде чем что-то, сделать человек прикидывает это в уме и, если результат его устраивает, приступает к практическому осуществлению⁵. Анализируя имеющуюся в наличии информацию, и создавая

¹ Корневский, Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. В. Корневский. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2002. – С. 55.

² Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве / В. Б. Малинин, Р. М. Асланов, А. И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 175. А. С. Ахманов отмечает: «С точки зрения универсального принципа достаточного основания причина может рассматриваться как достаточное основание возникновения или существования какого-либо факта, мотив – как достаточное основание действия и т. д.». (Ахманов, А. С. Формы мысли и законы формальной логики... – С. 96).

³ Там же. – С. 180–181.

⁴ Алексеев, П. В. Указ. соч. – С. 399.

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 304.

мысленную картину совершенного преступления, следовательно строит предположения о том, какие следы в реальной обстановке или сознании людей должно или могло оставить преступление (мысль движется от известных предпосылок (сведений), к неизвестному, которое уже оформилось гипотетически). На основании таких предположений принимается решение о проведении последующих следственных действий, при этом лицо, ведущее расследование уголовного дела не заранее предполагает преступника и ищет против него улики, а разыскивает его по уликам.

Необходимо тщательно проанализировать различные альтернативные объяснения (версии) и оценить степень их вероятности, которая зависит от глубины исследования имеющейся в наличии информации, при этом логическая вероятность определяется степенью разумной, или рациональной уверенности субъекта доказывания в истинности выбранной версии.

Проверка версий происходит путем дедуктивного выдвижения из нее следствий, подтверждение которых укрепляет версию, при этом то, что не удалось подтвердить фактами сегодня, может подтвердиться позднее при получении новой информации в процессе производства следственных действий. Но и ненахождение следствий, не ведет к опровержению версии, может быть такое, что их просто не удалось найти, обнаружить, они могли быть уничтожены преступником, заинтересованными лицами, временем, стихией; утрачены из-за позднего или небрежного проведения осмотра места происшествия и т. п.

«Проверить существование следствий, – отмечал Я. Пещак, – значит, законным способом отыскать и в надлежащей уголовно-процессуальной форме установить конкретные факты, которые подтверждают либо исключают эти следствия»¹. Проверая версию, следователь по правилам условно-категорического силлогизма делает заключение: если версия истинна (а), то должны быть такие-то следствия (в). Нахождение следствий, несомненно, укрепляет версию, но не доказывает ее достоверности (вывод от утверждения

¹ Пещак, Я. Указ. соч. – С. 203.

следствия (в) к утверждению основания (а), как отмечалось выше, не является необходимым):

«Если подозреваемый совершил преступление, то мог оставить отпечатки пальцев на месте его совершения. Отпечатки пальцев есть. Он совершил?»

«Если подозреваемый совершил преступление, то его могут опознать очевидцы. Опознание произошло¹. Он совершил?»

«Если подозреваемый совершил преступление, то в ходе проведения эксперимента сможет повторить свои действия. Повторил. Он совершил?"

«Если подозреваемый совершил преступление, то у него могут быть обнаружены вещи потерпевшего. Обнаружены. Он совершил?" Только вероятно, что он. Опровержение алиби подозреваемого о том, что в момент совершения преступления он был в другом месте, также влечет за собой только вероятный вывод о его причастности к преступлению.

Каждое из перечисленных обстоятельств установлено достоверно, т. е. соответствует действительности. В связи с этим, характерны ошибки, допускаемые в следственной практике при оценке значения таких доказательств, не берется во внимание их предположительный характер и нередко из них сразу делается вывод о виновности подозреваемого. Следует помнить, что выводы субъекта доказывания в таких случаях, хотя и основанные на достоверно установленных данных, полученных в процессе проведения следственных действий (значит, относимых, допустимых и достоверных), тем не менее, остаются только вероятными. Поэтому необходимо различать достоверность как свойство каждого из полученных доказательств и достоверность выводов субъекта доказывания, основанных на этих доказательствах

В отличие от подтверждения, опровержение версии противоречащими ей фактами имеет окончательный характер, поскольку достаточно одного факта, чтобы убедиться в ошибочности версии – если следствия, выводимые из вер-

¹ Ю. Митиным описан случай, когда человека, не причастного к совершению преступления, опознали несколько женщин, потерпевших от преступления, из-за его удивительного сходства с настоящим преступником. (Митин, Ю. Шерлок Холмс и его современники / Ю. Митин // Поединок: Сб. – Вып. 16. – М.: Моск. рабочий, 1990. - С. 341 – 343).

сии, противоречат установленным данным, т. е. являются ложными, то и версия является ложной. Например, если проверяется версия о совершении преступления подозреваемым, то ее следствием будет суждение «он был на месте преступления». Но, допустим, это суждение противоречит установленному факту о нахождении подозреваемого в момент совершения преступления в другом месте. Значит, если достоверно установлено алиби данного лица, то по закону непротиворечия противоположное суждение о нахождении его на месте совершения преступления будет необходимо ложным. В данном случае рассуждение идет по отрицающему модусу (*modus tollens*) гипотетического силлогизма, от отрицания следствия к отрицанию основания, который является законом логики и дает достоверные выводы.

Таким образом, единственный факт, противоречащий версии, способен ее опровергнуть, но подтверждение фактов, вытекающих из версии, как бы их ни было много, не доказывают ее истинности. Именно поэтому являются возможными мнения, что вывод суда о виновности лица в совершении преступления является только в высокой степени вероятными (такого мнения придерживаются и 31, 4 % опрошенных автором практических работников). Именно поэтому возникает и вопрос, о том, на каком этапе вероятное знание становится достоверным. «Остается неясным, где именно проходит та грань, которая четко отделяет вероятность от достоверности, почему, например, данный факт признается установленным достоверно на основании, допустим, показаний пяти свидетелей, а не четырех или шести»¹.

Р. П. Чернов, анализируя такое доказательство, как свидетельские показания, отмечает, что на протяжении всей истории развития правосудия процессуальная форма свидетельских показаний подвергала их сомнению с точки зрения надежности и достоверности. Вопрос о достоверности настолько беспокоил наших предков, что действовало правило, гласившее: нет свидетельских показаний без их проверки. В основном, благодаря именно такому прошлому сего-

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 92.

дня в языке обороты «свидетельствует...», «я тому свидетель...» и пр. ассоциируются с истинностью высказывания¹.

На последний вопрос можно найти ответ у Л. Е. Владимирова: увеличивая число свидетелей, мы, следовательно, действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Количество свидетелей есть только способ определения качества свидетельства, поскольку мы не можем предположить, что одни и те же причины могли одинаково влиять на всех². У. Уильз отмечал, что увеличение числа свидетелей дает средство для уменьшения вероятности того, «что все они ошиблись или сговорились нас надуть»³. Поэтому, чем разнообразнее и независимей между собой источники, из которых получают совпадающие доказательства, тем более вероятна их достоверность.

Что же касается определения момента перехода вероятности в достоверность, то, прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на свойстве доказательств, используемых в процессе доказывания, которому, по справедливому мнению Ю. К. Орлова, уделяется недостаточное внимание в процессуальной литературе. Автор, анализируя необходимые свойства получаемых в процессе доказывания по уголовному делу доказательств, считает, что кроме свойств относимости, допустимости и достоверности, каждое доказательство обладает и таким свойством, важным для оценки достаточности доказательств и понимания логики доказывания, как его сила (или значимость). Под силой доказательства при этом подразумевается его «доказательственная ценность, весомость, логическая убедительность как аргумента»¹. Думаю, что данную точку зрения следует признать заслуживающей внимания. Правило оценки силы доказательства Ю. К. Орлов формулирует так: «доказательственная цен-

¹ Чернов, Р. П. Свидетельские показания как источник доказательств / Р. П. Чернов // Адвокат. – 2005. – № 5. – С. 95.

² Владимирова, Л. Е. Указ. соч. – С. 52–53.

³ Цит. по Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 78.

ность любого признака, свойства обратно пропорциональна частоте его встречаемости»². А. А. Эйсман придерживается такой же точки зрения: «значение признака тем выше, чем реже он встречается, т.е. чем менее вероятно его появление»³.

Некоторые авторы не разделяют такой подход к оценке доказательств, считая его недопустимым, поскольку он предполагает запрещенную законом (п. 2 ст. 17 УПК РФ) предустановленную силу доказательств – «доказательственная сила отдельных улик в этой системе predetermined заранее, они неравноценны»⁴.

Такая критика представляется необоснованной, поскольку, во-первых, доказательственная сила отдельных улик predetermined не законом, а зависит от индивидуальных особенностей содержания доказательств по конкретному уголовному делу и не может быть определена заранее. Значение доказательства определяется не внешними факторами, а существенными качествами самих доказательств, относящихся к их содержанию. И, во-вторых, в процессе доказывания по уголовному делу неизбежно одни доказательства будут иметь большее значение, чем другие. В случае, когда субъект доказывания располагает доказательствами, связь которых с устанавливаемыми по делу обстоятельствами лишь вероятна и не позволяет сделать достоверный вывод, большое значение имеет оценка познавательного значения каждого доказательства, заключающаяся в определении степени вероятности связи между содержанием доказательства с конкретными обстоятельствами совершенного преступления. Чем больше степень вероятности этой связи, тем значительнее познавательная роль и самого доказательства. А. А. Эйсман также отмечает, что вероятность случайного сов-

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 57. В. Д. Арсеньев также считал, что вопрос о силе и значении доказательств игнорируется рядом авторов. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств... – С. 132.

² Там же. – С. 61.

³ Эйсман, А. А. Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств // Вопросы кибернетики и право. – М., 1967. – С. 164.

⁴ Печников, Г. А. Достоверность и вероятность в уголовном процессе... – С. 79.

падения содержания доказательств резко падает не только при увеличении числа уликов, но и при возрастании ценности каждой из совпавших уликов¹.

Следует указать отличие оценки доказательств, производимых на предварительном следствии и в судебном разбирательстве: эти оценки «отличаются не степенью убежденности следователя и суда в доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания (убеждение в полной и исчерпывающей доказанности обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, предполагается в обеих стадиях), а тем, что решения, в основу которых положена эта оценка, порождают различные правовые последствия».

Ю. К. Орлов, обосновывая свою точку зрения, приводит следующий пример: тот факт, что нападавший был среднего роста – улика довольно слабая, поскольку большинство людей среднего роста. Если же очень высокого или низкого роста, то это качество более значимо, т. к. такие люди встречаются реже. Еще более ценны какие-то редкие особенности – шрамы, татуировки, физические недостатки и т. п.². Значит, чем больше в доказательстве единичных, индивидуальных, неповторимых признаков, тем ценнее доказательство. Г. М. Резник справедливо отмечал наибольшее влияние на формирование вывода специфических «неожиданных» уликов, которые редко встречаются в жизни – «наибольшую информацию несут маловероятные события»³.

Кроме этого, в ряде случаев возможен достоверный, категорический вывод при использовании умозаключений от подтверждения следствия к подтверждению основания. Например, достоверный положительный вывод⁴ по результатам следственного эксперимента (или любого другого следственного действия) возможен, если в качестве большей посылки используется не услов-

¹ Эйсман, А. А. Логика доказывания... – С. 82.

² Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 60 – 61.

³ Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 77.

⁴ М. С. Строгович, напротив, считал, что при применении экспериментального способа проверки «достоверный результат может получиться лишь в отрицательном отношении (нельзя слышать, видеть, нельзя попасть в цель), в смысле же положительном этот эксперимент может дать лишь более или менее вероятное предположение (можно видеть, слышать, можно попасть в цель, но не то, что данное лицо действительно видело, слышало, попало в цель и т. д.)». (Строгович, М. С. Материальная истина... – С. 82).

ное суждение (импликация с логическим союзом «если..., то»), а эквивалентное (двойная импликация с союзом «если, и только если..., то»). Если, например, в результате проведенного эксперимента выяснится, что проверяемое действие мог выполнить только этот человек и никто другой, то вывод будет достоверным.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером. Судя по обстоятельствам дела, Д., признавший себя виновным в краже денег, не мог совершить преступление один, т. к. похищенный сейф с деньгами весил свыше 120 кг и был вынесен, а затем взломан почти в километре от поселка. Д. внешне не производил впечатления атлета, спортом никогда не занимался, поэтому следователь считал, что Д. не желает называть соучастников. С целью изобличения Д. во лжи был проведен следственный эксперимент, в ходе которого ему было предложено воспроизвести свои действия, т. е. вынести сейф из помещения через окно и отнести к месту взлома. Вопреки ожиданиям, Д. с этой задачей справился. Этого оказалось достаточно, чтобы следствие, а затем суд признали достоверно установленным факт совершения им преступления в одиночку¹.

Накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений, лишь в рамках которой (но не за ее пределами) количественные изменения не меняют качества явления, и сфера познания не является исключением. Накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до момента практической достоверности, то есть до тех пор, пока случайное совпадение собранной совокупности доказательств становится практически нереальным, именно такая совокупность доказательств и является достаточной для однозначного вывода суда. Французский математик Эмиль Борель отмечал: «Большинство практических достоверностей, которые можно считать объективными в том смысле, что они являются общими для многих

¹ Орлов, Ю. К. Указ. соч. – С. 66.

людей, обязаны этим тому обстоятельству, что они относятся к явлениям весьма распространенным, которым приписывается известное значение... Для всякого способного к размышлению человека успех опыта, состоящего в чисто случайном совпадении одного из литературных шедевров, *достоверно* невозможен»¹. Ч. Беккариа считал достоверным такое знание, которое любой здравомыслящий человек сочтет таковым «в силу своего опыта, накопленного в результате практической деятельности и потому предшествующей любому умозрению. Таким образом, для признания человека виновным требуется такая достоверность, которой руководствуется каждый человек в важнейших делах своей жизни»². Оценка достаточности совокупности доказательств является свободной и производится субъектом доказывания по внутреннему убеждению. По точному замечанию А. А. Старченко, «чувство уверенности, убежденности, будучи психологической характеристикой состояния сознания, никогда не бывает беспочвенным, ибо в основе его лежит объективный, не зависимый от данного субъекта, истинный результат познавательной деятельности»³.

Некоторые авторы также справедливо отмечают, что с философской стороны постепенное возрастание вероятности выводов, основанное на проверке и накоплении аргументов, представляют количественное возрастание надежности знания, которое при достижении известного уровня переходит в новое качество – достоверное знание. Выводы, основанные на всестороннем исследовании предмета, на учете и сопоставлении всех исходных данных, их источников и результатов проверки, – содержательно достоверны¹.

Таким образом, версия обвинения будет доказана только в том случае, если из нее вытекают не любые следствия, а такие, которые в совокупности образуют выраженными неповторимыми, индивидуальными особенностями. Другими словами, эти следствия должны указывать на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины и исключать всякое иное объяснение об-

¹ Борель, Э. Вероятность и достоверность / Э. Борель. – М.: Гос. изд-во физ.-мат. Лит., 1961. – С. 102, 91.

² Цит. по: Аверин, А. В. Судебная достоверность... – С. 286.

³ Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании... – С. 219.

стоятельств дела. В этой связи Я. Пещак писал: «Когда собранные доказательства могут быть логическим основанием только одной мысли, одного вывода, мы говорим, что произошла замена вероятного знания достоверным»². В логике такая связь между основанием и следствием, как было отмечено, выражается в форме двойной импликации: «если и только если..., то». Лишь в этом случае знание об обстоятельствах преступления будет достоверным, единственно возможным, исключая сомнения в своей истинности. Д. Мейер указывал, что «улики в смысле доказательства как бы составляют круг, безвыходно охватывающий преступника: когда хоть в одном месте круг допускает его выход, — улики не удовлетворяют цели служить доказательством преступления»¹.

Выводы:

1. Дискуссионный вопрос о преимущественном использовании в процессе расследования преступления индуктивной или дедуктивной модели доказывания не является принципиальным, поскольку их использование зависит от обстоятельств конкретного уголовного дела, и эти методы построения выводов дополняют, а не исключают друг друга. Поскольку вывод суда о виновности лица в совершении преступления, ни при каких условиях, не может основываться на вероятном знании, неважно, с помощью каких методов познания достигнута достоверность того фактического материала, которым будет обосновано судебное решение. Принципиально лишь одно — вывод о виновности лица, обвиняемого в совершенном преступлении, должен быть достоверно доказан.

2. В следственной и судебной практике встречаются ошибки, допускаемые при оценке значения доказательств, обусловленные использованием таких форм умозаключений, которые, хотя и выводятся из достоверного знания, дают только правдоподобные, но не достоверные выводы, т. е. не берется во внимание их предположительный характер. Следует помнить, что выводы в таких случаях, хотя и основанные на достоверно установленных фактах, лежащих в основе доказательств и полученных в процессе проведения следственных дей-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе... — С. 474.

² Пещак, Я. Указ. соч. — С. 94.

ствий (значит, относимых, допустимых и достоверных), тем не менее, остаются только вероятными. Поэтому необходимо различать достоверность как свойство каждого из полученных доказательств и достоверность выводов субъектов доказывания, основанных на этих доказательствах.

3. Кроме свойств относимости, допустимости и достоверности, каждое доказательство обладает и таким свойством, как значимость (сила) доказательства, являющимся важным для оценки достаточности доказательств и понимания логики доказывания. Под силой доказательства подразумевается его доказательственная ценность, весомость, логическая убедительность как аргумента. Значение доказательства определяется не внешними факторами, а существенными качествами, индивидуальными особенностями самих доказательств, относящихся к их содержанию. Значит, чем больше в доказательстве единичных, индивидуальных, неповторимых признаков, тем ценнее доказательство.

4. Накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений, лишь в рамках которой (но не за ее пределами) количественные изменения не меняют качества явления, и сфера познания в процессе расследования преступления в этом плане не является исключением. Накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до момента практической достоверности.

5. Версия обвинения будет доказана только в том случае, если из нее вытекают не любые следствия, а такие, которые в совокупности обладают выраженными неповторимыми, индивидуальными особенностями. Другими словами, эти следствия должны указывать на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины и исключать всякое иное объяснение обстоятельств дела. Лишь в этом случае знание об обстоятельствах преступления бу-

¹ Мейер, Д. Указ. соч. – С. 61.

дет достоверным, единственно возможным, исключающим сомнения в своей истинности.

3.4. Условия формирования внутреннего судебного убеждения

Качество уголовного судопроизводства, безусловно, зависит от принципов и форм деятельности судов. Согласно ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Состязательность сторон закреплена и в ст. 15 УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства, содержание которого состоит в отделении функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела друг от друга и недопустимости возложения этих функций на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Построенный на этом принципе уголовный процесс предполагает наличие двух противоположных сторон – обвинения и защиты, имеющих различные интересы. Усилия стороны обвинения направлены на достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Деятельность стороны защиты заключается в отстаивании интересов подсудимого и далеко не всегда сопровождается заинтересованностью в установлении истины. Именно различие в интересах является основой для состязания сторон в условиях судебного разбирательства уголовного дела.

Под состязанием в русском языке понимают форму деятельности, при которой участвующие стремятся превзойти друг друга в мастерстве, искусстве¹. По-видимому, именно данное определение позволило некоторым авторам прийти к выводу, что в состязательном споре «истина на стороне сильного, а не правого», что «законодатель в новом УПК не различает «понятия «сильный» и «правый», а отождествляет их, т. е. исходит из принципа: «кто сильнее, тот и прав»»².

Действительно, состязательность сторон является принципом, согласно которому разбирательство дела происходит в форме правового спора сторон в судебном заседании³. Любой спор – это столкновение мнений, позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений, но это не

¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка... – С. 691.

² Печников, Г. А. Указ. соч. – С. 84.

³ Большой юридический словарь... – С. 577.

значит, что правовой спор – это спор ради спора, в котором стороны упражняются в искусстве красноречия. Стороны обвинения и защиты (с обеих сторон квалифицированные юристы, кто из них сильнее?) стремятся убедить суд (а не друг друга¹) в правильности своих позиций, давая им тщательное обоснование обстоятельствами дела. Поэтому «сильной» и «правой» судом будет признана только та сторона, чья позиция подтверждена достаточной совокупностью достоверных доказательств. Кроме этого, как точно отмечается в юридической литературе приверженцами состязательной системы судопроизводства, «делу истины легче служить в состязательной системе судопроизводства, поскольку в этой системе по каждому делу представлены, по крайней мере, две версии истины, то есть на одну больше, чем в системе правосудия с меньшим элементом состязательности, где одна из двух версий обычно остается невыявленной для суда»².

Состязательность требует наделения противоборствующих сторон равными процессуальными правами по отстаиванию своих интересов. Но равенство прав не означает равенство процессуальных возможностей. Так, согласно презумпции невиновности, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, поэтому «бремя доказывания» несет обвинение. Еще в III веке до н. э. древнеримским юристом Павлом был сформулирован принцип: «Обязанность доказывать лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает»³.

С логической точки зрения, обвинитель должен доказать тезис виновности обвиняемого в совершении преступления, задачей же адвоката является защита законных прав обвиняемого путем опровержения тезиса обвинения. Доказывание стороной обвинения предполагает аргументацию рассматриваемого тезиса (в данном случае виновности обвиняемого), четкую систему связи между отдельными суждениями, логическую правильность утверждений, обоснование

¹ М. С. Строгович указывал, что неумеренная борьба сторон, увлеченных «спортивным азартом», осложнение исследования дела излишними препирательствами – эти и многие другие эксцессы состязательности действительно в ряде случаев могут создать препятствия для обнаружения истины. (Строгович, М. С. Учение о материальной истине. – С. 161).

² Бернар, У. Указ. соч. – С. 221.

³ Строгович, М. С. Учение о материальной истине... – С. 260.

их истинности. Задача защиты – либо аргументированно опровергнуть обвинение, либо показать недостаточность доказательственного материала, представленного стороной обвинения. Даже если тезис обвинения не будет опровергнут, а будут лишь разбиты доводы обвинения, задача защиты будет выполнена. В логике опровержение аргументов, подтверждающих тезис, ведет лишь к выводу «не доказано», т. е. тезис может быть и истинным, но этого не удалось доказать (данная ошибка носит название «не следует» («non sequitur»)). В условиях же судебного процесса это не имеет практического значения, т. к. из вывода «обвинение не доказано» следует вывод о признании невиновности за недоказанностью обвинения.

Доказать виновность обвиняемого – это всегда трудновыполнимая задача, требующая огромных усилий. Но из того, что осуществление функции обвинения, по сравнению с функцией защиты, сопровождается большими трудностями, не следует вывод о том, что «бессмысленно говорить о равноправии сторон в судопроизводстве»¹. Принцип равноправия сторон в уголовном процессе предполагает не равное количество произведенных сторонами исследований, действий и мыслительных операций, а равные возможности в представлении и исследовании доказательств. По справедливому мнению А. В. Смирнова, речь идет о равенстве процессуальных функций, которое «не означает их предметного совпадения ... – оно заключается в их одинаковой «мощности», способности сторон равно эффективно добиваться своих целей»². При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, представляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнения их процессуальных функций³. Следует

¹ Овсянников, И. Логика доказывания в уголовном процессе... – С. 5.

² Смирнов, А. В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность / А. В. Смирнов // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 146.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Б. Е. Безлепкин [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 37.

признать справедливым мнение В. А. Лазаревой, что «суд в состязательном уголовном процессе не субъект, а адресат доказывания»¹.

Другим важным принципом, закрепленным в ст. 17 УПК РФ, является принцип свободной оценки доказательств: «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Закрепление законодателем во второй главе УПК РФ правила оценки доказательств по внутреннему убеждению и придание ему статуса принципа уголовного процесса, на мой взгляд, является положительным явлением в теории и практике уголовного судопроизводства. В объективном смысле принцип – это исходный пункт, первооснова, самое первое², а позиция юриста по любому определенному вопросу может базироваться только на внутреннем убеждении, в частности, чтобы обвинять, нужно сформировать внутреннее убеждение³ о том, что обвиняемый виновен в совершении преступления на основании свободной оценки доказательств. Свобода субъектов доказывания в оценке доказательств вовсе не означает, как считают некоторые авторы, «независимости оценки от конкретных фактических данных и объективных свойств явлений»⁴. Такое отношение к пониманию этого принципа может привести к допускаемому законом произволу. При оценке доказательств субъекты не могут быть абсолютно свободны: они подчинены закону, фактам объективной действительности и законам логики; основываются не на догадках и предположениях, а на установленных фактах⁵, достоверность которых по их твердому убеждению не вызывает сомнений.

¹ Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 39.

² Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 363.

³ «Убежденность» у С. И. Ожегова – «твердая вера в истинность чего-нибудь». (Ожегов, С. И. Словарь русского языка... – С. 807), у В. И. Даля также – «то в чем кто-либо убежден, уверен, чему твердо и рассудительно верит». (Даль, В. И. Толковый словарь русского языка... – С. 664).

⁴ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 181.

⁵ Рябина, Т. К. Внутреннее убеждение в механизме доказывания по уголовному делу / Т. К. Рябина, О. В. Петрова, Е. Д. Горевой // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 14; Го-

Не следует также смешивать решение по системе свободной оценки с решением его по непосредственному впечатлению. «Положительное значение в уголовно-процессуальном доказывании, – по верному утверждению П. А. Лупинской, – могут иметь только эмоции, основанные на знании фактических данных дела»¹. Поэтому оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних лишь чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом², которое может быть только мнением. Не случайно, Платон, выявляя гносеологическую специфику знания в отличие от субъективной убежденности типа мнения, объявлял условия первого рациональными, а условия второго – чувственными³. Вывод, к которому в итоге приходит суд, должен быть продуктом достоверного знания, а не веры или чувства.

В процессуальной литературе верно отмечается, что от правильного разрешения вопроса о внутреннем убеждении зависит, в конечном итоге, успех всей процессуальной деятельности⁴. Различен подход к рассмотрению внутреннего убеждения при оценке доказательств, которое понимается и как критерий оценки доказательств, и как метод оценки, и как ее результат, либо как единство этих аспектов. Ю. В. Корневский, в частности, считает, что «критерием истины в правосудии может быть только внутреннее убеждение следователя, прокурора и, главное, судьи»⁵.

На мой взгляд, внутреннее убеждение должно быть результатом оценки доказательств, но никак не ее критерием¹. С. Амосов точно указывает на разницу между ними – если считать внутреннее убеждение критерием оценки, то «судья может оценить доказательства, так как находит нужным в данное время

ревой, Е. Д. Психологические особенности формирования внутреннего судебного убеждения / Е. Д. Горевой // Российский судья. – 2004. – № 8. – С. 13.

¹ Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе... – С. 43

² Фойницкий, И. Я. Указ соч. – С. 188.

³ Ильин, В. В. Указ. соч. – С. 54.

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 474.

⁵ Корневский, Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе... – С. 60.

и в данном месте», если же результатом – «доказательства оцениваются такими, какие они есть, по формуле «факты – упрямая вещь»»². П. А. Лупинская также справедливо считает, что внутреннее убеждение не может рассматриваться в качестве критерия истинности произведенной оценки: «Решение по делу признается истинным не потому, что таково убеждение суда, а потому, что в основу решения положены достоверные фактические данные, полученные и проверенные в практической деятельности»³. Именно эта позиция характеризует внутреннее убеждение судьи как объективное, основанное на непосредственном исследовании всех представленных сторонами доказательств.

Кроме этого, поскольку внутреннее убеждение – категория, выражающая субъективное отношение к объективной реальности, личная убежденность одного человека в достоверности и достаточности доказательств, подтверждающих либо опровергающих виновность обвиняемого, не может быть критерием (мерилом) объективности. Если считать внутреннее убеждение признаком истинности или ложности положения, то любая субъективная вера во что-либо должна признаваться истиной. Г. Ф. Дормидонтов более ста лет назад отмечал, что «основой наших убеждений о том, что истинно служит верование и знание. Верующий может быть так же убежден, как и знающий. Суждение о предмете, основанное на такой вере, субъективно так же достоверно, как и суждение, основанное на данных опыта, на знании»⁴. Поэтому внутреннее убеждение отдельного субъекта ни в коем случае не может являться критерием истинности знания. Как справедливо отмечают некоторые ученые, признание внутреннего убеждения в качестве критерия истины породит столько истин, сколько в процессе участвует познающих субъектов⁵.

¹ Критерий, согласно философскому энциклопедическому словарю, – это признак, на основании которого производится оценка, средство проверки, мерило оценки, признак истинности или ложности положения. (Философский энциклопедический словарь... – С. 226).

² Амосов, С. Формирование внутреннего убеждения / С. Амосов // Правосудие в Восточной Сибири. – 2003. – № 4. – (<http://www.pravosib.ru/4-2003>).

³ Лупинская, П. А. Доказывание в советском уголовном процессе... – С. 45.

⁴ Дормидонтов, Г. Ф. Указ. соч. – С. 18.

⁵ Рябинина, Т. К. Указ. соч. – С. 16.

Следует признать правомерным мнение ученых, считающих единственным критерием истины опыт, практику, понимаемую и как конкретные процессуальные действия, составляющие содержание процесса доказывания, и как социально значимую деятельность субъектов доказывания, и как общественную практику, отраженную в доказывании через закон, и как опытные положения, выработанные в различных отраслях науки и техники. Достоверным знанием об обстоятельствах дела может считаться только такое знание, в отношении которого отсутствуют исключения из общественного практического опыта, и в первую очередь, из опыта, сосредоточенного в совокупности собранных по делу доказательств, на основании изучения которых возникает убежденность в том, что конкретное событие имело место в действительности¹.

В. Мельник считает, что инструментом оценки доказательств является не внутреннее убеждение, а здравый смысл². С. Пашин же, напротив, полагает, что значение здравого смысла в правовых процедурах опасно переоценивать: «Здравый смысл – это еще и предрассудки, отвергающие презумпцию невиновности и прочие достижения юридической культуры («дыма без огня не бывает»)»³. Поскольку здравый смысл – это значение чего-нибудь, постигаемое разумом⁴, поэтому он является одним из необходимых, но не единственным основанием для формирования внутреннего убеждения. Следует отметить также, что часто здравый смысл ограничивается поверхностным взглядом на суть явлений, глубоко не проникая в их смысл⁵.

Думается, что представление о внутреннем убеждении как методе оценки доказательств требует уточнения. Метод (от греческого *methodos*) – путь иссле-

¹ Смирнов, А. В. Уголовный процесс... – С. 218; Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании... – С. 218-223; Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 482–484; Рябинина, Т. К. Указ. соч. – С. 16; Уголовный процесс: Учеб. / под ред. И. Л. Петрухина. – С. 174.

² Мельник, В. Здравый смысл при вынесении вердикта // В. Мельник // Российская юстиция. – 1995. – № 10. – С. 7.

³ Пашин, С. Теория формальных доказательств и здравый смысл / С. Пашин // Российская юстиция. – 1996. – № 1. – С. 52.

⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка... – С. 726.

⁵ Философский энциклопедический словарь... – С. 164.

дования, способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи¹. На мой взгляд, внутреннее убеждение субъекта скорее является не способом достижения цели, а самой целью познания обстоятельств совершенного преступления – достигнуть твердой уверенности, убежденности в достоверности знания, основанного на полном и всестороннем исследовании доказательств, не нуждающемся, поэтому в дальнейшем обосновании.

Вывод о достоверности доказательств делается в результате субъективного убеждения в этом субъекта доказывания, но это не значит, что к такому же убеждению необходимо должны прийти другие участники процесса. Ю. В. Кореневский, отмечая, что решение о направлении дела в суд принимается, когда имеются веские доказательства виновности обвиняемого и убежденность в этом следователя, но может не быть полной уверенности, что суд согласится с обвинением, подчеркивает, что, за исключением самых простых дел, такой уверенности и не может быть². Поэтому достоверность выводов, в которой могут быть субъективно убеждены сторона обвинения или сторона защиты для суда имеет лишь предварительный характер, поскольку только суд, являясь основным субъектом оценки доказательств, должен разрешить правовой спор сторон на основании всестороннего исследования представленных в суде доказательств и принять властное решение. Кроме этого, «приговор суда должен являться действительным результатом судебного следствия, а не наоборот – чтобы объем судебного следствия определялся судом наперед применительно к предложенному заранее приговору»³.

Субъекты доказывания со стороны обвинения и защиты оценивают доказательства, исходя из своих позиций в деле, собирают и представляют доказательства они и только они, поэтому только стороны «знают представляемые ими доказательства и могут с известной авторитетностью судить о значении их

¹ Советский энциклопедический словарь... – С. 797.

² Кореневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю. В. Кореневский // Доказывание в уголовном процессе: Традиции и современность; под ред. В. А. Львова. – М.: Юрист, 2000. – С. 151.

³ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 232.

для дела»¹. Задачей сторон является представление доказательств, способных убедить суд в правильности занимаемых ими позиций, при этом убеждающее воздействие доказательств зависит от их силы и объективного значения для дела. Суд же, не выступая на стороне обвинения или стороне защиты, создавая необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, имеет возможность получить обобщенное знание, опираясь на разные, чаще соперничающие точки зрения. Состязательность обвинения и защиты дает возможность суду учесть все данные за и против обвинения и не упустить ни одного обстоятельства, способного пролить свет на рассматриваемое дело. Суд, непосредственно исследуя доказательства, может требовать дополнительной информации, задавать вопросы, уточнять рассуждения, в результате, у него формируется собственный взгляд на обстоятельства дела, личная оценка доказательств. Перелагать эту оценку на кого-либо или руководствоваться оценкой, данной другими, суд не имеет права. Доказательства принимаются или отвергаются судом в зависимости от их убедительности. Именно в этом смысле внутреннее убеждение можно рассматривать как метод оценки доказательств, т. е. как мыслительную деятельность, заключающуюся в формировании собственного взгляда на обстоятельства дела, путь формирования вывода о доказанности или недоказанности наличия этих обстоятельств, рациональное самоубеждение судьи. При оценке доказательств суд руководствуется только собственными суждениями, сформировавшимися в процессе судебного исследования доказательств. Судья только в том случае должен признать факт установленным, а преступление доказанным, «когда на основе собранных доказательств в этом лично убедился, удостоверился»².

Изложенное позволяет сделать вывод, что внутреннее убеждение является не критерием, а целью исследования обстоятельств дела, его методом и результатом оценки доказательств.

¹ Там же. – С. 211.

² Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 55.

Внутреннее убеждение в уголовном процессе рассматривается как психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью в истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события¹. Поскольку внутреннее убеждение – это психическое состояние, поэтому для него невозможно с правовых позиций установить какие-либо формальные правила. С. Г. Садивакин верно отмечает, что оценка доказательств, как мыслительный и, следовательно, субъективный процесс, не может наблюдаться со стороны и в том виде, в каком она протекает, непосредственному изучению не подлежит². Каким же образом достигается твердая уверенность в истинности достигнутых результатов? Ответ один – только в результате доказанности обстоятельств дела. Под «доказанностью обстоятельств дела» в данном случае следует понимать не осуществленный процесс собирания, проверки и оценки доказательств, а достоверный вывод об установлении обстоятельств совершенного деяния, обоснованный достаточной совокупностью собранных, проверенных и оцененных (с точки зрения относимости, допустимости и достоверности) доказательств. При таком понимании смысла понятия «доказанность обстоятельств дела» (результат логического доказательства, а не уголовно-процессуального доказывания) цель доказывания не смещается с результата на средства. Результатом уголовно-процессуального доказывания должна быть доказанность обстоятельств уголовного дела.

Внутреннее убеждение непосредственно связано с оценкой доказательств, а любая оценка предполагает три элемента: 1) познавательный (когнитивный); 2) логический; 3) психологический. Убеждение как продукт взаимодействия разума, чувства и воли не просто правильный взгляд, а эмоционально окрашенная внутренняя сила, регулирующая человеческое поведение. Внутреннее убеждение – это, во-первых, знание, во-вторых, вера в правильность этого знания и, в-третьих, волевой стимул, побуждающий к определенным практическим дей-

¹ Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – С. 37.

² Садивакин, С. Г. О структуре оценки доказательств / С. Г. Садивакин // Юридический аналитический журнал. – 2002. – № 2 (3). – С. 114.

ствиям¹. По мнению В. А. Лазаревой, «любая (непосредственно) воспринимаемая судом информация является результатом познавательной деятельности других субъектов (свидетеля, следователя), на основе которой исключительно мыслительным путем суд приходит к логическим выводам, завершающим процесс познания. Изложение этих выводов в приговоре есть констатация познанного (установленного) факта»². Следовательно, основным является познавательный элемент, предполагающий наличие информации, которая должна представлять собой логически стройную систему, для того чтобы убедить познающего субъекта в достоверности информации, на основании которой принимается процессуальное решение.

По правильному, на мой взгляд, мнению Г. М. Резника, «структура формирования внутреннего убеждения судьи должна носить формально-логический характер»³, поскольку преступление является событием прошлого, и «судья может прийти к своему выводу о рассматриваемом им событии лишь логическим путем, сопоставляя мнения, суждения, доказательства, проверить же его опытным путем он не в состоянии»⁴. Но, не смотря на то, что судья не может проверить опытным путем соответствие содержания доказательств тому, что было в действительности, он может выяснить, какой проверке следователем подвергалось каждое из рассматриваемых в суде доказательств, порядок фиксации и проверки которых установлен законом, таким образом убедиться в их достоверности или недостоверности. И. Я. Фойницкий в этой связи отмечал: «Суду указывается как событие, так и его причина; ему ставится не вопрос: что произошло и кем оно причинено, а вопрос: произошло ли данное событие и составляет ли причину его, внешнюю и внутреннюю деятельность определенного обвиняемого? Суду представляются и доказательства, имеющиеся для разреше-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 481.

² Лазарева, В. А. Указ. соч. – С. 20.

³ Резник, Г. М. Указ. соч. – С. 65.

⁴ Мизулина, Е. Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия / Е. Б. Мизулина // Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 53.

ния этого вопроса. Ему остается лишь определить точность или истинность доказательств и поставить их в логическую связь с искомым»¹.

Некоторые авторы, напротив, считают, что в уголовном судопроизводстве недопустима логика формально-методологического подхода². Такая точка зрения не может быть признана даже заслуживающей внимания, поскольку мир в познавательной ситуации не может быть дан и освоен иначе, как в формах мышления, и проверка истинности суждений обязательно принимает логическую форму и без логики не может быть осуществлена. Еще И. Кант со всей отчетливостью зафиксировал: невозможно познавательно осваивать объект без учета средств и способов его познавательного освоения³.

А. Ф. Черданцев справедливо отмечает, что «в теории права признание несвязанности судьи законами логики преследует цель заменить закон и выводы из закона на основе правил логики интуицией судьи, его правовым чувством, его представлением о «справедливом», «естественном» праве... Под флагом алогизма – освобождение судьи от закона и логики»⁴.

Люди постоянно употребляют правильную форму умозаключения как орудие проверки имеющихся знаний. Делая из тех или иных посылок логически правильный вывод и устанавливая затем его ложность, мы заключаем отсюда и ложность одной или всех посылок, из которых делался этот вывод. Подтверждением верности нашего заключения о ложности посылки является здесь именно правильная форма выводов⁵. Несомненное значение и важность логических учений в уголовном процессе отмечал И. Василенко, утверждавший, что «суд по внутреннему убеждению должен покоиться на прочных доводах, систематически представленных; всестороннее знание теории рассуждения и доказательства необходимо для юриста-практика»⁶.

¹ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 179–180.

² Быков, В. М. Указ. соч. – С. 48; Печников, Г. А. Указ. соч. – С. 78.

³ Ильин, В. В. Указ. соч. – С. 158.

⁴ Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора... – С. 95.

⁵ Баженов, Л. Б. О природе логической правильности / Л. Б. Баженов // Вопросы логики; АН СССР Ин-т философии; отв. ред. П. В. Таванец. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 112.

⁶ Василенко, И. Указ. соч. – С. 954.

В ходе судебного следствия тщательно проверяется объективность информации, собранной на предварительном следствии, при этом судья делает вывод о доказанности или недоказанности обвинения на основании лишь тех доказательств, которые были представлены и исследованы в суде, поскольку только после этого возможны умозаключения о них. Поведение судьи должно быть беспристрастным и определяться объективностью, а в основе окончательного вывода о том, доказано ли событие преступления и совершил ли его обвиняемый, должны лежать знания и логика рассуждений, ничего больше. Судья, оценив доказательства, должен быть убежден в правильности своего решения. Именно судья (суд) способен «объективно исследовать все собранные доказательства и прийти к единственно правильному и обоснованному с позиции логики и закона решению»¹.

Убедить кого-то – это значит лишь создать у убеждаемого уверенность в истинности тезиса. Задача убеждения считается законченной, если такая уверенность почему-либо создалась, независимо от того соответствует тезис действительности или не соответствует. Приемами убеждения могут служить не только приемы доказательства в собственном смысле, но и другие способы воздействия на человека: влияние на чувства, на фантазию, использование пафоса, заинтересованности и т. д., лишь бы эти приемы порождали психологический эффект, состояние уверенности в обладании истиной. Целью же доказательства является установление соответствия тезиса независимой от убеждаемого субъекта действительности по закону достаточного основания, т.е. установление самой объективной истины, а не достижение субъективной убежденности в обладании истиной².

Преимущество логики перед другими средствами убеждения убедительно показал П. Сергеич: «Когда оратор развивает чисто логическое рассуждение, вокруг него чувствуется как бы здоровый холод, в котором широко дышится и ясно видно сквозь чистый воздух; в патетической речи нет этой прохлады, по-

¹ Миронов, В. Ю. Указ. соч. – С. 88.

² Ахманов, А. С. Учение Аристотеля... – С. 26.

этому первое воспринимается слушателями с полной готовностью, второе – почти всегда с некоторым недоверием. Другое преимущество логического доказательства перед обращением к чувству заключается в том, что противник ваш всегда может охладить чувствительность присяжных и никогда не властен отнять малейшую крупницу у верного логического рассуждения»¹.

Таким образом, в любом случае, убедить – значит, обратиться к разуму, а для этого необходимо выстроить логически безупречную цепочку рассуждений, что и будет основанием для психологического состояния убеждения. Поэтому основными аспектами формирования внутреннего убеждения являются познавательный и логический аспекты. Перенос же акцента на психологическую способность доказательств убеждать без рассмотрения их подлинной сущности представляется опасным. Правильность оценки доказательств определяется не степенью их воздействия на исследователя, а обоснованностью этой оценки².

Следует различать, по справедливому мнению С. Пашина, убежденность в виновности подсудимого и доказанность его виновности³. Доказательства должны убеждать суд в доказанности вины обвиняемого, поскольку неотразимую силу придает мысли не субъективная уверенность, а обоснованное убеждение, с другой стороны, лишь акты обоснованного знания сопровождаются переживанием субъективной уверенности в его достоверности. Именно поэтому, на мой взгляд, ключевым понятием для принятия любых решений по уголовному делу, является именно понятие «обоснованность».

Процесс формирования внутреннего убеждения судьи связан с непрерывным разрешением сомнений, которые, по справедливому мнению Д. П. Туленкова, и должны изначально предполагаться в силу исходного принципа презумпции невиновности подсудимого¹. Только подвергнув сомнению версию предварительного следствия, испытав ее на прочность и достоверность, суд может установить истину. В процессе исследования доказательств происходит

¹ Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Тула: Автограф, 1998. – С. 286.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 483.

³ Пашин, С. Теория формальных доказательств и здравый смысл... – С. 52.

либо устранение сомнений, либо их углубление, что ведет к соответствующему выводу – о виновности или невиновности подсудимого. Внутреннее убеждение как результат оценки доказательств означает уверенность суда в достоверности доказательств и правильности выводов, к которым он пришел в процессе их исследования². Вывод суда должен быть однозначным, исключающим разумное сомнение, так как убеждение и сомнение – понятия друг друга исключающие. Под «разумным сомнением», по мнению Р. Уокера, следует понимать «сомнение, которое основано на разуме и здравом смысле, и может возникнуть в результате тщательного и беспристрастного рассмотрения всех доказательств либо в результате недостаточности доказательств. Доказанность вины вне разумного сомнения – это доказанность, которая оставляет вас в твердом убеждении, что обвиняемый виновен»³.

Некоторыми авторами в структуре внутреннего убеждения как результата оценки доказательств, правомерно выделяется, кроме перечисленных, еще один аспект – нравственно-этический, предполагающий учет требований совести и справедливости при вынесении решения⁴. Убеждение, справедливо отмечал И. Я. Фойницкий, «не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести»⁵. Совесть, как чувство нравственной ответственности⁶, выступает в этом процессе внутренним критерием соблюдения правил, обеспечивающих независимость и свободу выражения своего убеждения, уверенность в беспристрастности и справедливости решения⁷, таким образом, выражает самооценку деятельности и самоконтроль убеждения суда.

¹ Туленков, Д. П. Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе / Д. П. Туленков // Российский судья. – 2007. – № 2. – С. 31.

² Власов, А. Должен ли суд нести ответственность за доказывание? / А. А. Власов // Современное право. – 2001. – № 1. – С. 31.

³ Цит. по: Кореневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе... – С. 156.

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе... – С. 478 – 481.

⁵ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – С. 216.

⁶ О роли совести в процессе доказывания см.: Мельник, В. Нравственные основы искусства защиты и обвинения. Роль совести в процессе доказывания / В. Мельник // Российская юстиция. – 1996. – № 2. – С. 8 – 9; № 3 – С. 6 – 8; № 4. – С. 8 – 10.

⁷ Лупинская, П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. Лупинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 8.

В основе судебного приговора должна лежать не только логическая неизбежность, но и нравственная обязательность, поскольку сформировать внутреннее убеждение невозможно, если не руководствоваться при этом ценностными ориентациями, нравственными установками¹. По, безусловно, верному мнению ряда ученых, справедливость в уголовном процессе может быть достигнута лишь при надлежащей, соразмерной реакции правоохранительных органов на преступное поведение. А такая реакция может быть справедливой только в случае, когда компетентным органам известны все обстоятельства дела. Таким образом, законодатель опосредованно указывает на необходимость установления истины по каждому уголовному делу².

Можно сделать вывод, что указание закона на оценку доказательств по внутреннему убеждению, свободному от внешнего принуждения и не связанному формальными предписаниями, предполагает в качестве необходимого условия такое психическое состояние субъекта, которое характеризуется убежденностью в достоверности полученного знания, отсутствием сомнений в правильности решений, основанных на этом знании. Решить по внутреннему убеждению – значит осознать единственную правильность утверждаемого или отрицаемого, иметь строго обоснованную уверенность в истинности своих суждений и располагать необходимым для этого объективным материалом¹.

Принцип свободы оценки доказательств сформулирован законодателем таким образом, что доказательства оцениваются на основании самих себя («основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств»), что не может быть признано правильным. Представляется, что основанием для формирования внутреннего убеждения должна являться доказанность или недоказанность всех обстоятельств преступления, которые могут быть установлены только в результате полного, всестороннего и объективного исследования доказательств, «в суде должны быть исследованы по возможности все грани

¹ Васильев, В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. СПб.: Питер, 1997. – С. 239; Снегирев, Е. А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: Автореф ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. А. Снегирев. – Воронеж, 2002. – С. 12.

² Рябинина, Т. К. Указ. соч. – С. 16.

вопроса»². Представляется несомненным вывод Н. Подольного о том, что «само утверждение принципа состязательности сторон является признанием того, что обстоятельства дела должны исследоваться всесторонне, полно и объективно»³. Последовательное проведение принципа всестороннего и о полного исследования обстоятельств уголовного дела является необходимым условием постановления законного и обоснованного приговора.

Для устранения указанного несоответствия предлагаю следующую редакцию ч. 1 ст. 17. УПК РФ:

«Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на полном, всестороннем и объективном исследовании совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

В современных условиях принцип свободной оценки по внутреннему убеждению предполагает наличие следующих условий:

- самостоятельность и прерогатива субъекта доказывания при оценке доказательств;
- независимость субъекта доказывания, т.е. несвязанность с оценкой, данной другим лицом или органом;
- отсутствие предустановленной законом силы доказательств, их видов, значения и количественных показателей достаточности для дела;
- непосредственное восприятие всех доказательств;
- отсутствие всякого внешнего принуждения;
- точное соблюдение законов мышления.

Внутреннее убеждение можно определить как свободное от посторонних влияний нравственно и логически обоснованное критическое отношение судьи к доказанности или недоказанности обстоятельств совершенного преступления

¹ Фаткуллин, Ф. Н. Указ. соч. – С. 204.

² Бернам, У. Указ. соч. – С. 210.

³ Подольный, Н. Новый УПК – новая идеология уголовного процесса / Н. Подольный // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 2.

совокупностью представленных и полно, всесторонне и объективно исследованных в суде доказательств.

Судейское убеждение должно опираться на достоверные факты и основываться на проверенных и рассмотренных в суде доказательствах¹, при этом суд не только должен прийти к убеждению сам, но и отразить мотивы своего убеждения в процессуальных документах, в этом проявляется социальное значение судебного акта. Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Именно в мотивировке обоснованности принимаемых решений находит внешнее выражение внутреннее убеждение судей. Требование мотивировать важнейшие судебные решения, — отмечает П. А. Lupinskaya, — обязывает судей еще и еще раз продумать и объяснить ход и результат своих рассуждений, путей преодоления своих сомнений в достоверности того или иного доказательства, доказанности каких-либо обстоятельств по делу и т.д.²

Таким образом, свободное внутреннее судебное убеждение при оценке доказательств возможно только в условиях состязательного уголовного процесса, целью которого является достижение объективно обоснованного результата.

Выводы:

1. Внутреннее убеждение субъекта доказывания является:

1) целью познания обстоятельств совершенного преступления — достигнуть твердой уверенности, убежденности в достоверности знания, основанного на полном и всестороннем исследовании доказательств, не нуждающемся, поэтому в дальнейшем обосновании;

2) методом оценки доказательств, т.е. мыслительной деятельностью, заключающейся в формировании собственного взгляда на обстоятельства дела,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебных приговорах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1996. — № 7. — С. 2–8.

² Lupinskaya, P. Судебные решения: содержание и форма / П. Lupinskaya // Российская юстиция. — 2001. — № 11. — С. 58.

путь формирования вывода о доказанности или недоказанности наличия этих обстоятельств, рациональное самоубеждение субъекта;

3) результатом оценки доказательств.

2. Основными для формирования внутреннего убеждения являются познавательный и логический аспекты, предполагающие наличие информации, которая должна представлять собой логически стройную систему, для того чтобы убедить познающего субъекта в достоверности информации, на основании которой принимается процессуальное решение.

3. Основанием для формирования внутреннего убеждения должна являться доказанность или недоказанность всех обстоятельств преступления, которые могут быть установлены только в результате полного, всестороннего и объективного исследования доказательств. В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 17. УПК РФ:

«Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на полном, всестороннем и объективном исследовании совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

4. Внутреннее убеждение – свободное от посторонних влияний нравственно и логически обоснованное критическое отношение судьи к доказанности или недоказанности обстоятельств совершенного преступления совокупностью представленных и полно, всесторонне и объективно исследованных в суде доказательств.

5. Состязательность обвинения и защиты дает возможность суду учесть все данные за и против обвинения и не упустить ни одного обстоятельства, способного повлиять на решение по рассматриваемому делу, поэтому свободное внутреннее судебское убеждение при оценке доказательств возможно только в условиях состязательного уголовного процесса, целью которого является достижение объективно обоснованного результата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Познание по уголовному делу не исчерпывается только процессом доказывания, оно включает в себя также познание событий, указывающих путь к получению доказательств. Всякое обстоятельство, относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами расследования и суда в предусмотренном законом порядке, но сначала это обстоятельство познается, а уже затем решается вопрос об относимости этого обстоятельства (сведений о нем) к предмету процессуального доказывания. Прежде чем стать доказательствами информация о расследуемом событии должна быть познана, осмыслена, проверена и оценена. Предмет познания и предмет доказывания по делу находятся в отношении субординации и объем первого понятия включает в себя объем второго. Познание выступает гносеологической основой доказывания, так как доказывается, обосновывается всегда познанное, познание возможно без доказывания, но не наоборот.

2. Уголовно-процессуальное доказывание можно определить как логико-практическую деятельность, протекающую в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, заключающуюся в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Сущность процессуального доказывания состоит в обосновании выводов об обстоятельствах уголовного дела посредством собранных, проверенных, оцененных и исследованных в суде доказательств, целью которого является достижение достоверных знаний о фактических обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

3. Познание истины по уголовному делу происходит в процессе установления фактических обстоятельств дела, а затем при правовой оценке установленного события уступает место не формальной истине, а юридической (т. е. соответствие юридического знания правовой реальности). Юридическая истина не исключает объективную истину, а основана на ее познании, поскольку лишь при объективном установлении обстоятельств дела их правовая оценка стано-

вится обоснованной. Состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции юридической (процессуальной) истины, т. е. на соответствии юридического знания, полученного в процессе судебного исследования, правовой действительности.

4. Только полное, всестороннее и объективное установление всех существенных обстоятельств расследуемого преступления на предварительном следствии – гарантия того, что будут собраны все доказательства, необходимые для справедливого разрешения дела. В связи с этим предлагается изложить ч. 2 ст. 21 УПК РФ в следующей редакции:

«В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по объективному, полному и всестороннему установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

5. Правомерность исключения из УПК РФ упоминания об истине как цели судопроизводства в целом объясняется тем, что вопрос об истине должен рассматриваться с учетом различных требований, которые закон предъявляет к обвинительному и оправдательному приговору. Лишь при достоверном установлении стороной обвинения обстоятельств преступления и виновности лица (лиц) в совершении преступления возможна правильная квалификация деяния и, как следствие, справедливое разрешение дела. Целью доказывания по уголовному должно быть установление истины, понимаемой как достоверная доказанность обстоятельств совершения преступления и их юридическая оценка с точки зрения норм уголовного закона.

6. Законодатель употребляет термин «доказывание» в смысле собирания, проверки и оценки доказательств только в ст. 73 УПК РФ. В других же статьях термин «доказывание» употребляется уже в смысле обоснования (т.е. доказывание в логическом аспекте), подтверждения собранными доказательствами определенного вывода. В связи с этим необходимо дополнить определение до-

казывания, содержащегося в ст. 85 УПК РФ, добавив в него обосновывающую функцию доказывания:

«Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса, для обоснования выводов по уголовному делу».

7. Нарушение законов логики в области применения права приводит к ошибкам, причиняющим более существенный вред, чем в других областях общественной жизни. Одинаково недопустимы в процессе доказывания по уголовному делу нарушения, как правовых предписаний, так и логических законов. Ст. 302 УПК РФ требует подтверждения виновности лица в совершении преступления достаточной совокупностью согласующихся между собой достоверных доказательств, поэтому в уголовном судопроизводстве закон достаточного основания имеет принципиальное значение, поскольку непосредственно связан с обоснованностью ответственности.

8. Презумпции имеют двойственную природу – логическую (метод образования презумпций – популярная индукция) и правовую (закрепленность в правовых нормах). Фактические презумпции правового значения не имеют, но могут учитываться при формировании внутреннего убеждения субъекта доказывания. Существенным признаком фактических презумпций является их высокая вероятность, т.е. большее значение в доказывании имеет логическая природа таких презумпций.

Для правовых презумпций, в отличие от фактических, преобладающей является их правовая, а не логическая природа, т. е. прямая или опосредованная закрепленность в правовых нормах, порождающая правовые последствия.

Значение использования презумпций в процессе уголовно-процессуального доказывания заключается в следующем:

1) презумпции выступают способом, облегчающим достижения истины, так как, являясь продуктом многовековой практики, освобождают от необходимости их доказывать вновь;

2) создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости;

3) служат средством обоснования знания об обстоятельствах уголовного дела;

4) являются способом перераспределения обязанностей по доказыванию.

9. Вероятность и достоверность являются характеристиками знания, выражающими степень его обоснованности. Достоверное знание отличается от вероятного логическая или практическая обоснованность выражаемой в нем истины. Формами удостоверения истины являются обоснование и доказательство, поэтому в процессе расследования уголовного дела посредством собирания, проверки и оценки доказательств вероятное знание об обстоятельствах преступления, о виновности или невиновности подозреваемого должно быть преобразовано в обоснованное этими доказательствами достоверное знание. Вероятность является средством, а достоверность целью и результатом познания по уголовному делу.

Согласованность всех полученных в процессе расследования данных — основной и важнейший критерий истинности представления субъекта доказывания обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности обстоятельств расследуемого преступления.

10. Накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до момента практической достоверности. Версия обвинения будет доказана только в том случае, если из нее вытекают следствия, которые в совокупности обладают выраженными индивидуальными особенностями, т.е. эти следствия должны указывать на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины и исключать всякое иное объяснение обстоятельств дела. В логике такая связь между основанием и следствием выражается в форме двойной импликации: «если и только если..., то». Лишь в этом случае знание об об-

стоятельствах преступления будет достоверным, единственно возможным, исключающим сомнения в своей истинности.

11. Свободное внутреннее судебское убеждение при оценке доказательств возможно только в условиях состязательного уголовного процесса, целью которого является достижение объективно обоснованного результата.

Внутреннее убеждение субъекта доказывания является:

1) целью познания обстоятельств совершенного преступления - достигнуть твердой уверенности, убежденности в достоверности знания, основанного на полном и всестороннем исследовании доказательств, не нуждающемся, поэтому в дальнейшем обосновании;

2) методом оценки доказательств, т.е. мыслительной деятельностью, заключающейся в формировании собственного взгляда на обстоятельства дела, путь формирования вывода о доказанности или недоказанности наличия этих обстоятельств;

3) результатом оценки доказательств.

12. Внутреннее убеждение – это психическое состояние, для которого невозможно с правовых позиций установить какие-либо формальные правила. Твердая уверенность в истинности достигнутых результатов может быть достигнута только в результате доказанности обстоятельств дела. Под «доказанностью обстоятельств дела» следует понимать не осуществленный процесс собирания, проверки и оценки доказательств, а достоверный вывод об установлении обстоятельств совершенного деяния, обоснованный достаточной совокупностью доказательств. При таком понимании смысла понятия «доказанность обстоятельств дела» (результат логического доказательства, а не уголовно-процессуального доказывания) цель доказывания не смещается с результата на средства. Основанием для формирования внутреннего убеждения должна являться доказанность или недоказанность всех обстоятельств преступления, которые могут быть установлены только в результате полного, всестороннего и объективного исследования доказательств, в связи с этим предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 17. УПК РФ:

«Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на полном, всестороннем и объективном исследовании совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

13. Основными для формирования внутреннего убеждения являются познавательный и логический аспекты, предполагающие наличие информации, которая должна представлять собой логически стройную систему, для того чтобы убедить познающего субъекта в достоверности информации, на основании которой принимается процессуальное решение. Внутреннее убеждение – это свободное от посторонних влияний логически и нравственно обоснованное критическое отношение судьи к доказанности или недоказанности обстоятельств совершенного преступления совокупностью представленных и полно, всесторонне и объективно исследованных в суде доказательств.

Научное издание

Корнакова Светлана Викторовна

**ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 25.03.09. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ 4064.

Издательство Байкальского государственного университета экономики и права
664003 Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП